

А.Ю. Викулин

ОСНОВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕФЕКТОЛОГИИ

Часть третья:
ЯЗЫК ЗАКОНА И ЕГО ДЕФЕКТЫ

Том 3
Языковая личность
законодателя

Москва
2021

УДК 340.13.09

ББК 67.06

В43

Викулин, А.Ю.

В43 Основы законодательной дефектологии. Часть третья: Язык закона и его дефекты. Том 3: Языковая личность законодателя. — М. : ООО «Новые печатные технологии», 2021. — 312 с.

ISBN 978-5-6046631-3-4

Очередная монография из многотомного исследования «Основы законодательной дефектологии» доктора юридических наук, генерального директора АО «Национальное бюро кредитных историй» Александра Юрьевича Викулина посвящена рассмотрению особенностей языковых личностей субъектов, реализующих себя посредством создания законодательных актов.

Для членов Федерального собрания Российской Федерации, представителей иных органов власти, студентов, аспирантов, преподавателей учебных заведений, научных работников и всех, кто интересуется вопросами совершенствования законодательства и современной культуры законотворчества.

УДК 340.13.09

ББК 67.06

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или ее части в любом виде воспрещается без письменного разрешения автора.

ISBN 978-5-6046631-3-4

© Викулин А.Ю., 2021

Оглавление

Предисловие.....	5
Глава 1. Языковая личность: понятие, виды, структура.....	14
1.1. Понятие языковой личности, ее виды и формы	14
1.2. Структура языковой личности	21
1.3. Законодательный текст: понятие и понимание.....	25
Глава 2. Индивидуальная языковая личность законодателя.....	46
2.1. Понятие индивидуальной языковой личности законодателя	46
2.2. Типология языковой личности	52
2.3. Специфика индивидуальной языковой личности законодателя	78
Глава 3. Групповая языковая личность законодателя.....	88
3.1. Основания выделения коллективной языковой личности законодателя	88
3.2. Понятие групповой языковой личности законодателя.....	91
3.3. Средства оценки (маркировки) предметов и явлений групповой языковой личностью законодателя.....	98
3.3.1. Мелиоративы	99
3.3.2. Пейоративы.....	105

3.4. Способы воздействия групповых языковых личностей на политико-идеологических оппонентов	112
3.5. Концепты групповой языковой личности законодателя	122
3.5.1. Концепт	122
3.5.2. Лингвокультурный концепт.....	130
3.5.3. Лингвокогнитивный концепт.....	141
3.6. Индоктринация как условие существования групповой языковой личности законодателя	149
3.6.1. Понятие индоктринации	149
3.6.2. Признаки коммуникативной ситуации индоктринации	154
3.6.3. Тактики, приемы и способы групповой индоктринации	189
3.6.4. Последствия индоктринации	193
Глава 4. Совокупная языковая личность законодателя.....	198
4.1. Понятие совокупной языковой личности законодателя и характеризующие ее типы мышления.....	198
4.2. Профессионализм, компетентность и элитарность совокупной языковой личности законодателя	220
Заключение	237
Словарь законодательной дефектологии.....	249
Список использованной литературы	251

Предисловие

Язык является не только орудием общения, средством выражения мысли, накопления и передачи информации, но и «служит “продолжением” человеческого мозга, подобно тому как материальные орудия являются “продолжением” человеческих рук, ног, органов чувств»¹. Представления о нерасторжимом единстве языка и личности имеют давнюю историю. Так, еще в 1844 г. говорилось о сращивании родного языка и личности до такой степени, что учить одному значит вместе с тем и развивать духовные способности учащегося².

Научное понимание языковой личности ведет свой отсчет от опубликованной в 1927 г. работы Й.Л. Вайсгербера³, где рассматривалось различие индивидуального и коллективного в языковой способности. В России изучение языковой личности восходит к публикации В.В. Виноградова⁴, который считал, что «социальное ищется в личностном через раскрытие всех структурных оболочек языковой личности»⁵, а также что «в общей системе словесной организации и в приемах “изображения” художественно-инди-

¹ Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998. С. 163.

² См.: Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. (Антология мысли). М., 2019.

³ Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. 2-е изд. М., 2004. С. 81.

⁴ См.: Виноградов В.В. О художественной прозе. М.; Л., 1930.

⁵ Виноградов В.В. О языке художественной прозы : избр. тр. М., 1980. С. 91.

видуального мира проступает внешне скрытый лик “писателя”»⁶.

Предметная разработка теории языковой личности в России началась в 70-х гг. XX в. в исследованиях Г.И. Богина⁷, А.А. Леонтьева⁸ и Ю.Н. Караулова⁹. Обращение к языковой личности как объекту научного исследования обусловлено методологической интеграцией исторического, психологического, системно-структурного, социального и иных аспектов языкознания. Необходимость рассмотрения языка через взаимосвязи различных составляющих отмечены К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Немецкой идеологии»¹⁰.

Попытки изучить все свойства языка с позиций только одного из подходов приводили к гипостазированию соответствующего парадигмообразующего фактора. Под гипостазированием понимается «логическая (семан-

⁶ Виноградов В.В. О языке художественной прозы : избр. тр. М., 1980. С. 78.

⁷ См.: Богин Г.И. Модель относительно полного владения языком. Сообщение 1: Модель относительно полного владения родным языком // Материалы Первой республиканской конференции по методике преподавания и педагогике высшей школы. Алма-Ата, 1971; Богин Г.И. Модель относительно полного владения языком. Сообщение 2: Перенос факторов модели владения первым языком на формируемую модель относительно полного владения вторым языком // Речь: исследование и обучение. Алма-Ата, 1971; Богин Г.И. Относительная полнота владения вторым языком. Калинин, 1978; Богин Г.И. Современная лингводидактика. Калинин, 1980; Богин Г.И. Модель языковой личности и её отношение к разновидностям текстов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984.

⁸ См.: Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. М., 1965; Леонтьев А.А. Речевая деятельность // Хрестоматия по психологии. М., 1977; Леонтьев А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977.

⁹ См.: Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 6-е изд. М., 2007.

¹⁰ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 4.

тическая) ошибка, заключающаяся в опредмечивании абстрактных сущностей, в приписывании им реально-го, предметного существования»¹¹. Эта лингвистически-эпистемологическая¹² проблема исследована Г. Райлом и определена им как «дезориентирующая возможность языка»¹³, в то время как Р. Рорти называл ее «гипостазированием языка»¹⁴.

¹¹ Философия : энцикл. словарь / под ред. А.А. Ивина. М., 2004. С. 181.

¹² Эпистемология — философско-методологическая дисциплина, исследующая знание как таковое, его строение, структуру, функционирование и развитие. Нередко (особенно в английском языке) слово выступает как синоним гносеологии. См.: Абачиев С.К. Эволюционная теория познания. Опыт систематического построения. М., 2004; Анкин Д.В. Теория познания. Екатеринбург, 2019; Гносеологические проблемы диалектического материализма. М., 1974; Гносеология в системе философского мировоззрения. М., 1983; Елсуков А.Н. История античной гносеологии. Минск, 1992; Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. 2-е изд. Т. 1. М., 2010.; Ильин В.В. Теория познания. Эпистемология. Т. 2. М., 1994; Кезин А.В. Эволюционная эпистемология: современная междисциплинарная парадигма // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1994. № 5; Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. М., 1974; Никитин Е.П. Исторические судьбы гносеологии // Философские исследования. 1993. № 1; Пиаже Ж. Генетическая эпистемология // Вопросы философии. 1993. № 5; Савельев А.В. Тёмная сторона силы или субъективность в эпистемологии на портале «Философия в России» // Философия науки. 2010. № 3 (46); Соболев А.В. О персоналистической гносеологии // Вопросы философии. 1998. № 4; Таубе М.Ф. Познаниеведение (гносеология) по Славянофильству. Пг., 1912; Фурманов Ю.Р. Критика метафизического разума в эволюционной теории познания // Философские науки. 1991. № 8; Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. М., 2000.

¹³ См.: Райл Г. Систематически дезориентирующие выражения // Эпистемология и философия науки. Т. XXV. 2010. № 3; Ryle G. Systematically Misleading Expressions // The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method. Chicago, 1992.

¹⁴ Рорти Р. Витгенштейн, Хайдеггер и гипостазирование языка // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991. С. 122.

Хотя применение гипостазирувания не всегда однозначно приводит к отрицательным результатам, так как «этот прием часто оказывается необходимым в сфере теоретического и философского мышления»¹⁵, — это лишь прием, используемый разумом, который положил гипостазированную идею «в основу полного определения вещей вообще только как понятие всей реальности, вовсе не требуя, чтобы вся эта реальность была дана объективно и сама составляла вещь»¹⁶. По мнению Ю.Н. Караулова, основной недостаток гипостазированного изучения языка в том, что ни одно из четырех фундаментальных свойств языка не содержало оснований для выводимости остальных его свойств, что и делало невозможным их интеграцию. Решение данной проблемы лежало в поле расширения предмета лингвистики путем введения «в ее парадигму языковой личности как равноправного объекта изучения, как такой концептуальной позиции, которая позволяет интегрировать разрозненные и относительно самостоятельные свойства языка»¹⁷.

Преодоление гипостазированного изучения языка привело к тому, что в конце прошлого века понятие «языковая личность» «становится стержневым системообразующим филологическим понятием. Большинство исследователей в настоящее время оно оценивается как интегратив-

¹⁵ Микешина Л.А. Гипостазирование как проблема лингвистической эпистемологии // Эпистемология и философские науки. Т. XXXII. 2012. № 2. С. 35.

¹⁶ Кант И. Критика чистого разума : в 8 т. Т. 3. М., 1994. С. 440.

¹⁷ Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М., 2010. С. 21.

ное, послужившее началом нового этапа в развитии языкознания — антрополингвистики¹⁸¹⁹.

Признание антропоцентризма одним из ведущих принципов современной лингвистики означает, что «человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели»²⁰. За всю историю лингвистики никто не пытался опровергнуть гумбольдтовское понимание языка как «мира, лежащего между миром внешних явлений и внутренним миром человека»²¹, как «не просто внешнего средства общения людей, поддержания общественных связей», но средства, «заложенного в самой природе человека и необходимого для развития его духовных сил и формирования мировоззрения»²².

¹⁸ Антропологическая лингвистика — раздел лингвистики, изучающий эволюцию человеческого мышления на основе ее отражения в соответствующей эволюции языка (прежде всего его лексики). См.: Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3; Антропология языка : сб. ст. / отв. ред. С.Р. Омельченко. Вып. 1. М., 2010; Вып. 2. М., 2012; Гринберг Дж. Антропологическая лингвистика. Вводный курс. М., 2004; Иванов Д.И. Антропоцентричная парадигма и лингвоориентированная гуманитарная теория // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11 (65) : в 3 ч. Ч. 2; Омельченко С.Р. В поисках антропологии языка // Научный диалог. 2012. № 12: Филология; Основы антрополингвистики: к лексическим основаниям эволюции мышления человека / С.В. Гринев-Гриневич, Э.А. Сорокина, Т.Г. Скопюк. М., 2005; Перехвальская Е.В. Этнолингвистика. М., 2016.

¹⁹ Кочеткова Т.В. Проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры (обзор) // Вопросы стилистики. Вып. 26. Саратов, 1996. С. 15.

²⁰ Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века : сб. ст. М., 1995. С. 212.

²¹ Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 304.

²² Там же. С. 51.

Помимо антропологистики, языковая личность как объект изучения широко представлена собственно в лингвистике²³, в психологии²⁴, психолингвистике²⁵, психоло-

²³ См.: Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975; Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984; Бодуэн де Куртенэ И.А. Введение в языковедение. Пг., 1917; Буслаев Ф.И. Учебник русской грамматики, сближенной с церковнославянской. С приложением образцов грамматического разбора. 12-е изд. М., 2010; Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. М., 1993; Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001; Виноградов В.В. О теории художественной речи : учеб. пособие. 2-е изд. М., 2005; Гумбольдт В.Ф. Избранные труды по языкознанию. М., 1984; Жирмунский В.М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936; Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М., 2010; Трофимова Г.С. Структура педагогической коммуникативной компетентности (методологический аспект). 2-е изд. Ижевск, 2000; Чистович Л.А. Психоакустика и вопросы теории восприятия речи // Распознавание слуховых образов / под ред. Н.Г. Загоруйко и Г.Я. Волошина. Новосибирск, 1970.

²⁴ См.: Андреева Г.М. Социальная психология. М., 2000; Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М., 1996; Битянова М.Р. Социальная психология: наука, практика и образ мыслей. М., 2001; Выготский Л.С. Педагогическая психология / под ред. В.В. Давыдова. М., 1996; Гришина Н.В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб., 2008; Леонтьев А.А. Психология общения. М., 2005; Солсо Р.Л. Когнитивная психология. М., 1996.

²⁵ См.: Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1997; Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. Хомский и психология. 5-е изд. М., 2009; Седов К.Ф. Жанровое мышление языковой личности (о риторике бытового общения) // Речевое общение. 2000. Вып. 2; Седов К.Ф. Коммуникативные стратегии дискурсивного поведения и становление языковой личности // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград ; Саратов, 1998; Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингвистические аспекты. Саратов, 1999; Тарасов Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики. М., 1987; Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. СПб., 2002.

гии труда²⁶, социолингвистике²⁷, методологии обучения²⁸ и других дисциплинах. В последнее время языковая личность и языковые права личности все больше получают свое отражение в исследованиях правоведов²⁹.

Законодательная дефектология имеет первичным объектом своего исследования законодательные тексты и связанные с их созданием процессы и явления. В силу

²⁶ См.: Забродин Ю.М. Психология личности и управления человеческими ресурсами. М., 2002; Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. Ростов н/Д., 1996; Платонов К.К. Вопросы психологии труда. М., 1970.

²⁷ См.: Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. М., 2001; Лабов У. О механизме языковых изменений // Новое в лингвистике. Социолингвистика. Вып. 7. М., 1975; Labov W. The Social Motivation of a Sound Change // Sociolinguistic Patterns. Philadelphia, 1972.

²⁸ См.: Беглова Е.И. Обогащение русского словаря В.Г. Белинским (материал к спецсеминару) // Формирование личности учителя-словесника для союзной республики в процессе интенсификации обучения русскому языку : межвуз. сб. науч. тр. Куйбышев, 1990; Габдулхаков В.Ф., Исламишин Р.Ф. Андрогогика: историко-педагогический процесс и языковая личность XXI века. М., 2005; Прохорова И.О. Русский язык как иностранный. Языковая личность российского политика. М., 2002; Рапопорт Н.В. Языковая национальная личность в контексте формирования культурологической компетенции // Лингвокультурологические проблемы подготовки педагогических кадров для башкирских школ : материалы Республиканской науч.-практ. конф. Уфа, 1998.

²⁹ См.: Губогло М. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., 2000; Клементьев Е.И. В поисках правовой защиты культурно-языковых интересов карел, вепсов, финнов Республики Карелия // Права человека и законодательство о языках в субъектах Российской Федерации. М., 2003; Мурса И.Н. Речевой портрет личности как инструмент судебного автороведения // Юрислингвистика. 2021. № 18 (29); Никулина И.А. Влияние цифровизации на общественно-речевую практику адвоката в сети Интернет // Адвокатская практика. 2020. № 4; Чернов С.Н. Проблемы конституционно-правового статуса национальных районов в Республике Карелии // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 4.

стоящих перед ней задач, а также в связи с внутренней склонностью к методологической рефлексии законодательная дефектология объективно заинтересована в изучении языковой личности законодателя как субъекта, создающего законодательные тексты. Это обусловлено тем, что язык, которым изложен законодательный текст, «выступая в качестве транслятора культуры, <...> способен оказывать влияние на способ миропонимания, характерный для той или иной лингвокультурной общности»³⁰. По справедливому замечанию С.Р. Левина, «язык как свойство человека заслуживает самого серьезного исследования, и такое исследование вознаграждено тем, что мы получаем знания о нас самих и нашей действительности в мире»³¹. При этом не следует забывать, что «безошибочное и точное употребление отечественного языка на практике не довольствуется одним врожденным умением, но руководствуется известными правилами, и особенно у нас, потому что произвол, ложное иностранное влияние, мода и педантизм весьма много попортили врожденный нам дар русского слова»³².

Языковая личность появляется, развивается и функционирует в конкретном лингвосоциуме. При этом «каждый лингвосоциум отличается своей концептуальной системой — “образом мира”, “картиной мира”, отвечающей ориентационным и экзистенциональным (физическим, духовным, технологическим, этическим, эстетическим и др.) потребностям»³³. Картина мира меняется от одной

³⁰ Опарина Е.О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 58.

³¹ Левин С.Р. Прагматическое отклонение высказывания // Теория метафоры. М., 1990. С. 342.

³² Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. М., 2019. С. 11.

³³ Гаврилова О.В. Вторичная языковая личность — результат обучения иностранным языкам // Университетский комплекс как регио-

культуры к другой, поэтому нет одинаковых национальных культур, более того — нет одинаковых образов сознания, отображающих одинаковые или даже один и тот же культурный предмет³⁴.

нальный центр образования, науки и культуры : материалы Всерос. науч.-метод. конф. Оренбург, 2016. С. 1991.

³⁴ См.: Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. М., 1989.

Глава 1

Языковая личность: понятие, виды, структура

1.1. ПОНЯТИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ, ЕЕ ВИДЫ И ФОРМЫ

При недифференцированном восприятии объекта анализа языковая личность понимается:

- как многомерное образование, «в значении которого преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность»¹;
- «как носитель образа мира определенной социально-культурной общности», носитель «не только языка, но и определенной “языковой” и “глобальной” (лингво-когнитивной и “концептуальной”) картины мира»²;
- «как индивид или как коллектив, пользующийся языком как базовым каналом коммуникации»³;

¹ См.: Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентричной парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1.

² Гаврилова О.В. Вторичная языковая личность — результат обучения иностранным языкам // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: материалы Всерос. науч.-метод. конф. Оренбург, 2016. С. 1991.

³ Гронская О.Н. Языковая картина мира и языковая личность сказки: пути реконструкции // Языковая картина мира. Кемерово, 1995. С. 126.

- «как динамическая система, характеризующаяся особым соотношением различных... параметров: духовного, душевного, интуитивного, рационального, сознательного, бессознательного, узуального, творческого, потенциального, репрезентативного и др. Языковая личность выступает также и как функциональная система...»⁴;
- как личность, представляющая собой «многослойную и многокомпонентную парадигму речевых личностей, которые дифференцируются, с одной стороны, с учетом различных уровней языка, с другой стороны, — с учетом основных видов речевой деятельности, с третьей — с учетом тех тем, сфер и ситуаций, в рамках которых происходит речевое общение»⁵;
- как «методологический конструкт изучения языковой картины мира, в которой фиксируются фрагменты когнитивного опыта освоения нацией принадлежащего ей культурно-исторического пространства»⁶;
- как личность, владеющая «совокупностью дискурсных способностей... а именно ориентировки и планирования речевых и неречевых действий, формулирования плана действия в речевой форме, контроля и корректировки (по мере необходимости) речевых действий...»⁷;
- как «личность, существующая в языковом пространстве, пользующаяся вербальными знаками и представ-

⁴ Ерошенко А.Р. Концепт «Человек» в антропологической лингвистике: особенности интерпретации // Антропоцентрическая парадигма в филологии. Ставрополь, 2003. Ч. 2. С. 20.

⁵ Клобукова Л.П. Структура языковой личности на разных этапах ее формирования // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. Вып. 2. М., 1997. С. 70.

⁶ Ма Т.Ю. Американская языковая личность в культурно-историческом пространстве США XX века (опыт прототипического подхода) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012. С. 4.

⁷ Пушкин А.А. Способ организации дискурса и типология языковых личностей // Язык, дискурс и личность. Тверь, 1990. С. 52.

ляющая собой одновременно как совокупность, так и результат реализации способностей к созданию и восприятию речевых произведений»⁸;

- «как самодеятельная активная сущность, реализующая себя через создание и восприятие речевых произведений (текстов)»⁹;
- как вид представления личности, основанный на анализе дискурса носителя языка с точки зрения использования системных средств данного языка для отражения определенной действительности и для достижения конкретных коммуникативных целей¹⁰.

В зависимости от целей исследования содержание понятия языковой личности может варьироваться от «типичного представителя данной языковой общности и более узкого входящего в нее речевого коллектива» до «представителя человеческого рода, неотъемлемым свойством которого является способность к использованию знаковых систем»¹¹.

Верным представляется утверждение, что «языковая личность реализует и языковую систему национального языка, и индивидуальные особенности видения окружающей действительности, и социальную систему, отражен-

⁸ Флеров О.В., Алямкина Е.А. Вторичная языковая личность и ее развитие в учебном процессе // Психология и психотехника. 2018. № 3. С. 145.

⁹ Чарыкова О.Н. Художественный текст как объект дискурсивно-когнитивного анализа // Проблемы русского и общего языкознания: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 5 / отв. ред. В.И. Казарина. Елец, 2007. С. 192.

¹⁰ См.: Шевченко О.Н. Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б.В. Заходера) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. С. 6.

¹¹ См.: Ружицкий И.В. Концепция языковой личности: лингводидактический аспект : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Словесник. Учитель. Личность» (Чебоксары, 20 ноября 2009 г.). Чебоксары, 2009.

ную языком, и индивидуальную креативную речевую деятельность человека»¹². Таким образом, понятие «языковая личность» используется «для описания как обобщенных характеристик, объединяющих какие-либо группы людей, так и языковой личности конкретного человека»¹³.

В отличие от А.А. Реформатского, который считает, что воссоздание языковой личности в полной мере — задача, видимо, невыполнимая вообще, поскольку личность бесконечна¹⁴, мы полагаем, что «реконструирование личности на основе ее языковых средств»¹⁵ имеет многообещающие научные перспективы и выполнимо в достаточной для практического использования мере. Это непосредственно следует из определения М.П. Котюровой: «Языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств»¹⁶, с которым мы согласны целиком и полностью.

Наряду с языковой личностью учеными исследуются также такие смежные с рассматриваемым понятием, как «словарная личность»¹⁷, «этносемантическая личность»¹⁸,

¹² Беляевская Е.Г. Теория языковой личности и когнитивная лингвистика // Языковая личность: аспекты изучения : сб. науч. ст. памяти Ю.Н. Караулова. М., 2017. С. 41.

¹³ Шевченко О.Н. Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б.В. Заходера) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. С. 2.

¹⁴ См.: Реформатский А.А. Язык и личность. М., 1989. С. 149.

¹⁵ Пушкин А.А. Прагмалингвистические характеристики авторитарной языковой личности : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1991. С. 39.

¹⁶ Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003. С. 660.

¹⁷ См.: Карасик В.И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность // Филология. 1994. № 3.

¹⁸ См.: Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1.

«речевая личность», «коммуникативная личность»¹⁹, лингвокультурный типаж²⁰, речевой портрет²¹, языковой портрет²², коммуникативный портрет²³, социолингвистический портрет²⁴ и др.

¹⁹ См.: Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.

²⁰ См.: Коровина А.Ю. Лингвокультурный типаж «английский сноб» : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008; Попова С.В. Лингвокультурный типаж «школьная учительница»: субъектное позиционирование : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012; Старцева Т.В. Когнитивное моделирование лингвокультурного типажа EMIGRANT: на материале ирландской литературы XX–XXI вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012; Шильникова И.С. Когнитивное моделирование лингвокультурного типажа The Map of Property (на материале цикла Д. Голсуорси) : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2010; Щеглова И.В. Лингвокультурный типаж «чиновник» (на материале русского языка) : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010; Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чудак» : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.

²¹ См.: Ачимова С., Проскурин Б.М. Речевой портрет персонажа (на материале романа Ника Хорнби «Мой мальчик») // Мировая литература в контексте культуры : сб. материалов Междунар. науч. конф. «Иностранные языки и литературы: актуальные проблемы методологии исследования» (Пермь, 12 апреля 2007 г.) / под ред. Н.С. Бочкаревой. Пермь, 2007; Гордеева М.Н. Речевой портрет и способы его описания // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. 2008. № 6; Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1; Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет : фонохрестоматия. М., 1995.

²² См.: Кусько Е.Я. Лексико-синтаксические средства языковой характеристики персонажей в романах А. Шаррера : дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1969.

²³ См.: Балыкина Т.М., Нетесина М.С. Коммуникативный портрет современного политика // Вестник науки Сибири. Серия 9. Филология. Педагогика. 2012. № 1 (2).

²⁴ См.: Николаева Т.М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность: проблемы и перспективы развития русистики : докл. Всесоюз. науч. конф. М., 1991. Ч. 2.

Коммуникативная личность определяется как «одно из проявлений личности, обусловленное совокупностью ее индивидуальных свойств и характеристик, которые определяются степенью ее коммуникативной потребности, когнитивным диапазоном, сформировавшимся в процессе познавательного опыта, и собственно коммуникативной компетенцией — умением выбора коммуникативного кода, обеспечивающим адекватное восприятие и целенаправленную передачу информации в конкретной ситуации»²⁵.

Лингвокультурный типаж проявляется через коммуникативное поведение, важнейшим компонентом которого является вербальный ряд. В этом плане речевое портретирование типажа представляет собой продуктивный исследовательский прием, если, разумеется, такой типаж не относится к исторической архаике и допускает изучение посредством наблюдения²⁶.

Речевой портрет рассматривается: как «совокупность лексических, грамматических, фонетических особенностей речевого поведения персонажа, создающих его косвенную социолектическую и идиолектическую характеристику»²⁷; «воплощенная в речи языковая личность»²⁸; «речевое воплощение образа»²⁹; «набор речевых пред-

²⁵ Тупицына И.Н. Речевая коммуникация: личностно-когнитивное измерение: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. С. 39.

²⁶ См.: Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы : сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика. Волгоград, 2005.

²⁷ Гафарова А.С. Речевой портрет: социолингвистические характеристики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. С. 19.

²⁸ См.: Леорда С.В. Речевой портрет современного студента : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006.

²⁹ См.: Малетина О.А. Лингвостилистические средства создания портрета // Актуальные вопросы лингвистики в работах молодых ученых : материалы научной сессии факультета лингвистики и межкультурной коммуникации ВолГУ (апрель 2003 г.) : сб. науч. ст. Вып. 2. Волгоград, 2004.

почтений говорящего в конкретных обстоятельствах для актуализации определенных намерений и стратегий воздействия на слушающего»³⁰; «словесное перечисление внешних черт человека»³¹; «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определенного социума в отдельно взятый период существования»³².

Языковой портрет — это индивидуализирующий и одновременно типизирующий способ передачи речи персонажа, проявление в ней характера героя в его непрерывном развитии, его мировоззрения, идеологических позиций, политического уровня³³.

Изучение различных подходов к вербальной и текстовой реализации языковой личности различных слоев общества, возрастных, гендерных и социальных групп позволяет утверждать, что в науке выделяют:

- индивидуальную (идиолектную, частночеловеческую, конкретную и т. п.) языковую личность;
- коллективную (полилектную, многочеловеческую, совокупную, групповую и т. п.) языковую личность.

Вычленение антропологического аспекта в традиционном объекте лингвистического анализа, которым является текст как средство общения людей и их социолингвистических групп, позволяет дифференцировать языковую

³⁰ Матвеева Г.Г. Речевая деятельность и речевое поведение как составляющие речи. Пятигорск, 1998. С. 14.

³¹ См.: Нечаева О.А. Очерки по синтаксической семантике и стилистике функционально-смысловых типов речи. Улан-Удэ, 1999.

³² Тарасенко Т. П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. С. 26.

³³ См.: Кусько Е.Я. Лексико-синтаксические средства языковой характеристики персонажей в романах А. Шаррера : дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1969. С. 348.

личность законодателя на два вида существования данного феномена: индивидуальный и коллективный.

При этом коллективная языковая личность законодателя, как представляется, существует в двух формах:

- групповая языковая личность законодателя;
- совокупная языковая личность законодателя.

Названные виды и формы различаются в зависимости от особенностей законодательного текста, явившегося результатом деятельности соответствующей языковой личности в процессе ее участия в создании законов, а также статуса этой личности, определяемого имеющимися полномочиями, ее ролью и вкладом в создание законов.

1.2. СТРУКТУРА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Структурность языковой личности исходит из структурности языковой природы бытия и сознания, а также из положения, согласно которому «духовные и культурные образования имеют существенно структурный характер, так что можно сказать, что сам “дух” или культура структурны»³⁴. В личности, ее речи и бытии проявляется синергетический принцип целостности, когда прошлое, настоящее и будущее выступают в их взаимосвязи, содействии и единстве³⁵.

Наиболее полно структура языковой личности рассмотрена в исследованиях Г.И. Богина, А.А. Леонтьева и Ю.Н. Караулова.

В соответствии с подходом Г.И. Богина построение понятия языковой личности происходит на основании представления о структуре владения языком, основой

³⁴ Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989. С. 382.

³⁵ См.: Князева Е.Н. Холизм синергетики и недугальность восточного мышления // Противоречие и дискурс. М., 2005. С. 55 — 56.

которой предлагается считать факторы, объединенные в три группы: содержательную, деятельностную и оценочную. К первой (содержательной) группе относятся аспекты языка как системы, ко второй группе (деятельностной) отнесены виды речевой деятельности (чтение, письмо, говорение и аудирование), а в третьей (оценочной) собраны оценочные характеристики речевых актов (правильность, скорость, насыщенность, адекватность выбора и адекватность комплектации). Здесь базовая модель владения языком представляет собой организованную иерархическую структуру, в которую объединены коррелирующие между собой признаки, выделенные не на основании количественного анализа, а, скорее, по результатам интерпретации личного языкового опыта. Языковые компетенции рассматриваются в данном случае как «способность человека к использованию языка в своей деятельности» и «накладываются» на основные группы неспецифических компетенций, таких как трудовая, познавательная и социально-коммуникативная. При этом языковые компетенции утверждаются не как источник других компетенций человека, а как обязательное условие их наличия. Этот подход подчеркивает невозможность полного овладения языком³⁶. Так называемая идеальная языковая личность, полностью готовая осуществлять всю способность производства речевых поступков, есть не более чем научная фикция. И если идеальная языковая личность обладает неограниченной готовностью к оперированию языком, то к индивидуальным случаям можно применить только понятие «относительно полное владение языком», кото-

³⁶ См.: Богин Г.И. Модель относительно полного владения языком. Сообщение 1: Модель относительно полного владения родным языком // Материалы Первой республиканской конференции по методике преподавания и педагогике высшей школы. Алма-Ата, 1971; Богин Г.И. Относительная полнота владения вторым языком. Калинин, 1978.

рое можно, тем не менее, сверять с абсолютным, родовым. Отталкиваясь от «идеальной языковой личности», можно описывать и классифицировать обстоятельства, ограничивающие полноту владения языком; противоречия на пути к относительной полноте; уровни и компоненты развития языковой личности в связи с формированием ею речевых готовностей³⁷.

Подход А.А. Леонтьева исходит из готовности субъекта к использованию языка в своей деятельности. Эта готовность обозначена в качестве речевой (языковой) способности и определена как совокупность психологических и физиологических условий, обеспечивающих усвоение, производство и адекватное восприятие языковых знаков членами (данного) языкового коллектива³⁸. В рамках своего подхода А.А. Леонтьев рассматривает процесс порождения высказывания, выделяя в нем три фазы интеллектуального акта личности: фазу ориентировки и планирования речевых и неречевых действий; фазу формирования плана действия в речевой форме; фазу контроля и корректировки речевых действий³⁹.

Теория Ю.Н. Караулова предполагает трехуровневую структуру языковой личности (дискурса), включающую вербально-семантический (лексикон); когнитивный (тезаурус); мотивационно-прагматический (прагматикон) уровни. Здесь полное описание языковой личности в целях ее анализа или синтеза предполагает:

- характеристику семантико-строевого уровня ее организации (т. е. либо исчерпывающее его описание, либо дифференциальное, фиксирующее лишь индивидуаль-

³⁷ См.: Богин Г.И. Уровневое развитие языковой личности // Обретение способности понимать: работы разных лет. Т. 1. Тверь, 2009.

³⁸ См.: Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. М., 1965.

³⁹ См.: Леонтьев А.А. Речевая деятельность // Хрестоматия по психологии. М., 1977. С. 223 – 228.

- ные отличия и осуществляемое на фоне усредненного представления данного языкового строя);
- реконструкцию языковой модели мира или тезауруса данной личности на основе произведенных ею текстов;
 - выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящих отражение в процессах создания текстов и их содержании, а также в особенностях восприятия чужих текстов⁴⁰.

В общефилософском плане семантический, когнитивный и прагматический уровни языковой личности, выделенные Ю.Н. Карауловым, соотносятся как язык, интеллект и действительность. Названные уровни не являются равнозначными, поскольку по-разному отражают языковую личность. Так, отмечается, что «неравнозначность уровней в конкретном описании ставит ряд запретов: знание об устройстве и особенностях функционирования вербально семантического уровня данной личности (например, ее полный ассоциативный словарь) является необходимой предпосылкой, но еще не дает оснований делать заключения о языковой модели мира. Если известен только “тезаурус” личности, нельзя еще делать выводов о мотивах и целях личности»⁴¹.

По содержанию языковая личность включает следующие компоненты: (1) ценностный, мировоззренческий, компонент содержания воспитания, т. е. систему ценностей, или жизненных смыслов; (2) культурологический компонент, т. е. уровень освоения языковой культуры; (3) личностный компонент, т. е. индивидуальное, глубин-

⁴⁰ См.: Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010.

⁴¹ Цит. по: Язык и личность. М., 1989. С. 21. См. также: Савчук Л.О. Системные соотношения словаря общества и словаря индивида (с точки зрения активного и пассивного запаса) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.

ное, что есть в каждом человеке⁴². Осознание себя как языковой личности, по утверждению Е.И. Пассова, складывается из нескольких составляющих: 1) осознание себя как личности в целом, включая вербально-семантический, лингвокогнитивный и мотивационный уровни; 2) способность пользоваться языком в текстовой деятельности; 3) способность к саморазвитию, к обеспечению креативной текстовой деятельности⁴³.

1.3. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ: ПОНЯТИЕ И ПОНИМАНИЕ

Изучение особенностей языковой личности законодателя невозможно без исследования продуцируемых им законодательных текстов. Создавая любой, в том числе законодательный, текст, субъект наполняет его смыслами и значениями. При этом содержание заложенных в текст смыслов и значений обусловлено уровнем образования, интеллекта, особенностями характера и менталитета создавшего его субъекта. Иными словами, текст как результат деятельности субъекта отражает его «речевую организацию», обусловленную уникальностью «индивидуально-личностного, эмоционально-оценочного знания, формирующегося в социуме через переработку знания коллективного, но не идентичного последнему»⁴⁴.

Законодательная дефектология имеет непосредственным объектом своего исследования законодательные тексты, а также «внешние по отношению к тексту особен-

⁴² См.: Лавринова Н.Н. Культурологический аспект изучения теорий языковой личности // Аналитика культурологии. 2005. Вып. 1 (3).

⁴³ См.: Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М., 1989.

⁴⁴ Залевская А.А. Индивидуальное знание. Специфика и принципы функционирования. Калинин, 1992. С. 89.

ности коммуникативного процесса»⁴⁵, что обуславливает необходимость понимания их природы. При этом очевидно, что законодательный текст является одним из видов собственно текста. Представляется, что специфика законодательного текста может быть выявлена путем установления его общих и особенных характеристик. Общие характеристики и понятие текста представлены следующими высказываниями:

- А.С. Белоусова воспринимает текст как «высшую коммуникативную единицу, не поддающуюся однозначному определению в понятиях грамматики»⁴⁶;
- В.П. Белянин считает, что «текст представляет собой основную единицу коммуникации, способ хранения и передачи информации, форму существования культуры, продукт определенной исторической эпохи, отражение психической жизни индивида и т. д.»⁴⁷;
- по мнению С.А. Борисовой, текст представляет «собой статический продукт языкового/речевого сознания субъекта, детерминированный потребностями общения и предполагающий определенное воздействие на собеседника/читателя согласно замыслу автора»⁴⁸;
- Н.Д. Бурвикова отмечает, что из-за многоплановости и многоуровневости его организации текст «трудно уложить в привычные линейные рамки той лингвистической науки, которая сформировалась на выявлении

⁴⁵ Чернявская В.Е. Дискурс // Стилистический энциклопедический словарь. М., 2003. С. 54.

⁴⁶ Белоусова А.С. Хроникальная заметка о XII Виноградовских чтениях // Вопросы языкознания. 1981. № 5. С. 152.

⁴⁷ Белянин В.П. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя. М., 2006. С. 6.

⁴⁸ См.: Борисова С.А. Смысловое восприятие: темпоральная вариативность читательских проекций художественного текста. Ульяновск, 1997.

некоторого корпуса единиц и дальнейшей их классификации»⁴⁹;

- О.Д. Вишнякова считает, что «текст может быть определен как речевое коммуникативное образование, функционально направленное на реализацию внеязыковых задач»⁵⁰;
- у И.Р. Гальперина «текст — это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку»⁵¹;
- Т.М. Дридзе понимает текст как единицу языка, а также как «подлинно коммуникативную единицу наиболее высокого порядка, являющую собой не только продукт, но также образ и объект мотивированной и целенаправленной коммуникативно-познавательной деятельности»⁵²;
- по мнению М.Я. Дымарского, «текст представляет собой системно-структурное образование, обладающее

⁴⁹ Бурвикова И.Д. Текст как объект лингвистического исследования в аспекте описания и преподавания русского языка как иностранного // Лингвистические и методические проблемы преподавания русского языка как неродного. М., 1991. С. 12.

⁵⁰ Вишнякова О.Д. Язык и концептуальное пространство (на материале современного английского языка). М., 2002. С. 183.

⁵¹ Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. С. 18.

⁵² Дридзе Т.М. Интерпретационные характеристики и классификация текстов (с учетом специфики интерпретационных сдвигов) // Смысловое восприятие речевого общения (в условиях массовой коммуникации). М., 1976. С. 46 — 47.

упорядоченной (иерархической) организацией, которая обеспечивается связностью — глубинной и поверхностной, локальной и глобальной... Текст как процесс и текст как продукт — две тесно связанные между собой, но существенно различные стороны одного явления»⁵³;

- К. Кожевникова определяет понятие текста следующим образом: «Текст — идеальная высшая коммуникативная единица, тяготеющая к смысловой замкнутости и законченности, конституирующим признаком которого, однако, является связность, проявляющаяся каждый раз в других параметрах, на разных уровнях текста и в разной совокупности частных связей»⁵⁴;
- В.В. Красных считает, что текст — это 1) вербальный и знаково зафиксированный (в устной или письменной форме) продукт речемыслительной деятельности; 2) вербальная и знаково зафиксированная «реакция» на ситуацию; 3) опосредованное и вербализованное отражение ситуации; 4) речемыслительный продукт, который обладает содержательной завершенностью и информационной самодостаточностью; 5) речемыслительный продукт, который обладает тематическим, структурным и коммуникативным единством; 6) нечто объективно существующее, материальное и поддающееся фиксации с помощью экстралингвистических средств (например, орудий письма, бумаги, аудио-/видео пленки и т. д.); 7) некая особая предикативная единица, если под предикацией понимать вербальный акт, с помощью которого автор интерферирует («вписывает») в окружающую действительность отраженную в его сознании картину мира, результатом чего являет-

⁵³ Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.). СПб., 1999. С. 21–22.

⁵⁴ Кожевникова К. Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста. М., 1979. С. 66.

ся изменение объективно существующего реального мира; 8) нечто изменяющее окружающий мир, экстралингвистическую реальность самим фактом своего существования; 9) с точки зрения формально-содержательной структуры и вычленения в дискурсе текст есть речевое произведение, которое начинается репликой, не имеющей вербально выраженного стимула, и заканчивается последней вербально выраженной реакцией на стимул (вербальный или невербальный)⁵⁵;

- Л.М. Лосева определяет текст как «сообщение в письменной форме, характеризующееся смысловой и структурной завершенностью и определенным отношением автора к сообщаемому»⁵⁶;
- по утверждению Т.М. Николаевой, «текст — объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность»⁵⁷;
- по словам А.И. Новикова, текст представляет собой «целостный комплекс языковых, речевых и интеллектуальных факторов в их связи и взаимодействии»⁵⁸;
- Е.А. Огнева под текстом понимает «целостное коммуникативное образование, компоненты которого объединены в единую иерархически организованную семантическую структуру коммуникативной интенцией его автора»⁵⁹;
- у М.И. Откупщиковой «текст представляет собой почти жестко определенный связный смысл, последова-

⁵⁵ См.: Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М., 1998. С. 198.

⁵⁶ Лосева Л.М. Как строится текст. М., 1980. С. 4.

⁵⁷ Николаева Т.М. Текст // Русский язык : энциклопедия. М., 1997. С. 555.

⁵⁸ Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983. С. 4.

⁵⁹ Огнева Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. 2-е изд. М., 2013. С. 5.

тельность предложений, связанных друг с другом семантически, что выражено различными языковыми способами»⁶⁰;

- В.А. Пищальникова считает, что текст можно определить как «коммуникативно направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, выявленной в процессе его восприятия»⁶¹;
- Ю.А. Сорокин обозначает текст «как нечто целостное (цельное)» и считает, что текст «есть некоторый концепт, то ментальное образование, которое в лингвистической литературе именуется цельностью текста»⁶²;
- П.М. Тиерсма предлагает понимать правовой текст как «авторитетный текст», исходя из того, что правовые тексты «устанавливают, изменяют или прекращают юридически значимые отношения»⁶³;
- О.И. Уланович под текстом подразумевает динамическую, связную последовательность знаков или образов, знаний и экстралингвистических факторов, выражающую определенное содержание и обладающую смыслом, в принципе доступным для понимания⁶⁴;
- Е.Ю. Чеботарева, В.Н. Денисенко и А.И. Крупнов рассматривают текст как продукт речевой деятельности,

⁶⁰ Откупщикова М.И. Синтаксис связного текста. М., 1982. С. 28.

⁶¹ Пищальникова В.А. Проблемы лингвоэстетического анализа художественного текста. Барнаул, 1984. С. 3.

⁶² Сорокин Ю.А. Текст, цельность, связность, эмотивность // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982. С. 62 — 63.

⁶³ См.: Tiersma P.M. Textualizing the Law // International Journal Of Speech, Language and the Law. 2001. Vol. 8. № 2; Tiersma P.M. Parchment, Paper, Pixels: Law and the Technologies of Communication. Chicago, 2010.

⁶⁴ См.: Уланович О.И. Текст и его понимание // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 2: Психология, педагогика, методика преподавания иностранных языков. 2001. № 3.

в котором, как и в речевом акте, отражается вся структура личности; лингвистический и психологический анализ проводится на различных уровнях организации текста⁶⁵.

Изложенное позволяет сформулировать следующее общее определение: *законодательный текст* — это функционально направленное на реализацию задач по регулированию определенных общественных отношений речевое коммуникативное системно-структурное образование, обладающее упорядоченной (иерархической) организацией.

Особенные характеристики законодательных текстов вытекают из исторически сложившегося понимания закона как культурно-исторического феномена и прослеживаются в следующих высказываниях:

- Н.М. Коркунов, сравнивая юридические и естественные законы, отмечает, что юридические законы «не выражают того, что есть, а указывают лишь то, что должно быть», законы естественные, наоборот, выражают «не должное, а сущее»⁶⁶;
- по мысли А.П. Куницына, слово «закон» по своему производству означает преграду, «далее которой что-либо простираться не должно и не может»⁶⁷;
- как отмечает В.Н. Латкин, любое административное распоряжение, исходившее «непосредственно от верховной власти», равнозначно закону⁶⁸;

⁶⁵ См.: Чеботарева Е.Ю., Денисенко В.Н., Крупнов А.И. Психолингвистический анализ речевых действий. М., 1998.

⁶⁶ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 71.

⁶⁷ Куницын А.П. Русская философия права: философия веры и нравственности : антология. СПб., 1997. С. 53.

⁶⁸ См.: Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX века). М., 2004. С. 6.

- глубинная этимология слова «закон» раскрыта в словаре А.В. Семенова как «установление власти, противоположное традициям»⁶⁹;
- М.М. Сперанский трактует закон как правила, «по коим надлежит поступать во всех случаях одного и того же рода», «всегда в делах сего рода»⁷⁰;
- у Е.Н. Трубецкого границы свободы определяются тем, кто устанавливает правовую норму⁷¹;
- Б.Н. Чичерин называет юридический закон существенным признаком государства и его нравственным выразителем, к ключевым признакам закона он относит обязательность и принудительность⁷².

Особенные свойства законодательных текстов обусловлены еще и тем, что они, помимо прочего, представляют собой тексты официальных документов. В связи с этим законодательный текст может быть определен как текст документа, созданного организацией, должностным лицом или гражданином, оформленного в установленном порядке⁷³. Способность закона «воздействовать на сознание, волю и поведение отдельных людей проявляется в форме уяснения и интерпретации отдельных языковых элементов документных текстов и всей их совокупности с целью

⁶⁹ См.: Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка. Русский язык от А до Я. М., 2003.

⁷⁰ Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 69.

⁷¹ Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917. С. 11.

⁷² См.: Чичерин Б.Н. Общее государственное право. М., 2006. С. 33; Чичерин Б.Н. Вступительная лекция по Государственному праву, читанная в Московском университете 28 октября 1861 года // Московские ведомости. 1861. № 238.

⁷³ ГОСТ Р 7.0.8-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения (утв. Приказом Росстандарта от 17 октября 2013 г. № 1185-ст).

выбрать модель поведения и конкретные действия»⁷⁴. Важным свойством закона как официального документа является его юридическая сила⁷⁵, т. е. свойство официального документа вызывать правовые последствия⁷⁶, а именно возникновение, изменение или прекращение у субъектов права определенных (потенциальных или реальных) прав или обязанностей. В документоведении применяется и понятие «юридическая значимость документа», определяемое как свойство документа выступать в качестве подтверждения деловой деятельности либо событий личного характера⁷⁷.

Следует подчеркнуть, что, формулируя законодательные тексты, законодатель «не является абсолютным хозяином высказывания, так как сам в процессе речевой деятельности зависит от целого ряда экстралингвистических факторов, условий протекания речи и предшествующего контекста, как социально-исторического, так и лингвистического»⁷⁸. При этом в связи с отсутствием у подавляющего большинства парламентариев необходимой юридической подготовки:

⁷⁴ Кушнир О.Н., Мартюшев И.А. Документная коммуникация в контексте лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. 2016. № 5. С. 18.

⁷⁵ См.: Бриллиантов А. Критерии официального документа // Уголовное право. 2010. № 5; Кушнир О.Н., Мартюшев И.А. Документная коммуникация в контексте лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. 2016. № 5; Першин А.Н. Официальные документы и их криминалистическая классификация // Информационное право. 2016. № 2.

⁷⁶ ГОСТ Р 7.0.8-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения (утв. Приказом Росстандарта от 17 октября 2013 г. № 1185-ст).

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Кожина М.Н. Дискурсный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст — Дискурс — Стил. СПб., 2004. С. 13 — 14.

во-первых, «столкнувшись с необходимостью планировать» свою деятельность, они не обнаруживают «фундамента, опираясь на который можно было бы с большей уверенностью развивать эту деятельность»⁷⁹;

во-вторых, законодательный текст, «переведенный» в сознании не имеющего достаточных знаний парламентария с «русского законодательного» на «русский обыденный», в определенном смысле неизбежно фальсифицируется неспециалистом, не ухватывающим его сути⁸⁰.

Законотворчество «относится к такому типу социально-преобразующей деятельности, который означает обработку “людей людьми”»⁸¹. Недооценка этого обстоятельства законодателем сохраняет актуальность высказывания, характеризующего современную методологию законотворчества: «в известной мере ощупью, методом проб и ошибок, довольно часто переходили на работу в “режиме штурма”, что не позволяло глубоко осмыслить проблему, проработать проект с участием ученых и специалистов»⁸².

⁷⁹ Воробьев Ю.Л. Основы формирования и реализации государственной политики в области снижения рисков чрезвычайных ситуаций. М., 2000. С. 50.

⁸⁰ См.: Ромашов Р.А. Законодательная дефиниция в условиях интеграции правовых систем: проблемы унификации // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы : материалы Междунар. круглого стола (Черновцы, 21–23 сентября 2006 г.) / под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. Н. Новгород, 2007.

⁸¹ Карташов В.Н. Понятие и структура юридической деятельности // Юридическая деятельность: сущность, структура, виды. Ярославль, 1989. С. 13.

⁸² Законодательное обеспечение деятельности Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. Семинар с руководящим составом МЧС России: докл. и выступления. М., 2000. С. 5.

В изучении законодательных текстов «важно, как правило, не только то, что дано, какой именно смысл, содержание, но и некоторые аспекты того, как дано и в каком виде оно будет существовать далее»⁸³. Поэтому в законодательной дефектологии в понятие законодательного текста следует включать не только тексты самих законов, но и тексты законопроектов, представленные в разных чтениях, пояснительные записки к ним, материалы заседаний профильных комитетов Федерального собрания РФ, парламентских слушаний, заседаний рабочих групп и т. д. и т. п. Это позволяет определить момент появления соответствующего законодательного дефекта, причины его возникновения, его авторов, т. е. обеспечит обязательный во всех случаях комплексный и системный подход.

Необходимость системного подхода в изучении языка закона и языковой личности законодателя обусловлена несколькими обстоятельствами:

во-первых, общепризнанным является тезис о том, что «текст является системным объектом»⁸⁴;

во-вторых, язык в целом обладает свойством системности⁸⁵;

в-третьих, «язык есть форма, с помощью которой формулируются и сообщаются правовые предписания»⁸⁶, в связи с чем он является средством выражения воли законодателя в нормах и актах законодательства, которые,

⁸³ ОполеВ В.Т. Методологическая рефлексия и ее формы // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Социология». 2008. Т. 21 (60). № 1. С. 472.

⁸⁴ Валгина Н.С. Теория текста. М., 2003. С. 178.

⁸⁵ См.: Общее языкознание. Методы лингвистических исследований / под ред. Б.А. Серебrenникова. М., 1973.

⁸⁶ Эйсман А.А. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1974. С. 3.

в свою очередь, представляют собой элементы системы законодательства и права;

в-четвертых, «лексическая система языка в целом и отдельные ее подсистемы относятся к таким образованиям, познание которых настоятельно требует системного подхода»⁸⁷.

Право и законодательство способны воздействовать на волю, сознание и поведение людей только с помощью языка. Именно язык служит средством передачи информации о содержании правовых предписаний. Юридические нормы в современных цивилизованных государствах не могут существовать иначе, как в определенных языковых формах⁸⁸.

Как известно, в процессе текстовой коммуникации одной из основных ее составляющих является понимание участниками содержания профессиональных текстов и всего дискурса в целом⁸⁹. Применительно к законодательным текстам участниками коммуникации являются: на этапе законотворческой деятельности — отдельные парламентарии, их группы, палаты Федерального собрания, Федеральное собрание в целом и иные заинтересованные лица, а после вступления в силу соответствующего закона — законодатель (как его автор) и общество в широком понимании последнего.

Важность правильного понимания всех нюансов законодательного текста парламентариями на этапе законотворчества обусловлена тем, что содержание их «сознания отличается той особенностью, что оно не только отображает свой объект, но и способно оказывать воздействие

⁸⁷ Тулдава Ю.А. Проблемы и методы количественно-системного исследования лексики. Тарту, 1987. С. 10.

⁸⁸ См.: Язык закона / под ред. А.С. Пиголкина. М., 1990. С. 7.

⁸⁹ См.: Жирмунский В.М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.

на него, конструктивно менять его свойства»⁹⁰. Необходимость правильного понимания законодательства теми, кому оно адресовано, очевидна и не нуждается в специальном обосновании.

Многие авторы сознательно избегают использования термина «понимание» применительно к тексту и заменяют его такими синонимами, как «интерпретация», «распредмечивание», «декодирование», «осознание», «идентификация текстов» и т. д. Сложность установления референтной области этого понятия, очевидно, связана с отнесенностью процесса понимания во множестве случаев к разряду скорее интуитивно-образных, происходящих на не всегда осознаваемом или неотчетливо осознаваемом уровне, чем к разряду абстрактно-логических (рациональных)⁹¹. Таким образом, понимание текста и речи в литературе трактуется по-разному:

- В.П. Белянин рассматривает понимание как процесс превращения воспринимаемой речи в лежащий за ней смысл⁹²;
- Г.И. Богин постулирует понимание текста как усмотрение и освоение идеального, представленного в текстовых формах, как живой процесс освоения его содержательности реальным индивидом или коллективом. Этот процесс идет там, где есть противоречие между пониманием и непониманием. Там, где не может быть непонимания, не может быть и понимания⁹³;

⁹⁰ ОполеВ В.Т. Методологическая рефлексия и ее формы // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Социология». 2008. Т. 21 (60). № 1. С. 471.

⁹¹ См.: Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984.

⁹² См.: Белянин В.П. Введение в психолингвистику. М., 2000. С. 59.

⁹³ См.: Богин Г.И. Обретение способности понимать: введение в филологическую герменевтику. М., 2001.

- А.А. Брудный характеризует понимание текста как последовательное изменение структуры воссоздаваемой в сознании ситуации и процесс перемещения мыслительного центра ситуации от одного элемента к другому⁹⁴;
- С.А. Васильев, трактующий понимание как деятельность, продолжающую творческие усилия автора, выделяет три уровня понимания: «На уровне перевода осуществляется прямая передача предметного содержания зачастую даже при поверхностном осмыслении оригинала, не предполагающем осознание специфики и своеобразия форм ощущений и эмоций. На уровне комментария осуществляется обнаружение и фиксация метатекстовых связей и отношений, воссоздание и описание контекста произведения, ситуации, в которой оно создавалось. На уровне истолкования (интерпретации) текста осуществляется овладение самыми глубинными пластами смысла произведения»⁹⁵;
- Л.С. Выготский трактует понимание речевого произведения как умение «ориентироваться в сложном внутреннем пространстве, которое можно назвать системой отношений. В этом устанавливании отношений, выделении важного, в сведении и переходе заключается процесс, называемый обычно пониманием»⁹⁶;
- Г. Гадамер определяет понимание как экзистенциальное событие человеческой жизни и считает, что главное в понимании — это само дело, суть дела, которое является «не только моим делом или делом автора, но нашим собственным делом»⁹⁷;

⁹⁴ См.: Брудный А.А. Психологическая герменевтика. М., 2005.

⁹⁵ Васильев С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста. Киев, 1988. С. 191.

⁹⁶ Выготский Л.С. Педагогическая психология. М., 1996. С. 170.

⁹⁷ Гадамер Г.Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М., 1988. С. 452.

- А.А. Залевская считает, что понимание речи — «сложный многоэтапный процесс, включающий сложную перцептивно-когнитивно-аффективную переработку воспринимаемого активным и пристрастным субъектом соответствующей деятельности»⁹⁸;
- И.А. Зимняя говорит, что понимание — это «положительный результат сложной перцептивно-мыслительно-мнемической деятельности, продукт взаимодействий процессов восприятия, мышления и памяти»⁹⁹;
- у Е.С. Кубряковой понимание — это когнитивная деятельность (разновидность речевой деятельности), результатом которой является установление смысла текста¹⁰⁰;
- по А.А. Леонтьеву, понимание текста — это процесс перевода смысла этого текста в любую другую форму его закрепления. Понятно то, что может быть иначе выражено. При этом автор выделяет виды трансформации текста: парафразы, пересказ, перевод, смысловая компрессия, построение образа предмета или ситуации, формирование личностно-смысловых образований, эмоциональная оценка события, выработка алгоритма операций и другие¹⁰¹;
- А.Р. Лурия рассматривает понимание речи как процесс расшифровки общего смысла, который стоит за воспринимаемым сообщением¹⁰²;

⁹⁸ Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 2007. С. 440.

⁹⁹ Зимняя И.А. Смысловое восприятие речевого сообщения // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / отв. ред. Т.М. Дридзе, А.А. Леонтьев. М., 1976. С. 5.

¹⁰⁰ См.: Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.

¹⁰¹ См.: Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1997. С. 141–142.

¹⁰² См.: Лурия А.Р. Язык и сознание / под ред. Е.Д. Хомской. Ростов н/Д., 1998.

- у А.И. Новикова: «Если текст написан, то он написан для того, чтобы открыть некоторую “тайну”, которой владеет автор текста, но она еще не известна читателю». Постигание этой тайны составляет «общую цель понимания всякого текста»¹⁰³;
- Ю.А. Основин выделяет предметный, метапредметный и философский уровни понимания новой теории: «Понимание на предметном уровне неререфлексивно и осуществляется в поле предметных значений. На метапредметном уровне понимание представляет собой рефлексию первого порядка и является интерпретирующим. Философское понимание также рефлексивно и отражает мировоззренческое значение теории»¹⁰⁴;
- Н.П. Пешкова считает, что при понимании различных типов текста содержательные и смысловые реакции, сопровождающие этот процесс, либо находятся в определенном равновесии, либо вступают в отношения «соперничества», доминирования одних над другими¹⁰⁵;
- Е.А. Рогов рассматривает процесс понимания как особое психологическое состояние, выражающее собой правильность принятого решения и сопровождаемое чувством уверенности в точности восприятия или интерпретации какого-либо события, факта¹⁰⁶;
- О.И. Уланович определяет понимание текста как процесс и результат построения его семантической макроструктуры путем перевода с национального языка на

¹⁰³ Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 72.

¹⁰⁴ Основин Ю.А. Генезис и сущность понимания. Куйбышев, 1990. С. 87.

¹⁰⁵ См.: Текст и его понимание: теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода / Н.П. Пешкова, А.А. Авакян, И.В. Кирсанова, И.Н. Рыбка ; под ред. Н.П. Пешковой. Уфа, 2010.

¹⁰⁶ См.: Рогов Е.А. Психология познания. М., 1998.

язык интеллекта при условии наличия в предшествующем опыте индивида необходимых языковых энциклопедических знаний¹⁰⁷;

- Г.Д. Чистякова считает, что понимание — это «определение содержания сообщаемой информации, т. е. той действительности, которая стоит за словами сообщения, и смысла, выражающего личностное отношение автора к рассматриваемым фактам и событиям»¹⁰⁸.

Анализ специфических особенностей законодательного текста позволяет сделать обоснованные выводы о личности, которая его произвела, так как «для того, чтобы раскрыть внутритекстовую личность, необходимо провести анализ лексической структуры текста»¹⁰⁹. Раскрывать языковую личность необходимо путем анализа значения слов, использованных ею в тексте. Г.В. Лейбниц утверждал, что «путем тщательного анализа значения слов мы лучше всего могли бы понять деятельность разума»¹¹⁰.

По справедливому мнению С.А. Сухих, поиски инструментария в области изучения языкового общения следует направлять в сторону представлений о личности, обладающей индивидуальным преференциальным набором языковых средств, когнитивным аппаратом, личностными интересами и мотивами¹¹¹. При этом следует учиты-

¹⁰⁷ См.: Уланович О.И. Текст и его понимание // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 2: Психология, педагогика, методика преподавания иностранных языков. 2001. № 3.

¹⁰⁸ Чистякова Г.Д. Понимание и усвоение знаний // Развитие творческой активности школьников / под ред. А.М. Матюшкина. М., 1991. С. 94.

¹⁰⁹ Дубовицкая М.А. Кросс-культурная концептуализация иноязычной ментальности (на материале арабо-американской литературы) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. С. 24.

¹¹⁰ Лейбниц Г.В. О словах. М., 2010. С. 67.

¹¹¹ См.: Сухих С.А. Личность в коммуникативном процессе. Краснодар, 2004.

вать подход А.М. Пятигорского, который, подчеркивая, что текст создается в определенной субъективной ситуации, справедливо указывает, что «эта субъективная ситуация может не быть описана в тексте»¹¹². Поэтому в анализе любого текстового высказывания «мы доходим до конца только тогда, когда раскрываем внутренний план речевого мышления, его мотивацию»¹¹³.

Раскрытию внутреннего плана и мотивации речевого мышления в существенной степени способствует анализ «отрицательного языкового материала»¹¹⁴, примеры которого в законодательстве характеризуются устойчивостью и регулярностью. Говоря об отрицательном языковом материале в законодательстве, мы, в отличие от других авторов, имеем в виду ошибки текстовой деятельности законодателя, которые нарушают логику и ведут к неопределенности законодательных предписаний. Как подмечает Н.Н. Ефимова, «ошибки речевой деятельности признаются

¹¹² Пятигорский А.М. Избранные труды. М., 1996. С. 18.

¹¹³ Выготский Л.С. Развитие высших функций. М., 1960. С. 175.

¹¹⁴ Об отрицательном языковом материале см.: Щерба Л.В. О тroyаком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. См. также: Балужева А.О. «Отрицательный» языковой материал в контексте обучения китайцев видам русского глагола : материалы Междунар. молодежного науч. форума «ЛОМОНОСОВ-2016» / отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. М., 2016; Бейкер М. Атомы языка. Грамматика в темном поле сознания. М., 2008; Ейгер Г.В. Механизмы контроля языковой правильности высказывания. Харьков, 1990; Ефимова Н.Н. Отрицательный языковой материал: векторы исследования // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2014. № 10 (2); Панков Ф.И. Отрицательный языковой материал в рабочей тетради по функциональной морфологии для студентов-филологов // Профессионально-педагогические традиции в преподавании русского языка как иностранного. Язык — речь — специальность : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Мотинские чтения». Ч. 2. М., 2005.; Цейтлин С.И. Речевые ошибки и их предупреждение. М., 1982.

нежелательными, рассматриваются как преграды на пути к успеху коммуникации, поскольку нарушают обыденную логику. Тем не менее, они дают информативный материал для изучения индивидуальной картины мира участников коммуникации»¹¹⁵. В то же время нельзя не согласиться с тем, что обращение к рецептивному искажению позволяет приоткрыть завесу над «правдой человеческой души», далеко не всегда совпадающей с «истиной внешнего мира»¹¹⁶.

Несмотря на относительно ясное понимание того, что представляет собой закон и каким он должен быть, в практике российского законодательства такие свойства закона, как нормативность и регулирование наиболее важных общественных отношений, соблюдаются далеко не всегда. Тексты некоторых законов и по содержанию, и по построению напоминают указы или ведомственные инструкции, т. е. акты не законодательной, а исполнительной власти.

По Фрейд, речевая ошибка раскрывает некое нарушающее намерение¹¹⁷. Задача анализа отрицательного языкового материала — вскрыть это намерение. Этому в немалой степени способствует отмеченная Н.Д. Арутюновой особенность: «человек воспринимает мир избирательно и прежде всего замечает аномальные явления, поскольку они всегда отделены от среды обитания. Непорядок информативен уже тем, что не сливается с фоном. Аномалия часто загадочна или опасна. Она поэтому заставляет

¹¹⁵ Ефимова Н.Н. Концепт в мифологической системе *lapsus auris* // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. Вып. 10 (721). С. 19.

¹¹⁶ См.: Арутюнова Н.Д. Виденье и виденье (проблема достоверности) // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2008.

¹¹⁷ См.: Фрейд З. Введение в психоанализ : лекции. М., 1991.

думать (творит мысль) и действовать (творит жизнь)»¹¹⁸. Подчеркивая активную роль субъекта, которому адресован текст, М.М. Бахтин говорит, что «текст не вещь, и поэтому второе сознание, сознание воспринимающего, никак нельзя элиминировать или нейтрализовать»¹¹⁹. Ему вторит В.П. Зинченко: «Чтобы текст “заговорил”, нужна работа понимания, выполняемая человеком»¹²⁰. С этим согласен и С. Пинкер, по мысли которого каждый акт речевой небрежности со стороны говорящего требует компенсации в виде умственного усилия со стороны партнера по разговору¹²¹.

Особую проблему в рамках нестабильных общественных отношений и информационных провокаций представляют политически и социально маркированные тексты¹²². Как отмечает Л.М. Голиков, «потенциально конфликтными являются различного рода знаковые материалы, посвященные вопросам отношений различных этносов, рас, конфессий, социальных групп и т. п.»¹²³.

В связи с изложенным мы всецело разделяем мнение, согласно которому «целесообразно отказаться от малоэффективной констатации ошибки и императивного указания исправить ее как от единственных приемов работы. Более продуктивным нам представляется путь ориентации... на вскрытие и объяснение причин конкретного яв-

¹¹⁸ Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык // Язык и мир человека. М., 1999. С. 76.

¹¹⁹ Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5: Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М., 1997. С. 303.

¹²⁰ Зинченко В.П. Психологическая педагогика : материалы к курсу лекций. Ч. 1. Самара, 1998. С. 86.

¹²¹ См.: Пинкер С. Язык как инстинкт / общ. ред. В.Д. Мазо. М., 2004.

¹²² См.: Громова Н.С. Речевая агрессия: от коммуникативных ошибок до правонарушений // Юрислингвистика. 2016. № 5. С. 175.

¹²³ См.: Голиков Л.М. Семиотика экстремистского текста // Уголовный процесс. 2014. № 7.

ления, на наличие (или отсутствие) и характер эффекта, произведенного... ошибкой»¹²⁴.

В то же время нельзя не согласиться с М.В. Батюшкиной, что законодательные тексты показывают следующие тенденции своего развития:

- преемственность традиций модельного создания правовых текстов, формульных и структурно-содержательных особенностей выражения волеизъявления (правовая рецепция, использование шаблонов разнородных и разноцелевых текстов, вспомогательных реквизитов, юридических клише, понятий с устойчивой и вариативной семантикой);
- переход от языковой конкретизации к языковой объективации (от частного к общему) для выражения инвариантного характера понятий и моделируемых ситуаций, преобладание отвлеченных, абстрактных, отглагольных существительных, субстантивации в целом;
- структурное усложнение текста и гипертекстового пространства, интертекстуальных связей, детализация алгоритмов моделируемых действий, обоснованные с точки зрения регулирования максимально широкого спектра общественных отношений, необходимости должной интерпретации и возможности применения правового правила в конкретной ситуации (от общего к частному)¹²⁵.

¹²⁴ Скворцова Н. Об использовании «отрицательного языкового материала» в обучении культуре устной и письменной русской речи (на примере нарушения синтаксической нормы) // Журналістыка-2015: стан, праблемы і перспектывы : матэрыялы 17-й Міжнар. навук.-практ. канф. (Мінск, 12–13 ліст. 2015 г.) Мінск, 2015. Вып. 17. С. 501.

¹²⁵ См.: Батюшкина М.В. Общий взгляд на развитие языка права и законодательных текстов // Юрислингвистика. 2021. № 19. С. 12.

Глава 2

Индивидуальная языковая личность законодателя

2.1. ПОНЯТИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЯ

Понятие «индивидуальная языковая личность законодателя» мы основываем на следующих высказываемых в литературе точках зрения:

- О.И. Асташова считает, что «языковая личность как объемная модель, определяемая с позиций языкового сознания и речевого поведения, получает свою текстовую репрезентацию в виде речевого портрета. В лингвоперсонологии языковая личность является объектом речевого портретирования, в свою очередь, речевой портрет — один из жанров описания языковой личности»¹;
- Е.В. Барсукова полагает, что «языковая личность — это многомерная, многоуровневая функциональная система, дающая представление о степени владения языком и речью индивидом на уровне активного и творческого осмысления действительности»²;
- Г.И. Богин разработал модель языковой личности, в которой человек понимается с позиции его готовности

¹ Асташова О.И. Речевой портрет политика как динамический феномен : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. С. 13.

² Барсукова Е.В. Языковая личность как категория исторической культурологии (на материале «Архива князя Воронцова») : автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2007. С. 5.

совершать речевые поступки, а также создавать и принимать речевые произведения³;

- языковая личность у М.В. Бороденко — «это устойчивая система логико-лингвистических форм, структурирующих внутреннюю и внешнюю активность индивида»⁴;
- Н.Д. Гальскова и Н.И. Гез рассматривают языковую личность как совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности; глубиной и точностью отражения действительности; определенной целевой направленностью⁵;
- С.Ю. Годунова утверждает, что «языковая личность представляет собой совокупность социально-психологических и культурологических свойств человека, определяющих ее способность к творческой текстовой деятельности и отображению специфической национально-языковой картины мира, конструктивное взаимодействие с окружающей средой, открытость для восприятия и адаптации в иной ментально-языковой среде с целью приобщения к иноязычной культуре и определения своего места в спектре различных культур»⁶;
- Н.Д. Голев рассматривает языковую личность как носителя «языковой способности определенного каче-

³ См.: Богин Г.И. Концепция языковой личности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. С. 3; Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984.

⁴ Бороденко М.В. «Языковая» личность // Культурно-историческая психология развития. М., 2001. С. 212.

⁵ См.: Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика. М., 2004.

⁶ Годунова С.Ю. Педагогические условия развития языковой личности студента технического вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2008. С. 10.

- ства, данного ей изначально и далее развивающегося в соответствии с заложенным в ней потенциалом»⁷;
- В. фон Гумбольдт отмечает, что «любая отдельная человеческая индивидуальность, взятая в ее отношении к языку, — это особая позиция в видении мира»⁸;
 - у О.А. Еремеевой «под языковой личностью понимается индивид, способный создавать закодированные обозначения внешнего мира, служащие моделью понятийной действительности и закрепленные кодификацией языкового коллектива»⁹;
 - Е.В. Иванцова предлагает следующую дефиницию языковой личности: «личность в совокупности социальных и индивидуальных черт, отраженная в созданных ею текстах»¹⁰ — и считает, что «перспективы использования термина “языковая личность” связаны с обозначением конкретного носителя языка»¹¹;
 - В.И. Карасик рассматривает языковую личность «как носителя языкового сознания, т. е. человека в языковом пространстве, обусловленном стереотипами и моделями поведения, которые находят свое отражение в языке»¹²;

⁷ Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение / под ред. Н.Д. Голева, Н.В. Сайковой, Э.П. Хомич. Барнаул ; Кемерово, 2006. С. 10.

⁸ Гумбольдт В., фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 80.

⁹ Еремеева О.А. О понятии «языковая личность» // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. Харьков, 1991. Вып. 1. Ч. 2. С. 434.

¹⁰ Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск, 2002. С. 10.

¹¹ Иванцова Е.В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 4 (12). С. 29.

¹² Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. С. 5.

- у Ю.Н. Караулова термин «языковая личность» имеет два значения: 1) наименование комплексного способа описания языковой способности индивида, соединяющего системное представление языка с функциональным анализом текстов; 2) любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире¹³. По другому определению автора, языковая личность — «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих сознание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью»¹⁴;
- И.Э. Клюканов утверждает, что языковой личностью считается субъект, способный осуществлять речевую деятельность, оперируя смысловыми образованиями¹⁵;
- по мнению М.П. Котюровой, «языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, личность, реконструированная в своих основных чертах на базе языковых средств»¹⁶;
- С.В. Мамаева утверждает, что «языковая личность складывается из способностей человека осуществлять различные виды речемыслительной деятельности и ис-

¹³ См.: Русский язык : энциклопедия. 2-е изд. М., 1997. С. 671.

¹⁴ Караулов Ю.Н., Красильникова Е.В. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989. С. 3.

¹⁵ См.: Клюканов И.Э. Языковая личность и интегральные смысловые образования // Язык, дискурс и личность. Тверь, 1990. С. 73.

¹⁶ Котюрова М.П. Языковая личность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003. С. 660.

- пользовать различного рода коммуникации для общения друг с другом и с окружающим миром»¹⁷;
- И.Г. Момотова под языковой личностью понимает «совокупность лингвопознавательных способностей, психологических характеристик, социальных и прагматических аспектов личности индивида, проявляющихся в разносторонней речевой деятельности (включающей восприятие и порождение текстов)»¹⁸;
 - у Д.Н. Мурзина «языковая личность есть индивид, представленный через посредство своего речевого воплощения»¹⁹;
 - Д.С. Мухторов утверждает, что языковая личность — «это индивид, который проявляет себя в вербальном поведении, характеризуемом всей совокупностью ситуативно обусловленных лингвистических и экстралингвистических особенностей»²⁰;
 - В.П. Нерознак под языковой личностью понимает человека как носителя языка, взятого со стороны его способности к речевой деятельности²¹;

¹⁷ Мамаева С.В. Речевой портрет коллективной языковой личности школьников 5–7 классов : дис. ... канд. филол. наук. Лесосибирск, 2007. С. 202.

¹⁸ Момотова И.Г. Понятие и структура языковой и вторичной языковой личности // Вестник Вятского государственного университета. 2011. № 2–3. С. 110.

¹⁹ Мурзин Д.Н. Антропологическая ниша в языковой науке // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. Екатеринбург, 1995. С. 11.

²⁰ Мухторов Д.С. Об общем и частном в понятиях «языковая личность», «речевой портрет», «идиостиль» и «идиолект» (на примере вербального поведения современных политических деятелей) // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26–28 августа 2014 г.) / гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2014. С. 169.

²¹ См.: Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод. М., 1996.

- Т.Г. Попова говорит, что «как языковая личность человек имеет индивидуальное когнитивное пространство, то есть определенным способом структурированную совокупность знаний и представлений»²²;
- по мнению Т.Г. Пшенкиной, языковая личность — это «многокомпонентное, структурированное образование, которое представляет собой различные степени готовности индивида к речевой деятельности, к производству и восприятию речевых произведений»²³;
- С.А. Сухих, комментируя концепцию языковой личности, говорит, что «предпочтение тех или иных языковых форм... может сигнализировать о более глубоких уровнях индивидуальности, например о характере, темпераменте, установках»²⁴.

Исходя из изложенного, правомерно утверждать, что индивидуальную языковую личность законодателя следует рассматривать как индивида, осуществляющего речевую и текстовую деятельность по созданию законов, где результатом его личного деятельностного отношения к окружающей действительности выступает проект законодательного текста и сопутствующие ему тексты. В данном случае личность выступает как индивид и автор текстов, обладающий «своим характером, интересами, социальными предпочтениями и установками»²⁵. В связи с этим, используя тезис И.В. Зыковой, можно утверждать, что законодательная личность, «“культурная личность” и “языковая личность” — не суть различные, а суть тождественные

²² Попова Т.Г. Испанский научно-технический текст: традиции и современные подходы к изучению. М., 2003. С. 39.

²³ Пшенкина Т.Г. Вербальная посредническая деятельность переводчика в межкультурной коммуникации: психологический аспект : дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2005. С. 193.

²⁴ Сухих С.А. Личность в коммуникативном процессе. Краснодар, 2004. С. 56.

²⁵ Русский язык : энциклопедия. 2-е изд. М., 1997. С. 671.

(или скорее — однородные) понятия»²⁶, обнаруживающие закономерный и естественный синтез.

Таким образом, под индивидуальной языковой личностью законодателя мы понимаем наделенного необходимыми полномочиями индивида, охарактеризованного на основе анализа совокупности произведенных им законодательных инициатив (проектов законодательных актов и сопутствующих текстов), дающих представление о степени его владения языком как средством отражения воспринимаемой им окружающей действительности (картины мира). Созданный таким индивидом законодательный текст «как аспектуальная разновидность речевого произведения является репрезентацией языкового потенциала личности, который реализуется автором в тексте через языковые характеристики»²⁷.

2.2. ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Типология языковой личности может строиться на различных основаниях.

1. Тип языковой личности может выделяться по ее психологической способности к согласованности своего дискурсивного поведения с действиями партнера по социально-коммуникативному взаимодействию. С.А. Сухих и В.В. Зеленская и другие авторы предлагают для харак-

²⁶ Зыкова И.В. О личности: лингвокультурологические заметки // Язык, сознание, коммуникация : сб. науч. ст., посвящ. памяти В.Н. Телия / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов, М.Л. Ковшова, И.В. Зыкова. М., 2013. Вып. 46. С. 39.

²⁷ См.: Напреенко Г.В. Идентификационная лингвистика как аспект лингвоперсонологии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т. 4; Напреенко Г.В. Идентификация текста по его авторской принадлежности на лексическом уровне (формально-количественная модель) // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379.

теристики названных особенностей речевого общения принцип бинарной оппозиции, в основе которой лежит установка «на» или «от» партнера коммуникации. В связи с этим они намечают два полюса коммуникативной компетенции: конфликтность и кооперативность. Соответственно, выделяются конфликтная и кооперативная языковые личности. Конфликтность проявляется через реакцию неприятия или частичного прития вводимой темы, а также через интенциональные способы реагирования на действия партнера, например: упрек — упрек, просьба — отказ, констатация факта — отрицательная оценка этого факта. Кроме того, конфликтность может сигнализироваться такими средствами, как смещение акцента общения с предмета на отношения. «Конфликтность как языковая черта может быть связана с эгоцентрической модальностью, так как ориентированность на другого зависит от отношения к себе. Вытекающие из этого отношения языковые черты носят скорее психологический, нежели языковой характер»²⁸. Кооперативная языковая личность обычно понимается как личность, которая в ходе коммуникации выбирает неконфликтные стратегии и тактики²⁹.

2. По способности реализовывать языковый потенциал в зависимости от этнической принадлежности выделяют этнический и надэтнический типы языковой личности. Под этнической языковой личностью Р.В. Бухаева понимает «обобщенный образ носителя этнокультурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций, обладающий осозна-

²⁸ Сухих С.А., Зеленская В.В. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. Краснодар, 1998. С. 78.

²⁹ См.: Балышева Ю.В. О модели описания языковой личности на компетентностной основе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (50). Ч. 2. С. 17; Ничипорович Е.А. Кооперативная языковая личность в открытом коммуникативном эпизоде: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999. С. 5.

нием своей принадлежности к определенной социальной общности — этносу»³⁰. По поводу этнического языкового сознания Н.В. Уфимцева обоснованно пишет: «Представитель того или иного этноса воспринимает любой предмет не только в его пространственных измерениях и во времени, но и в его значении, а значения концентрируют в себе внутрисистемные связи объективного мира. В значениях, в отличие от личностного смысла, фиксируется некий культурный стереотип, инвариантный образ данного фрагмента мира, присущий тому или иному этносу. В силу этого культура не может быть отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т. е. этническая»³¹.

Понятие «надэтническая языковая личность» базируется на понятии «надэтническая идентичность», которое М.Е. Попов рассматривает как тип макросоциальной идентичности, выступающий и как элемент субъективной реальности, структуры самосознания, и как элемент объективной реальности — надэтнической общности, создаваемой социальными и культурными отношениями³². Т.В. Калугина предлагает «под надэтнической языковой личностью понимать представителя социокультурного (гражданского, профессионального, конфессионального, регионального, политического) сообщества, реализующего свой языковой потенциал вне зависимости от этнической принадлежности»³³.

³⁰ Бухаева Р.В. Лингвокогнитивные особенности бурятской языковой личности // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. № 5 (52). С. 224.

³¹ Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М. ; Калуга, 2011. С. 219.

³² См.: Попов М.Е. Антропология советскости: философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2004.

³³ Калугина Т.В. Формирование сильной языковой личности экскурсовода (на материале Республики Крым) // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 115. 2019. № 1 (423). Филологические науки. С. 65.

Рассматриваемый подход со всей очевидностью позволяет отнести коллективные формы языковой личности законодателя к надэтническому типу языковой личности. В то же время отдельные парламентарии могут представлять как этнический, так и надэтнический типы языковой личности.

3. Критериями для определения типов языковой личности могут стать речевые жанры, различные аспекты которых в их соотношении с языковой личностью периодически затрагиваются в работах жанроведческого³⁴ и персонологического характера³⁵. Правительственные обсуждения, парламентские дебаты, партийные програм-

³⁴ См.: Балашова Л.В. Образ автора и образ адресата в торжественной оде и любовной лирике XVIII века // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999; Гуц Е.Н. К проблеме типичных речевых жанров языковой личности подростка // Жанры речи. Вып. 1. Саратов, 1997; Леонтьев В.В. «Похвала», «лесть» и «комплимент» в структуре английской языковой личности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999; Орлова Н.В. Коммуникативная ситуация — речевой жанр — языковая личность (на материале «Книги отзывов и предложений») // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999; Сахарова О.В. Реализация языковой личности в жанрах семейного общения // Жанры речи. Вып. 6. Жанр и язык. Саратов, 2009; Седов К.Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности : дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1999.

³⁵ См.: Голев Н.Д. Лингвотеоретические основания типологии языковой личности // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. Барнаул ; Кемерово, 2006; Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002; Карасик В.И. Коммуникативный типаж: аспекты изучения // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы. Волгоград, 2004; Лемякина Н.А. Коммуникативное поведение младшего школьника (психолингвистическое исследование) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1999; Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М., 1991; Языковая личность: культурные концепты. Волгоград, 1996; Языковая личность: жанровая речевая деятельность. Волгоград, 1998.

мы, речи политиков — это те жанры, которые принадлежат сфере политики³⁶.

Подобно языку, жанр выступает для личности в двойной роли³⁷: с одной стороны, дает чрезвычайно богатые возможности для общения и самовыражения, с другой — неизбежно ограничивает индивидуальность, заставляет «говорить как все»³⁸. Изучая жанровое разнообразие правовых текстов, юрислингвисты предлагают определять жанр или поджанр того или иного юридического текста в зависимости от понятийных аспектов основополагающих понятий и (или) институтов права³⁹. Жанроведческий анализ законодательных текстов может быть «весьма успешен и перспективен, так как позволяет выявить скрытое психолого-речевое взаимодействие адресанта и адресата как участников диалога»⁴⁰.

В классификации, построенной на основании «языковая личность через призму речевого жанра», выявляются типы языковых личностей в зависимости от используемых ими умений, способностей и предпочтений. На первый план здесь выходят объем и более детальные характе-

³⁶ См.: Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.

³⁷ См.: Жанры речи. Вып. 6. Жанр и язык. Саратов, 2009.

³⁸ См.: Дементьев В.В. Аспекты проблемы «Речевой жанр и языковая личность» // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Т. 24 (63). № 2. Ч. 1. С. 313.

³⁹ См., напр.: Крапивкина О.А. Особое мнение судьи в жанровом пространстве судебного дискурса // Юрислингвистика-11: Право как дискурс, текст и слово : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева и К.И. Бринева. Кемерово, 2011.

⁴⁰ Яковлева Е.А. Жанроведение, или генристическая лингвистика, как один из методов исследования конфликтных текстов // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева и Т.В. Чернышовой. Кемерово ; Барнаул, 2010. С. 233.

ристики речеванровой коммуникативной компетенции языковой личности⁴¹.

В зависимости от прагмалингвистических особенностей дискурсивного мышления языковой личности, т. е. от того, каким образом говорящий моделирует действительность в своем речевом произведении, можно выделить репрезентативный (изобразительный) и нарративный (аналитический) типы языковой личности.

Репрезентативная стратегия речевого поведения опирается на воссоздание (моделирование) языковыми средствами фактов и явлений реальной действительности. Она, в свою очередь, подразделяется на репрезентативно-иконический и репрезентативно-символический подтипы. Репрезентативно-иконическая стратегия тяготеет к изобразительности при помощи мотивированных знаков (невербальные компоненты, звуковые жесты, дейксисы и т. п.). Репрезентативно-символическая стратегия речевого поведения ориентирована на моделирование действительности сугубо языковыми средствами. В этом случае говорящий изображает факты реальности, опираясь на конвенциональные знаки.

Нарративная стратегия речевого поведения представляет собой способ передачи информации, в котором одновременно с моделированием действительности присутствует рефлексия в отношении изображаемых фактов, событий и т. п. Она также подразделяется на два подтипа: объектно-аналитическую стратегию и субъектно-аналитическую стратегию. Объектно-аналитический принцип речевого поведения содержит элементы того, что носит

⁴¹ См.: Седов К.Ф. К основаниям лингвистики индивидуальных различий (о принципах речевого портретирования) // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 7. Саратов, 2007; Седов К.Ф. Модель коммуникативной компетенции (онтологический, аксиологический, гносеологический аспекты) // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 10. Саратов, 2010.

название текстового обобщения. Передаваемая в дискурсе информация в этом случае подается через призму таксономического анализа: факты изображаемой действительности предстают перед слушателем не как единичные, уникальные по своей сути, а как имеющие отношение к той или иной типологической разновидности. Субъектно-аналитическая разновидность нарративной стратегии речевого поведения отличается наличием явно выраженной в тексте оценочности, источником которой становится сам говорящий⁴².

4. В рамках лингвокультурологии и лингвоперсоналогии принято говорить о горизонтальной и вертикальной моделях языковой личности. Горизонтальная модель — это соотношение речевых жанров, которые использует конкретный носитель языка и которые организованы в виде поля, имеющего центр и периферию. Такая модель дает возможность описать языковую личность как представителя социальной группы. Вертикальная модель демонстрирует уровни владения языком⁴³.

5. На основе анализа типов поведения людей в конфликтных языковых ситуациях К.Ф. Седов предложил типологию языковых личностей, определяющую стратегии внутрижанрового поведения в рамках фатического общения. Так было выделено три типа языковых личностей: инвективная, куртуазная, рационально-эвристическая. Инвективный тип языковой личности в ситуации кон-

⁴² См.: Седов К.Ф. Жанровое мышление языковой личности (о риторике бытового общения) // Речевое общение. 2000. Вып. 2. С. 39; Седов К.Ф. Структура устного дискурса и становление языковой личности: грамматический и прагмалингвистический аспекты. Саратов, 1998.

⁴³ См.: Дементьев В.В. Аспекты проблемы «Речевой жанр и языковая личность» // Ученые записки Таврического университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Т. 224 (63). № 2. Ч. 1. С. 314.

фликта демонстрирует пониженную семиотичность речевого поведения, эмоционально-коммуникативные реакции которого близки к биологическим проявлениям. Куртуазный тип языковой личности, напротив, ориентирован на повышенную степень семиотичности речевого поведения, которое тяготеет к этикетности. Рационально-эвристический тип отличается косвенностью выражения интенции, которая обычно опирается на повышенную рассудочность, здравый смысл⁴⁴.

6. Основанием типологии языковых личностей может являться их социальная роль (статус). Социальная роль характеризуется поведением, которое типично для людей конкретного статуса в конкретном обществе и конкретной социальной системе, а также суммой требований, которые общество предъявляет к личности, обладающей определенным статусом⁴⁵. Статус — это формально установленное или молчаливо признаваемое место индивида на социальной лестнице⁴⁶. В данном случае поведение личности сопоставляется с его соответствием занимаемому статусу. По указанному основанию языковая личность законодателя включает: председателей палат парламента, их заместителей, руководителей комитетов, парламентариев и т. д. и т. п. Наиболее яркими примерами несоответствия занимаемому статусу являются следующие высказывания председателя Государственной думы: «Парламент — не место для дискуссий»; «Мы, русские, хотим жить в друж-

⁴⁴ См.: Седов К.Ф. Жанровое мышление языковой личности (о риторике бытового общения) // Речевое общение. 2000. Вып. 2. С. 39; Седов К.Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) // Вопросы стилистики. Язык и человек. Саратов, 1996. Вып. 26.

⁴⁵ См.: Нурышев Г.Н., Бразевич Д.С. Социология. СПб., 2010.

⁴⁶ См.: Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 1997; Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 1992; Крысин Л.П. Социоллингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.

бе с другими, и эта черта не присуща другим национальностям»; «Реальная точка зрения народа формируется во внутрипартийных дискуссиях “Единой России”»⁴⁷.

7. По различиям в уровне выраженной активности могут быть выделены языковые личности с выраженной и невыраженной активностью. Выделение этих типов основывается на исследованиях Н.А. Фоминой и И.В. Чивилевой, которые установили, что речевая продукция названных типов на предтекстовом уровне различается по грамматической правильности, речевым ошибкам и отступлениям от основной темы, уточнениям и усилениям мыслей, а также по предикативной структуре, по употреблению категорий пространства и времени, оценочности и размерности, динамичности. В речевой продукции лиц с выраженной активностью отмечено достаточно много различного рода уточнений и усилений мыслей, немного грамматических ошибок, показателей оценочности, размерности и динамичности, но достаточно большое число пространственно-временных категорий. Они очень редко отступают от основной темы. Речевая продукция лиц с невыраженной активностью характеризуется невысокой грамматической правильностью, частым употреблением категорий оценочности и размерности⁴⁸.

8. Типы языковых личностей могут быть выделены в зависимости от их способности к созданию новых слов (речетворчеству) в процессе языковой игры. Следует подчеркнуть, что в законодательной дефектологии понимание языковой игры имеет специфический характер, обусловленный целями и задачами этой научной

⁴⁷ Парламент — не место для дискуссий // Коммерсантъ. 2011. 14 дек.

⁴⁸ См.: Фомина И.А. Свойства личности и особенности речевой деятельности. Рязань, 2002; Чивилева И.В. Личностные характеристики активности и их проявления в речи : дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2005.

дисциплины. В литературе языковая игра определяется следующим образом:

- Н.Д. Арутюнова отмечает, что «взаимодействие языка и жизни оформляется в виде “языковых игр”, опирающихся на социальные регламенты»⁴⁹;
- по Л.С. Витгенштейну, который, отождествляя языковую игру с речевой деятельностью и творчеством, говорил, что языковая игра — это «целое, состоящее из языка и тех видов деятельности, с которыми он сплетен»⁵⁰;
- Т.А. Гридина считает, что языковая игра — это «лингвокреативная речевая активность человека, связанная с нарушением языковых правил и тенденций для реализации языковых возможностей языка и создания игрового кода коммуникации»⁵¹;
- по мнению Е.А. Земской, М.В. Китайгородской и Н.И. Розановой, «языковая игра является реализацией поэтической функции языка, поскольку язык в рамках языковой игры используется с целью достичь эстетический или художественный эффект путем неканонического использования языка в речи»⁵²;
- у М.Н. Кожинной языковая игра представляет собой тип речевого поведения, базирующийся на «деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и спо-

⁴⁹ Арутюнова Н.Д. Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 412.

⁵⁰ Витгенштейн Л.С. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 79.

⁵¹ Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996. С. 25.

⁵² Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.И. Языковая игра // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1994. С. 175.

способность вызывать у слушателя/читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект»⁵³;

- Б.Ю. Норман под языковой игрой понимает «использование языка в особых — эстетических, социальных и т. п. — целях, при котором языковая система наилучшим образом демонстрирует свою мягкость: языковые единицы, их классы и правила их функционирования получают тут большую степень свободы по сравнению с иными речевыми ситуациями»⁵⁴;
- С.Ж. Нухов определял понятие языковой игры как «форму речевого поведения человека, при которой языковая личность реализует творческую способность к проявлению в речи остроумия», что сопровождается комическим эффектом в процессе коммуникации⁵⁵;
- В.З. Санников определяет языковую игру как «некоторую языковую неправильность, осознаваемую говорящим и допущенную им намеренно. При этом слушающий или читающий это выражение понимает, что в контексте разговора или текста это было сделано специально, и стремится поддержать эту языковую игру»⁵⁶;
- по мнению В.И. Шаховского, языковая игра всегда является отклонением от языковых норм, однако эти отклонения допустимы. «Языковая игра — это не злокачественное нарушение языковых норм, а способ создания эмоционально окрашенных новообразований в языке»⁵⁷.

⁵³ Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2006. С. 657.

⁵⁴ Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М., 2006. С. 5–6.

⁵⁵ Нухов С.Ж. Языковая игра в словообразовании : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997. С. 36–37.

⁵⁶ Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд. М., 2002. С. 23.

⁵⁷ Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М., 2008. С. 367.

Под языковой игрой законодателя мы понимаем его лингвокреативную деятельность по созданию новых языковых единиц, их классов и правил функционирования путем деструкции речевых норм с целью более точной передачи мысли и (или) закрепления однозначного значения чего-либо. Языковая игра законодателя выполняет языкотворческую, оценочную, маскировочную и аксиологическую функции.

Такое широкое понимание языковой игры основывается на следующих взглядах:

- Т.А. Дедушкина считает, что языковая игра может использоваться для более точной передачи мысли, для создания четкого образа чего-либо⁵⁸;
- С.В. Ильясова говорит о двух основных функциях языковой игры: 1) языкотворческая функция, которая основывается на том, что языковая игра является способом обогащения словарного состава языка. Многие результаты индивидуального творчества человека закрепляются в языке как новый способ выражения мысли, тем самым развивая мышление и язык общества; 2) оценочная функция, обусловленная тем, что языковая игра является социальным инструментом, поскольку посредством ее возможно выражение и сознательное моделирование определенных социальных процессов⁵⁹;
- Э. Митчелл и Б. Мэйсон утверждают, что «человек играет, чтобы добиваться, творить, завоевывать, приобретать, производить впечатление, получать одобрение. Поэтому, исходя из своих возможностей и способностей, он занимается теми видами деятельности, кото-

⁵⁸ См.: Дедушкина Т.А. Языковая игра: современное состояние вопроса // *Studia Linguistica*. 2012. № 6. С. 91.

⁵⁹ См.: Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. 5-е изд. М., 2015. С. 32.

- рые помогают ему достигать своих целей. Игра для него есть средство выражения его индивидуальности»⁶⁰;
- В.З. Санников выделяет маскировочную функцию языковой игры, которая выражается в возможности завуалировать значение, выразить смыслы, произнесение которых может быть под запретом⁶¹;
 - по мысли Дж.Р. Серля, «наиболее важный вывод: множество языковых игр, или способов использования языка... не бесконечно и не неопределенно. Иллюзия неограниченности употреблений языка порождена большой неясностью в отношении того, что составляет критерии разграничения для различных языковых игр или для различных употреблений языка. Если принять, что иллокутивная цель — это базисное понятие, вокруг которого группируются различные способы использования языка, то окажется, что число различных действий, которые мы производим с помощью языка, довольно ограничено: мы сообщаем другим, каково положение вещей; мы пытаемся заставить других совершить нечто; мы берем на себя обязательство совершить нечто; мы выражаем свои чувства и отношения; наконец, мы с помощью высказываний вносим изменения в существующий мир. Зачастую в одном и том же высказывании мы совершаем сразу несколько действий из этого списка»⁶²;
 - по мнению Т.Г. Соповой, языковая игра выполняет самоутверждающую и аксиологическую функции⁶³;

⁶⁰ Mitchell E.D., Mason B.S. The theory of play. N. Y., 1935. P. 81.

⁶¹ См.: Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд. М., 2002. С. 30.

⁶² Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 194.

⁶³ См.: Сопова Т.Г. Языковая игра в контексте демократизации художественной речи в последние десятилетия XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. С. 9.

- языковая игра у П. Фарба значительно шире узкого толкования этого термина как словесной игры с целью пошутить или позабавить собеседника. В данном контексте игра означает взаимодействие согласно четко определенным правилам, когда «делается ставка» и обе стороны стремятся ее выиграть. Язык включает в себя грамматику и речевое поведение человека, анализируемые с точки зрения теории интеракции и игры. Его можно также рассматривать как систему правил и конвенций, хорошо понятных всем членам языкового сообщества, при этом данная система одновременно предполагает свободу и творчество в использовании. «Одним словом, любой язык предоставляет говорящим на нем широкий выбор стратегий, прибегая к которым они включаются в языковую игру»⁶⁴.

В зависимости от способности к созданию новых слов (речетворчеству) в процессе языковой игры могут быть выделены эффективный и неэффективный типы языковой личности законодателя:

- эффективный тип языковой личности — это языковая личность, которая достигает поставленных прагматических целей коммуникации;
- неэффективный тип языковой личности — это языковая личность, которая не достигает поставленных прагматических целей коммуникации при неуспешном или квазиуспешном использовании языковой игры.

Языковая игра оказывается неэффективной в случае наличия коммуникативных аномалий⁶⁵. «Если коммуникант выбирает ошибочную стратегию или тактику, приводящую к возникновению коммуникативных аномалий,

⁶⁴ Farb P. Word play: What happens when people talk. N. Y., 1976. P. 80.

⁶⁵ См.: Коновалова Ю.О. Языковая игра в современной русской разговорной речи. Владивосток, 2008. С. 127.

то коммуникация отклоняется от идеальной схемы»⁶⁶, т. е. намерения или ожидания говорящих реализуются не в полном объеме.

Коммуникативные аномалии имеют место в ситуациях коммуникативной неудачи, коммуникативного дискомфорта, коммуникативного конфликта. Коммуникативная неудача — «осечка», недостижение цели коммуникации; полное или частичное непонимание высказывания партнером по коммуникации⁶⁷. Коммуникативный дискомфорт — ситуация, в которой затруднена (но возможна) реализация намерений и/или ожиданий коммуникантов⁶⁸. Коммуникативный конфликт — сознательное столкновение мнений⁶⁹. Коммуникативные аномалии обусловлены языковыми и психологическими факторами⁷⁰.

9. Эмпирические исследования связей между типом характера человека и особенностями его речевой деятельности позволили ряду авторов выявить демонстративный тип личности. Этот тип личности обычно представляет средние по объему тексты, в которых фразы достаточно короткие, но информационно насыщенные, отличающиеся связностью, логичностью, хотя их последовательность может часто нарушаться. В текстах людей с таким типом

⁶⁶ Мартынова Е.М. Типология явлений коммуникативного дискомфорта в ситуациях диалога : дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2000. С. 53.

⁶⁷ См.: Ермакова О.Н., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.

⁶⁸ См.: Семенко Л.П. Аспекты лингвистической теории монолога. М., 1996.

⁶⁹ См.: Мартынова Е.М. Типология явлений коммуникативного дискомфорта в ситуациях диалога : дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2000.

⁷⁰ Коновалова Ю.О. Языковая игра в современной русской разговорной речи. Владивосток, 2008. С. 128.

характера больше всего лексических и синтаксических ошибок, они часто вставляют в речь вводные слова. Видимо, стремление быть в центре внимания приводит к тому, что все внимание сосредоточено на содержательном аспекте текста, а не на правильности употребления языковых единиц. Их рассказы не отличаются большой экспрессивностью, в них много цитат, фразеологических оборотов, описаний разных людей. Можно предположить, что, часто ссылаясь на других, представители данного типа личности тем самым пытаются обратить внимание на свою информированность, подчеркнуть заинтересованность в происходящем. Здесь больше всего персонажей, но при этом затронуто мало тем. Используются многочисленные смысловые категории, в основном же описывается свое состояние в тех или иных обстоятельствах⁷¹.

10. В социологии типы языковых личностей выделяют по объективным социально-демографическим признакам (возраст, пол, уровень образования, стиль жизни и т. д.) или ролям, которые они выполняют в социуме. Так, известны социологическая типология личностей О. Клаппа, где выделяются социальные типы героев, злодеев, клоунов, жертв и т. д.⁷², и типология персонажей волшебной сказки В.Я. Проппа, который выделяет героя, вредителя, посредника, дарителя и т. п.⁷³

11. И.А. Зимняя обоснованно считает, что выбор языковых средств при коммуникации и процесс восприятия высказываний обеспечиваются как бессознательными

⁷¹ См.: Валиулина В.Р., Чеботарева Е.Ю. Проявление типа характера человека в его речевой деятельности // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. «Психология и педагогика». 2006. № 2 (4).; Чеботарева Е.Ю., Денисенко В.Н., Крупнов А.И. Психолингвистический анализ речевых действий. М., 1998.

⁷² См.: Klapp O.E. Symbolic Leaders. Public Dramas and Public Men. Chicago, 1964. P. 43–50.

⁷³ См.: Пропп В.Я. Морфология сказки. Л., 1928.

механизмами, так и осознанными действиями⁷⁴. Это позволяет по выраженности в речи и текстах своеобразия вербального, невербального и социального интеллекта выделять личности с доминированием первой или второй сигнальной системы. Напомним, что сигнальные системы — это общая система условных связей, объединяющая первую (сенсорную) и вторую (понятийную) системы сигналов в головном мозге, обеспечивающие адекватное приспособление к окружающей среде. Обе системы работают во взаимодействии, воспринимая сигналы из внешнего мира. По И.П. Павлову, то, что мы имеем в себе как впечатления, ощущения и представления от окружающей внешней среды, как общеприродной, так и социальной, исключая слово, слышимое и видимое, — это первая сигнальная система действительности, общая у нас с животными⁷⁵. В работе С.В. Елгиной показано, что у лиц с доминированием первой сигнальной системы более развит социальный интеллект, на среднем уровне — невербальный, наименее развит вербальный интеллект, а у лиц с доминированием второй сигнальной системы лучше развит вербальный интеллект, значительно хуже невербальный и менее всего — социальный⁷⁶.

12. Культурология предлагает типологию личностей, выделяемых в качестве представителей определенной этносоциальной группы и узнаваемых по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации. Такой подход к описанию типизируемых личностей (лингвокультурных

⁷⁴ См.: Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. М.; Воронеж, 2001.

⁷⁵ См.: Павлов И.П. Полное собрание сочинений. 2-е изд. Т. 3. Кн. 2. М., 1951. С. 335–336.

⁷⁶ См.: Елгина С.В. Проявления интеллектуальных особенностей личности в когнитивном компоненте речевых действий : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.

типажей) получил развитие в исследованиях Е.В. Гуляевой⁷⁷, В.В. Деревянской⁷⁸, О.А. Дмитриевой⁷⁹, О.В. Лутовиновой⁸⁰, И.А. Мурзиновой⁸¹, Е.А. Ярмаховой⁸². В соответствии с этим подходом могут быть выделены такие лингвокультурные типажи, как депутат-спортсмен, депутат-актриса, депутат-«доктор рабочих наук», депутат-политик и т. д. и т. п. в зависимости от целей и задач соответствующего исследования.

Изложенное позволяет полностью согласиться с В.И. Карасиком в том, что «изучение языковой личности базируется на тех психологических и социологических признаках, которые находят выражение в языковой семантике и прагматике и позволяют построить типологию языковых личностей. Такие признаки являются лингвистически релевантными индексами языковых личностей. Совокупность соответствующих индексов образует определенный тип личности, исторически изменчивый и социопсихологически вариативный»⁸³.

13. В зависимости от различного уровня речевой культуры и возможности использовать различные языковые

⁷⁷ См.: Гуляева Е.В. Лингвокультурный типаж «американский адвокат»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009.

⁷⁸ См.: Деревянская В.В. Лингвокультурный типаж «британский колониальный служащий»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.

⁷⁹ См.: Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века. Волгоград, 2007.

⁸⁰ См.: Лутовинова О.В. Лингвокультурный типаж «хакер» // Политическая лингвистика. 2006. Вып. 20.

⁸¹ См.: Мурзинова И.А. Лингвокультурный типаж «британская королева»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009.

⁸² См.: Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чудака»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003.

⁸³ Карасик В.И. Языковая личность как предмет изучения антропологической лингвистики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 8 (62). С. 115.

средства в различных стилях В.П. Нерознак выделяет два типа языковых личностей, обозначая их как 1) «стандартную» в рамках усредненной литературной нормы языка языковую личность; 2) «нестандартную» языковую личность, отклоняющуюся от установленных языковых образцов вверх (писатели, мастера художественного слова, создающие тексты) либо вниз (носители языка, склонные к использованию ненормированной и не включаемой в тексты культуры лексики)⁸⁴.

14. О.Б. Сиротинина, говоря об оценке качества речи по отношению к литературной норме и степени целесобразности использования языковых средств, выделяет элитарный, среднелитературный, литературно-разговорный, фамильярно-разговорный (в сфере литературного языка) и жаргонизирующий (за пределами литературной нормы) типы речевой культуры⁸⁵.

15. Наиболее адекватной для решения задач законодательной дефектологии является типология К.Ф. Седова, который в зависимости от способности к кооперации в речевом поведении выделяет три типа языковых личностей: конфликтный, центрированный, кооперативный.

Конфликтный тип демонстрирует установку на себя и одновременно против партнера по коммуникации. Здесь коммуниканты сталкиваются с попыткой самоутверждения за счет собеседника. Этот тип представлен двумя разновидностями:

- конфликтно-агрессивный подтип (конфликтный агрессор) проявляется в том, что демонстрирует в отношении коммуникативного партнера негативную иллюку-

⁸⁴ См.: Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод : сб. науч. тр. М., 1996.

⁸⁵ См.: Сиротинина О.Б. Основные критерии хорошей речи // Хорошая речь. Саратов, 2001.

цию⁸⁶ (агрессию), которая вызвана стремлением видеть в его поведении враждебную или конкурирующую интенцию;

- конфликтно-манипуляторский подтип (конфликтный манипулятор) в коммуникативном партнере видит прежде всего объект манипуляции.

Центрированный тип характеризуется установкой на себя при игнорировании партнера коммуникации и включает два подтипа:

- активно-центрированный подтип (активный эгоцентрик) по своим речевым проявлениям напоминает конфликтного манипулятора, так как тоже может перебивать собеседника, произвольно менять тему разговора и т. д. Однако здесь необходимо констатировать разницу в иллокутивных силах: если конфликтный манипулятор не уважает коммуникативного партнера, желая навязать ему свою точку зрения, то активный эгоцентрик просто не способен встать на точку зрения другого участника общения;
- пассивно-центрированный тип (пассивный эгоцентрик) обычно в бытовом общении выглядит безобидным, рассеянным, иногда — забитым. Он с трудом способен выйти за пределы собственного внутреннего мира. Такая «зацикленность на себе» становится ре-

⁸⁶ Иллокуция — в лингвопрагматике компонент речевого акта, содержанием которого является выражение коммуникативного намерения говорящего. Иллокуция дополнительна по отношению к локуции, или содержанию речевого акта, выраженному семантикой языковых единиц. Иллокуция и ее понимание зависят от коммуникативной ситуации и общности речевого опыта коммуникантов. Распознавание иллокутивного смысла высказываний входит в состав речевой компетенции личности. См.: Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д., 2010. С. 122.

зультатом работы психологических защитных механизмов, которые обычно отражают какие-то особенности раннего социогенеза индивида.

Кооперативный тип в качестве доминирующей установки общения демонстрирует установку на партнера коммуникации. Здесь выделяются подтипы:

- кооперативно-конформный подтип (кооперативный конформист) демонстрирует согласие с точкой зрения собеседника, даже если он не вполне разделяет эту точку зрения;
- кооперативно-актуализаторский подтип (кооперативный актуализатор) в речевом взаимодействии руководствуется основным принципом, который можно определить как стремление поставить себя на место собеседника, взглянуть на изображаемую в речи ситуацию его глазами.

Приведенные примеры речевых реакций не исчерпывают всех коммуникативных форм поведения показанных типов языковых личностей. Отличия в таких формах на каждом из выделенных уровней коммуникативной компетенции зависят от иных личностных особенностей индивида. К числу таких параметров можно отнести стратегические предпочтения, которые отражают своеобразие воспитания человека, специфику его речевой биографии⁸⁷.

16. В зависимости от способности к кооперации в процессе дезинформации адресатов речевой коммуникации

⁸⁷ См.: Седов К.Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) // Вопросы стилистики. Язык и человек. Саратов, 1996. Вып. 26; Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингвистический аспекты. Саратов, 1999; Седов К.Ф. Типы языковых личностей по способности к кооперации в речевом поведении // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2000.

языковые личности подразделяют на кооперативных и некооперативных дезинформаторов:

- кооперативный дезинформатор совершает свои речевые действия, исходя, как ему представляется, из «благородных» побуждений — вселить (ложную) надежду, воодушевить адресата на определенные реакции и действия в условиях кризиса (политического, экономического, экологического и пр.), выгодные для дезинформатора, создать или поддержать иллюзию о превосходстве своей страны и т. д.;
- некооперативный дезинформатор, напротив, руководствуется исключительно собственной выгодой — политической или экономической, или выгодой своей партии, объединения, движения, страны. Целью дезинформатора в данном случае является нанесение вреда (в частности, дискредитация) или ущерба (например, финансового) населению и/или своему оппоненту (от конкретной личности до целого государства)⁸⁸.

17. В соответствии с типологией, предложенной В.И. Карасиком, среди парламентариев можно выделить эгоцентрические и социоцентрические языковые личности. Различие между ними в том, что «эгоцентрическая языковая личность насыщает свою речь яркими и необычными выражениями, среди которых немало фразеологических единиц, с целью саморепрезентации и украшения речи. Социоцентрическая языковая личность использует клишированные выражения для подтверждения своего статуса и — в случае статусной неопределенности — для опознания членов своей социальной группы»⁸⁹.

⁸⁸ См.: Макурова Д.А. Языковая личность дезинформатора // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 1 (103). Ч. 3. С. 160.

⁸⁹ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. С. 142.

Когнитивный стиль эгоцентрической языковой личности объективируется актуализацией доминирующих коммуникативных свойств ее речи, специфическим набором характеризующихся яркой стилистической маркированностью и контекстуальной необычностью разноразрядных языковых единиц, используемых в целях саморепрезентации и украшения речи⁹⁰. Характерной чертой эгоцентрической личности является построение речи и текстов по принципу синтаксического параллелизма, который в литературе понимается следующим образом:

- И.В. Арнольд рассматривает синтаксический параллелизм как одну из разновидностей повтора — «повтор конструкций»⁹¹;
- И.Р. Гальперин считает параллельные конструкции «стилистическим приемом, характерным в основном для макроструктур и абзаца, важным условием в которых является идентичная или сходная синтаксическая структура в двух или более предложениях, или частях одного предложения»⁹²;
- М.Д. Кузнец, Ю.М. Скребнев называют параллелизмом более или менее полную «тождественность синтаксической структуры двух или нескольких следующих друг за другом предложений»⁹³;

⁹⁰ См.: Геляева А.И., Пугоева А.О. Доминанты когнитивного стиля эгоцентрической языковой личности (на материале статей Александра Проханова в газете «Завтра») // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 3. С. 73.

⁹¹ См.: Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. СПб., 2002. С. 145.

⁹² Гальперин И.Р. Стилистика. М., 1981. С. 147.

⁹³ Кузнец М.Д., Скребнев Ю.М. Стилистика английского языка. Л., 1960. С. 83.

- В.А. Кухаренко определяет параллелизм как «повтор, включающий всю структуру предложения»⁹⁴;
- Н.М. Разинкина считает, что синтаксический параллелизм — это «один из стилистических приемов композиции высказывания, в которой отдельные части предложения или ряд предложений в целом построены однотипно»⁹⁵;
- Р.В. Складенко называет параллелизмом «семантическое единство, состоящее минимально из двух компонентов, которые характеризуются синтаксической тождественностью и логико-смысловой общностью»⁹⁶;
- Н.И. Формановская рассматривает в качестве основы структурного параллелизма «однородность и повтор»⁹⁷.

Нередко в речи эгоцентрической личности встречается и расширяющийся синтаксический параллелизм, или конкатенация, что мотивировано как содержанием дискурса, так и целями саморепрезентации и украшения речи. В данном случае эгоцентрическая личность представляет отдельные высказывания в виде «цепочки последовательно подчиненных друг другу синтаксических конструкций, протяженность которой превышает обычную, среднестатистическую длину такого рода синтаксических образований»⁹⁸.

⁹⁴ Кухаренко В.А. Семинарий по стилистике английского языка. М., 1971. С. 109.

⁹⁵ Разинкина Н.М. Функциональная стилистика английского языка. М., 1989. С. 135.

⁹⁶ Складенко Р.В. Лингвостилистические особенности синтаксического параллелизма (на материале англо-американской художественной прозы XX в.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. С. 5.

⁹⁷ См.: Формановская Н.И. Стилистика сложного предложения. М., 2007. С. 252.

⁹⁸ Сковородников А.П. Конкатенация // Культура русской речи : энцикл. словарь-справочник. М., 2003. С. 263.

18. В зависимости от владения иностранным языком наряду с аутентичной или первичной языковой личностью выделяется вторичная языковая личность⁹⁹, под которой понимается:

- «структурный слепок с первичной языковой личности»¹⁰⁰;
- «показатель способности человека принимать полноценное участие в межкультурной коммуникации»¹⁰¹;
- «личность, которая формирует у себя языковое сознание, у нее выстраивается соответствие между иностранным и родным языками»¹⁰²;
- «совокупность способностей человека к иноязычному общению на межкультурном уровне, под которым понимается адекватное взаимодействие с представителями других культур»¹⁰³;
- «не отдельное языковое новообразование, как считают отдельные исследователи, это расширение собственного языкового сознания, включение в него новых связей и отношений, присущих изучаемому иностранному языку. Вторичная языковая личность появляется тог-

⁹⁹ См.: Халева И.И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. М., 1995; Халева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. М., 1989.

¹⁰⁰ Богин Г.И. Герменевтические последствия универсализаций в методике преподавания русского языка как иностранного // *Hermeneutics In Russia*. 1998. Vol. 2. Issue 3. P. 3.

¹⁰¹ Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // *Филологические науки*. 2001. № 1. С. 65.

¹⁰² Гаврилова О.В. Вторичная языковая личность — результат обучения иностранным языкам // *Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры : материалы Всерос. науч.-метод. конф. Оренбург, 2016*. С. 1991.

¹⁰³ Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика. М., 2004. С. 68.

да, когда происходит осознание, что на многое можно смотреть по-другому»¹⁰⁴;

- «взаимодействие таких субъективно-индивидуальных характеристик личности, как речь, нравственность, язык и культура»¹⁰⁵;
- «коммуникативно-активный субъект, способный в той или иной мере познавать, описывать, оценивать, преобразовывать окружающую действительность и принимать участие в общении с другими людьми средствами иностранного языка в иноязычно-речевой деятельности»¹⁰⁶;
- «реализуемая средствами изучаемого языка структура языковой личности его носителя»¹⁰⁷.

При этом «образование вторичной языковой личности складывается не только из овладения вербально-семантическим кодом изучаемого языка, то есть “языковой картиной мира” носителей этого языка, но и из овладения “глобальной” (концептуальной) картиной мира, которая позволяет человеку понять новую для него социальную действительность»¹⁰⁸. В основе подхода к проблеме вто-

¹⁰⁴ Лебедевская Т.В. Место концептуальной картины мира в формировании вторичной языковой личности // Этнокультурный и социолингвистический аспекты теории и практики преподавания языков. Минск, 2015. С. 262.

¹⁰⁵ Момотова И.Г. Понятие и структура языковой и вторичной языковой личности // Вестник Вятского государственного университета. 2011. № 2–3. С. 112–113.

¹⁰⁶ Плехов А.Н. Психологические условия развития вторичной языковой личности преподавателя-лингвиста : дис. ... канд. психол. наук. Н. Новгород, 2007. С. 3.

¹⁰⁷ Потёмкина Е.В. К вопросу о методах формирования вторичной языковой личности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 1. № 2. С. 223.

¹⁰⁸ Момотова И.Г. Понятие и структура языковой и вторичной языковой личности // Вестник Вятского государственного университета. 2011. № 2–3. С. 112.

ричной иноязычной профессиональной личности должно быть представление о принципиально едином построении и функционировании социально-психологической, языковой и вторичной языковой личности¹⁰⁹.

2.3. СПЕЦИФИКА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЯ

М.Б. Безрокова справедливо считает, что «языковая личность россиянина в моно- и полиэтническом пространстве представляет собой сложную интегративную категорию, в которой переплетаются как индивидуальные, так и коллективные характеристики, зависящие от таких факторов, как национальная принадлежность, язык обучения и воспитания, принадлежность к культуре (этническая, общечеловеческая, массовая, авангардная)»¹¹⁰.

Основным средством формирования языковой личности является социализация индивида, предполагающая: процесс включения человека в определенные социальные отношения; активную речемыслительную деятельность по нормам и эталонам, заданным языковой культурой; процесс усвоения законов социальной психологии народа¹¹¹.

Языковое сознание личности — это «те особенности речевого поведения индивидуума, которые определяются коммуникативной ситуацией, его языковым и культур-

¹⁰⁹ См.: Хитрик К.Н. Теоретические основы обучения культуре иноязычного речевого общения в специальном языковом вузе (на материале иранской ветви индоевропейских языков) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2001.

¹¹⁰ Bezrokov M.B. Specific Character of Linguistic Personality Development in Mono- and Poly-ethnic Environment (the Kabardino-Balkarian Republic Case Study) // European Researcher. 2013. Vol. (46). № 4-2. P. 854.

¹¹¹ См.: Лавринова Н.Н. Культурологический аспект изучения теорий языковой личности // Аналитика культурологии. 2005. Вып. 1 (3).

ным статусом, социальной принадлежностью, полом, возрастом, психическим типом, мировоззрением, особенностями биографии и другими константными и переменными параметрами личности»¹¹². По мнению Т.Н. Ушаковой, языковое сознание выступает в двух сущностях: как психический феномен нематериальной природы и как материальный феномен, реализуемый в произносимой или записываемой речи¹¹³. Это дает основания утверждать, что законодательная инициатива, оформленная в проект законодательного текста, представляет собой материальный феномен языкового сознания индивида, участвующего в создании законов.

По замечанию Г.И. Богина, «языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать»¹¹⁴. Применительно к некоторым законодательным инициативам, дающим представление о степени владения языком отдельными личностями, этот вывод можно трансформировать в утверждение о не вполне развитом характере последних, что обычно обусловлено недостаточным уровнем образования, плохим в некоторых случаях знанием русского языка, отсутствием навыков абстрактного мышления, особенностями личного восприятия окружающей действительности и т. д. и т. п.

Справедливо отмечается, что, «говоря о восприятии объектов мира, о придании им определенного смысла (концепта), с одной стороны, и об употреблении языковых выражений для обозначения воспринятых нами объектов — с другой, мы говорим как бы о двух уровнях оперирования нашими ментальными репрезентациями»¹¹⁵.

¹¹² См.: Тупицына И.Н. Речевая коммуникация: личностно-когнитивное измерение: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005.

¹¹³ См.: Ушакова Т.Н. Речь человека в общении. М., 1989.

¹¹⁴ Богин Г.И. Современная лингводидактика. Калинин, 1980. С. 3.

¹¹⁵ Алимуратов О.А. Смысл. Концепт. Интенциональность. Пятигорск, 2003. С. 177.

Если рассматривать инициированные известными лицами законодательные тексты как их ментальные репрезентации, то в содержании последних наибольший интерес вызывают личные мотивы инициаторов. Выступая с той или иной законодательной инициативой, парламентарий руководствуется определенным мотивом, который является первой инстанцией в порождении речи и «последней инстанцией в обратном процессе — процессе восприятия и понимания высказывания, ибо мы понимаем не речь и даже не замысел, а то, ради чего выражает наш собеседник ту или иную мысль, т. е. мотив»¹¹⁶. Этот мотив в концентрированном виде выражает систему ценностей и жизненных смыслов парламентария, т. е. то глубоко сокровенное в сознании каждого человека, что побуждает его к действию.

Утверждается, что «данные в лингвистике всегда окрашены социальными, культурными и индивидуальными параметрами, делающими невозможным их воспроизведение в многократно повторяемых опытах»¹¹⁷. Это, может быть, и верно в отношении данных, получаемых в ходе лабораторных лингвистических опытов, но далеко не всегда применимо к данным законодательной дефектологии. Анализ «многократно повторяемых опытов», демонстрирующих изначально дефектные законодательные инициативы, показывает, что содержащиеся в них и имеющие лингвистический характер данные хотя и «окрашены социальными, культурными и индивидуальными параметрами», имеющими аверсивный¹¹⁸ характер, но постоянно воспроизводятся и повторяются, что делает возможными

¹¹⁶ Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007. С. 14.

¹¹⁷ См.: Живов В. Московско-тартуская семиотика: ее достижения и ее ограничения // НЛО. 2009. № 98.

¹¹⁸ Аверсивный — нечто, вызывающее неприязнь или отвращение. См.: Кордуэлл М. Психология. А-Я : словарь-справочник. М., 1999.

их типизацию, а также анализ социальных, психологических и иных мотивов их появления.

Аверсивность множества законодательных инициатив выражается в том, что их методология основана на применении к регулируемым субъектам преимущественно неприятных (аверсивных) стимулов¹¹⁹, которые непосредственно следуют за нежелательным (девиантным), по мнению инициаторов соответствующих инициатив, поведением населения или его групп и вызывают у последних «неприязнь, отвращение, крайне неприятные, болезненные ощущения»¹²⁰.

Не лишены оснований представляется вывод, что одним из возможных мотивов, побуждающих парламентариев выступать с «личными» законодательными инициативами, является не столько желание что-то законодательно урегулировать во благо общества и (или) государства, сколько желание обеспечить себе фатическое общение. Последнее, как известно, направлено на установление «уз общности» и не преследует целей передачи мыслей, идей, информативных сообщений¹²¹. В фокусе фатического высказывания находится не сообщаемая информация, а отношение к ней говорящего¹²². При этом «важно не то, что говорится, сколько то, что вообще ведется разговор»¹²³. Кроме того, начальная установка на праздноречивый разговор, нередко сопровождающий какое-либо

¹¹⁹ Аверсивный стимул — событие или физическое ощущение, которое человек считает неприятным и воспринимает как наказание. См.: Гулина М.А. Словарь-справочник по социальной работе. СПб., 2008.

¹²⁰ Большой психологический словарь / Н.Н. Авдеева и др. ; под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. 4-е изд. М. ; СПб., 2009. С. 12.

¹²¹ См.: Malinowski B. Phatic Communion // Communication in facetoiface interaction. Harmondsworth, 1972. P. 146.

¹²² См.: Leech G.N. Principles of pragmatics. L., 1983. P. 131–132, 141–142.

¹²³ Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии : сб. тр. / под ред. А.Е. Кибрика. М., 1993. С. 232.

другое действие, может в дальнейшем перейти на более высокий уровень взаимоотношений, когда возникает «качественно новая информация — плод слияния информационных потоков, идущих от уникальных духовных миров партнеров»¹²⁴.

Цели подобного «законотворчества» состоят в постоянном напоминании обществу и власти о своем существовании, о том, что данный парламентарий «не покладая рук», «денно и ночью» заботится о народном благе. Это, помимо прочего, является причиной, с одной стороны, немислимо большого количества законов, а с другой — еще большего количества актов о внесении изменений и дополнений в действующее законодательство. Так, согласно исследованию Российского союза промышленников и предпринимателей в начале XXI в., различные виды экономической деятельности представителей среднего и малого бизнеса регулировались более чем тридцатью тысячами нормативно-правовых актов¹²⁵. При этом изучение текстов, появляющихся в результате подобного законотворчества, всецело подтверждает известный тезис Ф.И. Буслаева о том, что в органическом языке нет неправильностей, которые не исходили бы от глубоко коренящегося закона, нет исключений, которые, основательно поняты, не подходили бы под правило¹²⁶.

Успешной реализации указанного целеполагания весьма способствуют неизменно поддерживаемые парламентариями многочисленные ведомственные законотворческие начинания. В таких случаях проекты законов, регулирующих деятельность ведомства, целиком и полностью разрабатываются сотрудниками этого ведомства, прини-

¹²⁴ Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъективных отношений. М., 1988. С. 271.

¹²⁵ См.: Коммерсантъ. 2001. 24 ноября.

¹²⁶ См.: Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. М., 2019. С. 10–11.

маются парламентариями без их критического осмысления и преподносятся как результат их собственных усилий. При этом, «поскольку язык не обозначает уже готовую мысль, а творит ее, языковая принадлежность говорящего создает объективные условия для наследования принятых в данном» ведомстве «ценностных установок и норм речевого поведения»¹²⁷.

Если поставить перед собой цель — обозначить одним словом идеологию многочисленных ведомственных законотворческих инициатив, то, на наш взгляд, наиболее подходящим будет термин «консеквенциализм», под которым понимается группа моральных теорий, где критерий нравственной оценки — это результат (консеквент) поведения, где морально правильным является такое действие или бездействие, которое дает хорошие результаты или последствия (включая последствия, возникшие в ходе достижения этих результатов). Историческими формами консеквенциализма были эвдемонизм, гедонизм, утилитаризм и эгоизм. Консеквенциальный подход становится очевиден, когда благих целей добиваются не благими средствами и благие намерения приводят к негативным последствиям, что обычно иллюстрируется известными высказываниями: «Цель оправдывает средства», «Благими намерениями вымощена дорога в ад», «Хотели как лучше, а получилось как всегда»¹²⁸.

¹²⁷ Владимирова Т.Е. Русская языковая личность: экзистенциально-онтологическое измерение // Языковая личность: аспекты изучения : сб. науч. ст. памяти Ю.Н. Караулова. М., 2017. С. 70.

¹²⁸ См.: Darwall S. Consequentialism. Oxford, 2002; Goodman C. Consequences of Compassion: An Interpretation and Defense of Buddhist Ethics. Oxford, 2009; Honderich T. Consequentialism, Moralities of Concern and Selfishness. Cambridge, 2009; Portmore D.W. Common-sense Consequentialism: Wherein Morality Meets Rationality. N. Y., 2011; Scheffler S. The Rejection of Consequentialism: A Philosophical Investigation of the Considerations Underlying Rival Moral Conceptions. Oxford, 1994.

К числу нередко применяемых способов ведомственного речевого воздействия на парламентариев относятся:

- убеждение — вселение в объект воздействия уверенности, что истина доказана, при котором используются как логика, так и эмоциональное давление. И.А. Стернин противопоставляет убеждение и доказывание. Последнее осуществляется «в соответствии с законами логики. Это логический путь речевого воздействия, обращение к логике мышления человека», в то время как в убеждении «используются и логика, и обязательно эмоция, эмоциональное давление»¹²⁹;
- уговаривание — преимущественно эмоциональное побуждение объекта воздействия отказаться от его точки зрения и принять точку зрения уговаривающего, которое всегда осуществляется очень эмоционально, интенсивно, с использованием личных мотивов, и основано на длительности настаивания и многократном повторе предложения;
- клянченье — эмоциональное выпрашивание чего-либо с использованием простого многократного повтора ранее сделанного предложения;
- внушение — побуждение объекта воздействия просто поверить, принять на веру то, что ему сообщается, без обдумывания и критического осмысления, основанное на сильном психологическом, эмоциональном давлении, часто — на авторитете внушающего;
- просьба — побуждение объекта воздействия сделать что-либо в интересах просящего, руководствуясь положительным отношением и откликаясь на потребности последнего¹³⁰.

¹²⁹ Стернин И.А. Практическая риторика. М., 2005. С. 10–11.

¹³⁰ Подробнее см.: Стернин И.А. Практическая риторика. М., 2005. С. 11–12.

Данный тип отношений восходит к полигамной эпохе, когда все старшие мужчины большой экзогамной семьи считались отцами и членами фратрии, носящей имя первопредка-тотема, а входившие в эту фратрию молодые мужчины назывались между собой братьями¹³¹. Рождавшийся при этом «кооперативный консенсус человеческих общностей» способствовал утверждению новых форм социальности и формированию негенетической формы социальной памяти¹³².

Неизменный успех ведомственного воздействия на парламентариев в немалой степени обусловлен тем, что «в каждую эпоху есть и свои “ходовые истины”, с которыми признают необходимым соглашаться из “ложного стыда”, из боязни, что назовут “отсталым”, “некультурным”, “ретроградом” и т. д., и т. д. И чем слабее духом человек, тем он в этом отношении трусливее»¹³³.

Известное изречение «Верую, ибо абсурдно» (*Credo quia absurdum est*), впервые введенное Тертуллианом в 203 г. в работе “*De Carne Christi*” (доступно в английском варианте: *Tertullian. On the Flesh of Christ*¹³⁴), упомянутое затем Т. Брауном в 1643 г. в работе «Религия врача»¹³⁵, а потом в 1697 г. в историческом и критическом словаре П. Бейля¹³⁶, которое позднее стало предметом пристального изучения¹³⁷, в современных условиях в ряде случа-

¹³¹ См.: Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1970. С. 147.

¹³² См.: Моисеев Н.Н. Логика универсального эволюционизма и кооперативность // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 66.

¹³³ Поварнин С.И. Спор: о теории и практике спора. Минск, 1992. С. 52.

¹³⁴ См.: Barnes T. *Tertullian: A literary and historical study*. Oxford, 1971; Rankin D. *Tertullian and the Church*. Cambridge, 1995.

¹³⁵ См.: Browne T. *Religio Medici and Urne-Buriall*. N. Y., 2012.

¹³⁶ См.: *Dictionnaire historique et critique*. Rotterdam, 1697.

¹³⁷ См., напр.: Мазурин К.М. Тертуллиан и его творения. М., 1892; Попов К. Тертуллиан, его теория христианского знания и основные начала его богословия. Киев, 1880; Преображенский П.Ф. Тертуллиан

ев помогает членам Федерального собрания создавать так называемые ведомственные законы. Похоже, сегодня некоторые парламентарии отдают предпочтение ведомственному толкованию положений утверждаемых ими законов, даже если оно идет вразрез с основными требованиями логики. Видимо, по их представлению, если нечто ведомственное превосходит способности их понимания, то это не говорит о том, что оно абсурдно само по себе. Скорее наоборот, если некое положение закона представляется абсурдным, это указывает им на то, что в нем содержится некая высшая тайна, которая заслуживает тем большей веры, чем менее она тривиальна и логична.

При изучении специфики индивидуальной языковой личности конкретного парламентария особое внимание следует обращать «на такие индивидуальные возможности творческой деятельности депутата, как морально-политические, психологические и деловые качества, состояние воли, убеждения, профессиональная пригодность к осуществлению определенных депутатских полномочий»¹³⁸. Это связано с тем, что любой текст репрезентирует мыслительную деятельность языковой личности, является «продуктом лингвокреативной деятельности говорящего и несет на себе “печать” индивидуальности его автора»¹³⁹. «Подборка слов, излюбленные выражения, речевые клише могут стать отличительными признаками... подчеркнут

и Рим. М., 2004; Тертуллиан Квинт Септимий Флорент. Избранные сочинения / сост. и общ. ред. А.А. Столярова. М., 1994; Штернов Н.В. Тертуллиан, пресвитер Карфагенский. Очерк учено-литературной деятельности его. Курск, 1889; Щеглов Н.Н. Апологетик Тертуллиана. Библиографическое исследование. Киев, 1888.

¹³⁸ Кибак И.А. Психолого-правовые ошибки в законотворческой деятельности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. № 3 (5). С. 71.

¹³⁹ Гергокаева Д.Д. Эгоцентризм лингвистического дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2008. С. 61.

особенности воспитания, уровень образования, кругозор, социальную принадлежность»¹⁴⁰ индивидуальной языковой личности парламентария.

Отдельное направление исследования языковой личности законодателя может быть связано с тем, что «мы полностью утратили терминообразование и получили мощный поток заимствований, размывающих русский язык, а вместе с ним русское самосознание»¹⁴¹.

Как справедливо отмечает А.А. Ворожбитова, «становление, формирование и самопроектирование сильной русскоговорящей профессиональной языковой личности диалогического, демократического, поликультурного типа на всех образовательных ступенях в планетарном масштабе является стратегической целью лингвориторической парадигмы»¹⁴².

¹⁴⁰ Щитова Н.Г. Лексико-семантические особенности речи английских подростков (на материале романа Джулии Дарлинг “The Taxi Driver’s Daughter”) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2012. № 2. С. 121.

¹⁴¹ Рыбин В. Государственный язык как орудие власти. СПб., 2018. С. 20.

¹⁴² Ворожбитова А.А. Лингвориторическая парадигма как концептуальная основа форума филологов в Сочи // Символ науки. 2016. № 1. С. 83.

Глава 3

Групповая языковая личность законодателя

3.1. ОСНОВАНИЯ ВЫДЕЛЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЯ

Возможность выделения коллективной языковой личности законодателя как самостоятельного феномена основывается на взглядах следующих авторов:

- Г.И. Богин трактует языковую личность как «закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода “семантический фоторобот”, составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций»¹;
- В.В. Виноградов считает, что словесное творчество в своей структуре включает ряды своеобразно слитных или дифференцированных социально-языковых или идеологически-групповых контекстов, которые осложнены и деформированы специфическими личностными формами»²;
- С.Г. Воркачев предлагает трактовку языковой личности как «закрепленного преимущественно в лексической

¹ Богин Г.И. Типология понимания текста. Калинин, 1986. С. 3.

² Виноградов В.В. О художественной прозе // О языке художественной прозы : избр. тр. М., 1980. С. 62.

- системе базового национально-культурного прототипа носителя определенного естественного языка»³;
- А.А. Ворожбитова применительно к этносу в целом предлагает использовать термин «коллективная языковая личность» или «совокупная языковая личность», в то время как при описании отдельных социальных групп она использует термин «групповая языковая личность»⁴;
 - по определению В.И. Карасика, «языковая личность — обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций»⁵;
 - у Ю.Н. Караулова языковая личность — это, во-первых, «личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств»⁶; во-вторых, «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью»⁷;
 - Г.Г. Матвеева утверждает, что «языковая личность бывает индивидуальной и коллективной»⁸;

³ Воркачев С.Г. Этносемантика поговорок: сопоставительный анализ метафоризированных показателей безразличия в русском и испанском языках // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996. С. 17.

⁴ См.: Ворожбитова А.А. Теория текста: антропоцентрическое направление: учеб. пособие. 2-е изд. М., 2005. С. 139.

⁵ Карасик В.И. Языковая личность: аспекты изучения // II Междунар. науч. конф. «Язык и культура» (Москва, 17–21 сентября 2003 г.): тез. докл. М., 2003. С. 363.

⁶ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 38.

⁷ Там же. С. 245.

⁸ Матвеева Г.Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего. СПб., 1993. С. 87.

- В.П. Нерознак обозначает язык народа как «многочеловеческую (полилектную)» языковую личность, а язык его конкретного представителя как «частночеловеческую (идиолектную)» языковую личность⁹;
- Ю.Е. Прохоров утверждает, что «языковая личность — это парадигма речевых личностей», а «речевая личность — это языковая личность в парадигме реального общения, в деятельности»¹⁰;
- К.Ф. Седов говорит, что «языковой личностью стали называть любую коммуникативную и языковую характеристику, выступающую отличительной особенностью текста, профессии, возраста, литературного произведения, стиля и т. д.»¹¹;
- И.И. Сентенберг говорит о совокупной языковой личности (обобщенном образе носителя данного языка) и индивидуальной языковой личности (конкретном носителе данного языка) как двух сторонах одной медали, не существующих друг без друга. При этом отмечается, что «совокупная языковая личность вариативна в территориальном, профессиональном, культурном, половом и т. п. отношении»¹²;
- О.Н. Шевченко противопоставляет типовую и индивидуальную языковые личности. По его мнению, «типовая

⁹ См.: Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод. М., 1996. С. 113.

¹⁰ Прохоров Ю.Е. Коммуникативное пространство языковой личности в национально-культурном аспекте // Материалы IX Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы : докл. и сообщения российских ученых. М., 1999. С. 453.

¹¹ Седов К.Ф. Портреты языковых личностей в аспекте их становления (принципы классификации и условия формирования) // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 28: Антропоцентрические исследования. Саратов, 1999. С. 7.

¹² Сентенберг И.И. Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте // Языковая личность: проблемы значения и смысла. Волгоград, 1994. С. 15.

языковая личность характеризуется такими свойствами, как абстрактность, эталонность, собирательность, безличность»; в каждом конкретном случае типовая модель реализуется в виде индивидуальной языковой личности. Индивидуальная языковая личность совпадает с типовой в базовых характеристиках, но в то же время имеет свои особенности»¹³;

- Е.В. Ширина рассматривает понятие «языковая личность» как категорию обобщенную, отвлеченную от конкретного исполнителя. Она считает, что «языковая личность — это не паспортизация конкретного лица, а модель совокупной речевой деятельности группы лиц»¹⁴, конкретные же характеристики индивида соотносит с понятием «языковый портрет».

Изложенное позволяет дифференцировать коллективную языковую личность законодателя на две формы ее существования: групповую и совокупную языковые личности.

3.2. ПОНЯТИЕ ГРУППОВОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЯ

Важнейшим для понимания сущности групповой языковой личности законодателя является высказывание Р. Барта, который утверждает, что «слово есть форма власти и что особая группа людей (нечто среднее между корпорацией и классом) определяется как раз тем, что более или менее безраздельно владеет языком нации»¹⁵.

¹³ Шевченко О.Н. Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б.В. Заходера) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. С. 7.

¹⁴ Ширина Е.В. К характеристике понятий «личность», «языковая личность» и «языковой портрет» // Речевая деятельность. Текст. Таганрог, 2002. С. 276.

¹⁵ Барт Р. Нулевая степень письма. М., 2008. С. 117.

Групповая языковая личность законодателя — это коллектив, объединяющий определенное число индивидов, результатом полилектной речевой и текстовой деятельности которой являются выносимые на обсуждение Федерального собрания проекты законодательных актов.

По объему понятие «групповая языковая личность законодателя» включает: группы депутатов, которые вносят на рассмотрение соответствующие законопроекты; комитеты в палатах Федерального собрания; парламентские фракции политических партий, палаты Федерального собрания и т. д. и т. п. В группе индивидуальные речевые и текстовые особенности и способности конкретного человека в известной мере стираются, в связи с чем коллективная личность группы выступает как «совокупный или усредненный носитель языка, типовой представитель данной языковой общности и более узкого входящего в него коллектива»¹⁶.

Для отдельного парламентария необходимость принадлежать к соответствующей группе обычно соотносится с его «понятием о свободе, с которым с самого начала связывалась идея принадлежности к своему коллективу, к своему роду, племени, к своей народности — словом, к своим»¹⁷. При этом «достаточно естественно представление о том, что множество людей, рассматриваемых в силу тех или иных причин как “свои”, говорят, пусть с какими-то различиями, на едином “нашем” языке»¹⁸.

Принадлежность к «своим» с необходимостью предполагает отделение от «чужих» или «других». По словам Ю.С. Степанова, антитеза «своего» и «чужого» «в разных

¹⁶ Русский язык : энциклопедия. 2-е изд. М., 1997. С. 671.

¹⁷ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. Т. 2. С. 148.

¹⁸ Алпатов В.М. Разграничение «свой — чужой» в языке // Языковая личность: аспекты изучения : сб. науч. ст. памяти Ю.Н. Караулова. М., 2017. С. 7.

видах пронизывает всю культуру и является одним из главных во всяком коллективном, массовом, народном, национальном мироощущении»¹⁹. Хуан Тяньлэ тоже уверен, что «оппозиция “свой — чужой” представляет собой одну из важнейших культурных, ментальных, языковых констант, составляющих... национальные картины мира»²⁰. В связи с этим наличие оппозиции «свой — чужой» является ключевым моментом для самоидентификации групповой языковой личности законодателя. Так, утверждается, что «без Другого субъект не может иметь знания ни о себе, ни о мире, поскольку значение создается в дискурсе, где встречаются сознания»²¹. При этом «“правда” в политике всегда помещалась в символическую рамку, оформляющую эмоциональное представление о мире, “свой-чужой”. “Правда” обычно “своя”, а “свои” всегда “правы”. Отсюда следует неизбежная трансформация в мифосхему “добро-зло”. Своя “правда” непременно “добро”, а для “чужих” свойственны “неправда” или “зло”, потому “чужие” неизбежно дезинформируют “нас” в процессе политической коммуникации»²².

Весьма значимым является определение иерархических отношений в группе. По словам В.В. Луновой, «иерархические отношения в коллективе — это отношения вышестоящего и нижестоящего. Позиция вышестоящего (царя, правителя, господина, хозяина, начальника, отца, старшего в семье и т. д.) — сильная, она предполагает как прототип

¹⁹ Степанов Ю.С. Константы : словарь русской культуры. 3-е изд. М., 2004. С. 479.

²⁰ Хуан Тяньлэ. Национально-культурная специфика оппозиции «свой — чужой» в языковом сознании русских и китайцев (на материале китайского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. С. 5.

²¹ Ачкасов В.А. Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности. СПб., 2012. С. 25.

²² Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. «Правда» и «Постправда» в революционно-ценностном конфликте на Украине // Русин. 2017. № 4 (50). С. 137.

могущество, власть, знание (истины), великодушие, высшую справедливость, богатство и т. д. Вступая в общение, собеседники определяют друг для друга соотношение позиций по признакам “выше” — “ниже”, “свой” — “чужой” и выбирают соответствующие этикетные формы»²³. По этому поводу справедливо отмечается, что в ряду дискурсивных выражений, определяющих тональность общения и раскрывающих отношение говорящего либо пишущего к адресату, можно выделить единицы, устанавливающие статусное неравенство между участниками коммуникации²⁴.

В целом групповую личность законодателя в известной степени можно охарактеризовать как «модельную», т. е. личность «типичного представителя определенной этносоциальной группы, узнаваемого по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации»²⁵. Здесь ценностная ориентация «включает в себя этические и утилитарные нормы поведения, отраженные в универсальных высказываниях, прецедентных текстах, составляющих культурный контекст, понятный среднему носителю языка, правилах этикета, коммуникативных стратегиях вежливости, оценочных значениях слов»²⁶.

Специфические характеристики речевого и текстового поведения, а также выводимой из них ценностной

²³ Лунева В.В. Прагматическое содержание речевого этикета // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 2. С. 96.

²⁴ См.: Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

²⁵ Карасик В.И. Модельная личность как лингвокультурный концепт // Филология и культура : материалы Третьей междунар. науч. конф. Ч. 2. Тамбов, 2001. С. 99.

²⁶ Арискина О.Л., Дрянгина Е.А. Языковая и коммуникативная личность: различные подходы к исследованию // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. Вып. 58. 2011. № 25 (240). С. 16.

ориентации весьма четко указывают, типичным представителем какой именно группы является тот или иной парламентарий. Это связано с тем, что принадлежность к группе зачастую накладывает на индивида неизгладимый языковой отпечаток, основанный на идеологической и духовной общности, а также близости высказываемых группой взглядов, что может выражаться в том числе в употребляемых ими мировоззренческих понятиях, т. е. на понятийном уровне. Существенную роль здесь играет специфика личностей, которые становятся образцами для соответствующих моделей поведения, что накладывает значительный отпечаток на исполнение ими своих ролей и позволяет выделять в рамках той или иной лингвокультуры именно модельную личность. «Избираемый и культивируемый формат языковой “упаковки” информации для завоевания и удержания власти имеет специфический набор семантико-стилистических и риторических признаков, комплекс которых идентифицирует власть и ее представителей в определенное время и на определенном уровне властных полномочий»²⁷. Это связано с тем, что язык — инструмент власти²⁸, а коммуникация — атрибут политической деятельности²⁹.

Отмечается, что на практике для кровного и духовного родства используются одни и те же понятия: «люди, чьи идеологические взгляды совпадали, относились друг к

²⁷ Синельникова Л.Н. Дискурс власти: от легитимизации до манипуляции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2015. Т. 1 (67). № 4. С. 11.

²⁸ См.: Лассвелл Г. Язык власти // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. Вып. 20. № 2; Язык и власть : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилициной. Саратов, 2003.

²⁹ См.: Грачев М.Н. Политика: коммуникативное измерение. Тула, 2011; Речевая коммуникация в политике / под общ. ред. Л.В. Минаевой. М., 2007; Черватюк И.С. Дискурсивные маркеры власти // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс : сб. науч. тр. Волгоград, 2006.

другу как родные», тогда как идеологические противники зачастую воспринимаются и преподносятся в негативном ключе (популисты, демагоги и т. п.), а в самых крайних случаях — «как не в полной мере принадлежащие к человеческому роду, на что указывает употребление в отношении них таких эпитетов, как “взбесившиеся собаки”, “подлые псы фашизма” и так далее»³⁰.

Важно учитывать, что психология группы не есть лишь сумма ценностей, взглядов и убеждений, присущих каждому члену группы, здесь не действует принцип сложения. Групповую психологию характеризует, скорее, принцип умножения, возведения в степень индивидуальных психологических категорий, что придает групповой психологии, во-первых, интенсивность, повелительность, намного превосходящую влияние индивидуально-психологического воздействия, и, во-вторых, объективный, т. е. не зависящий от воли отдельных членов группы, характер. Групповые нормы предстают перед индивидом как объективный фактор в виде заранее предустановленных критериев оценок, стереотипов, образцов поведения³¹.

Ученые, исследующие российскую языковую картину мира, пришли к выводу, что «национально-культурные стереотипы включают не столько рациональные основания оценки, сколько эмоциональные, субъектные характеристики обозначаемого»³². Перемещение эмоций в мир политики — одна из современных тенденций, проявленных в дискурсе власти. При этом происходит нарастание

³⁰ Выходцева И.С. Концепт «свой — чужой» в советской словесной культуре (20–30-е гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. С. 8–9.

³¹ Подробнее см.: Социология. Основы общей теории / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. 2-е изд. М., 2020.

³² Коновалова Н.И. Эмоциональная и рациональная оценка в народной фитонимии // Рациональное и эмоциональное в русском языке : межвуз. сб. науч. тр. М., 2012. С. 260.

признаков демагогического коммуникативного поведения: многословность, отклонение от темы, намеренный пропуск нежелательных фактов, признание лишь несущественных просчетов, смещение причинно-следственных связей, обилие ссылок на авторитеты, избегание конкретных ответов, апелляция к примитивным оценкам положения вещей, т. е. приспособление к настроению «своего» адресата³³.

Исследования показывают, что языковая личность тесно связана с процессом социализации, вбирает в себя все влияния тех больших и малых социальных групп, членом которых она является, даже независимо от того, насколько самой личностью осознается факт ее включенности в данную группу, хотя не без влияния эмоционально-ценностного отношения личности к своему членству в группе и к представителям других социальных групп³⁴.

В дополнение к изложенному следует подчеркнуть, что групповая языковая личность законодателя является когнитивно-речевым субъектом политической коммуникации, осуществляющим дискурсивную деятельность в рамках политического пространства. Под дискурсивной деятельностью понимается «совершение коммуникативно-речевых действий с целью решения коммуникативных и посткоммуникативных задач социальной и/или индивидуальной ценности»³⁵.

³³ См.: Синельникова Л.Н. Дискурс власти: от легитимизации до манипуляции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2015. Т. 1 (67). № 4. С. 11–12.

³⁴ См.: Денисенко В.Н., Денисенко А.В., Чеботарёва Е.Ю. Языковая личность как отражение социальной и этнической идентичности // Вопросы психолингвистики. 2016. № 3 (29). С. 64.

³⁵ Цуциева М.Г. Актуализация языковой личности политика в современном немецком политическом дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2019. С. 14.

3.3. СРЕДСТВА ОЦЕНКИ (МАРКИРОВКИ) ПРЕДМЕТОВ И ЯВЛЕНИЙ ГРУППОВОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТЬЮ ЗАКОНОДАТЕЛЯ

Как известно, необходимые средства для оценки (маркировки) предметов, явлений и состояний предоставляют язык и речь. При этом «язык — средство общения, средство создания словесных художественных образов, средство выражения эмоций, состояний человека и воли, средство познания и средство порождения новых единиц языковых подсистем; речь — осуществление и объективация процесса общения, процесса создания словесных художественных образов, процесса выражения эмоций, состояния человека и воли, процесса познания и процесса порождения новых единиц языковых подсистем»³⁶.

По мнению Г.В. Колшанского, оценка содержится повсюду, где происходит какое бы то ни было соприкосновение субъекта познания с объективным миром³⁷. При этом объективный мир членится говорящими с точки зрения его ценностного характера — добра и зла, пользы и вреда, и данное вторичное членение, обусловленное социально, весьма сложным образом отражается в языковых структурах³⁸. Это выражается в том, что языковые структуры явно или неявно содержат определенные эмоции, которые «являются причиной возникновения устойчивой готовности человека к фразеологическому реагированию на некоторый круг внешних стереотипных ситуаций»³⁹. Не случайно Р. Барт понятию коннотации придает идеологическое значение. Он отмечает, что коннотативное означаемое

³⁶ Торопцев И.С. Язык и речь. Воронеж, 1985. С. 28–29.

³⁷ См.: Колшанский Г.В. Соотношение объективных и субъективных факторов в языке. М., 1975.

³⁸ См.: Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 2002.

³⁹ Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций / под ред. О.В. Овчинникова. М., 1979. С. 358.

«обладает всеобъемлющим, глобальным, расплывчатым характером: это — фрагмент идеологии»⁴⁰.

Языковая оценка в зависимости от своей природы и характера может быть трех видов: мелиоративной, нейтральной (нулевой) и пейоративной, где мелиоративная и пейоративная оценки рассматриваются как противоположные относительно некоей нулевой, которая выступает точкой отсчета в процессе оценочной классификации объекта⁴¹. В языке наблюдается ярко выраженная асимметрия мелиоративных и пейоративных оценок, что подтверждается рядом исследований⁴². Причина кроется в особенностях социального поведения человека, когда реакции на негативные факты и эмоции занимают в повседневной жизни человека больше места, чем положительные эмоции, а критическое отношение к действительности, постоянная неудовлетворенность являются неотъемлемым признаком активной жизненной позиции⁴³.

Рассмотрим мелиоративы и пейоративы применительно к групповой языковой личности законодателя.

3.3.1. Мелиоративы

Сущность мелиоративной языковой оценки достаточно полно прослеживается в следующих высказываниях:

- О.С. Ахманова объясняет слово «мелиоративный» как «обладающий положительным экспрессивно-эмоцио-

⁴⁰ Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 159.

⁴¹ См.: Коваленко Е.В. Языковая актуализация пейоративной оценки: на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006.

⁴² См., напр.: Серопегина Т.В. Зооморфизмы как единицы зооморфного кода англоязычной культуры // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1.

⁴³ См.: Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск, 1986. С. 58.

- нально-оценочным созначением (окраской) или сообщающий (придающий) слову такое созначение»⁴⁴;
- С.С. Беркнер и В.В. Варганова считают, что семантическая подгруппа лексических единиц с положительно-оценочным значением невелика в количественном отношении. По всей видимости, это связано с внеязыковыми факторами. Психологически человек склонен в первую очередь замечать отрицательные характеристики окружающих, считая, что они могут представлять опасность. Положительные качества воспринимаются как «нормальные», само собою разумеющиеся⁴⁵;
 - М.В. Волошина категорию мелиоративности рассматривает в широком смысле и определяет как «совокупность языковых средств и речевых действий, направленных на положительную оценку предмета речи, комфортное, бесконфликтное и эффективное развертывание и протекание, удовлетворительный результат и положительную метаязыковую оценку речевого взаимодействия»⁴⁶;
 - Р.З. Гинзбург понимает под мелиорацией улучшение коннотативного компонента значения слова⁴⁷. При этом И.В. Арнольд уточняет, что подобные изменения значения зависят от отношения общества к называемому объекту, от общественной оценки этого объекта⁴⁸;

⁴⁴ См.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 2020.

⁴⁵ См.: Беркнер С.С., Варганова В.В. Тематическая группа «Оценка человека»: стилистически сниженные единицы в разговорно-сленговой сфере английского языка и их перевод на русский язык // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2005. № 2. С. 106.

⁴⁶ Волошина М.В. Функционально-прагматические характеристики категории мелиоративности в современном французском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. С. 2.

⁴⁷ См.: Гинзбург Р.З. Лексикология английского языка. М., 1979.

⁴⁸ См.: Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М., 1986.

- в механизм мелиорации, согласно В.Д. Девкину, входят две шкалы — оценочная и стилистическая, благодаря взаимодействию которых можно определить два основных направления мелиорации: придание высказыванию и объекту большей степени положительности, возвышенности, помпезности, а также сокрытие, маскировка отрицательных явлений действительности⁴⁹;
- Н.В. Коробова считает, что «мелиоративы — это лексические единицы, в семантике которых присутствуют семы положительных эмоций»⁵⁰;
- согласно С.В. Лескиной, «мелиоративность есть положительная эмотивно-оценочная квалификация именуемого объекта. Выражая положительную оценку именуемого объекта обращения, мелиоративы способны создавать соответствующее эмоциональное настроение, порождать определенные ассоциации, соответствующим образом настраивать адресата речи на положительные ответные эмоциональные реакции»⁵¹;
- Д.В. Мехов рассматривает мелиорацию «как процесс сознательного оценочного завышения или маскировки явлений действительности в целях установления и поддержания позитивного контакта между собеседниками при помощи выбора и использования лексических средств, обладающих свойством мелиоративности, т. е. положительной оценочности, и ориентированных на выражение положительной эмоциональной оценки»⁵²;

⁴⁹ См.: Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. М., 1979.

⁵⁰ Коробова Н.В. Мелиоративные коммуникативные стратегии современной английской речи: на материале британского ареала : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2007. С. 5.

⁵¹ Лескина С.В. Фразеологические эмотивы положительной и негативной коннотаций как средство трансляции эмотивных ситуаций эмпатии и конфликта (на примере русских и английских единиц) // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 4. С. 1405.

⁵² Мехов Д.В. Лингвистические и социокультурные аспекты мелиорации // Омский научный вестник. 2014. № 4 (131). С. 98.

- по мнению В.И. Шувалова, мелиоративность характеризуется как процесс замещения одних языковых знаков, который осуществляется в коммуникации, более положительно окрашенными единицами. Так, либо табуированное слово заменяется другим, содержащим ту же оценку, но имеющим более высокую стилистическую окраску, либо нейтральное слово заменяется лексемой более высокого стиля⁵³.

Изложенное делает очевидным вывод, что себя и свои тексты групповая языковая личность законодателя оценивает преимущественно мелиоративными характеристиками. При этом язык нередко не только накладывает определенные ограничения на реальность, но и задает способ видения объекта. Сказанное относится и к проектам законодательных текстов, которые появляются в результате деятельности различных групповых языковых личностей законодателя, где изначально нейтральные или даже имеющие отрицательные коннотации слова и словосочетания преподносятся исключительно в положительном значении. Весьма емко по этому поводу высказался А.Б. Бушев: «Читаем: естественный уровень инфляции — и сразу сказывается семантика слова “естественный”. И вот уже такой уровень понимается как “неизбежный, желательный, оптимальный”»⁵⁴. Ярким примером подобного словоупотребления в законодательстве является словосочетание «естественные монополии»⁵⁵.

⁵³ См.: Шувалов В.И. Стилистические аспекты мелиорации // Прагматика слова : межвуз. сб. науч. тр. М., 1985; Шувалов В.И. Мелиоративы в лексике современного немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.

⁵⁴ Бушев А.Б. Языковые особенности экономического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2013. № 37 (328). Вып. 86. С. 24.

⁵⁵ См.: Федеральный закон от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях».

В дополнение к изложенному широко используются убеждающие мировоззренческие метафоры: экологическое равновесие⁵⁶, равновесие платежного баланса⁵⁷, открытый рынок⁵⁸, специальное учебно-воспитательное учреждение открытого типа⁵⁹ и др. Например, в утверждении «переходный период» кроется признание ситуации приемлемой в силу временного характера⁶⁰.

В литературе отмечается в одних случаях избыточность в использовании в тексте законов мелиоративов, а в других — выход мелиоративов за рамки смысловой нагрузки, вкладываемой в них русским языком⁶¹. И то и другое затрудняет понимание смысла закона и, следовательно, его надлежащее применение.

Примером избыточности мелиоративов является конструкция, которая использована законодателем при описании ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства⁶². В п. 5 ст. 393 ГК РФ указывается на необходимость установления размера понесенных убытков с «разумной степенью достоверности». Смысловая нагрузка, заложенная в данную формулу, не

⁵⁶ См. ст. 13 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства».

⁵⁷ См. ст. 38 Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности».

⁵⁸ См. ст. 39 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)».

⁵⁹ См. ст. 15 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

⁶⁰ См.: Бушев А.Б. Языковые особенности экономического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2013. № 37 (328). Вып. 86. С. 25.

⁶¹ См.: Дерюгина Т.В. Языковые средства введения в заблуждение, или Мнимые дозволения в конструкциях гражданско-правовых договоров // Гражданское право. 2020. № 6.

⁶² Там же.

вполне ясна. Разумность — это логичность, основанность на разуме⁶³. Достоверный — верный, истинный⁶⁴. По отдельности здесь все понятно. Однако совместное употребление данных терминов не создает у нас представления о том, что же такое разумная степень достоверности. Анализ судебной практики на предмет возможного толкования использованного законодателем словосочетания результатов не дает, так как суды, констатируя наличие данной нормы, указывают на необходимость установления убытков с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов справедливости, соразмерности и проч. (ст. 15 ГК РФ, п. 2 ст. 393 ГК РФ)⁶⁵.

Пример выхода за рамки норм русского языка представляет п. 4 ст. 363 ГК РФ, где указывается на необходимость доказать, что лицо вправе разумно рассчитывать на возмещение убытков. Но очевидно, что человек разумен по определению (за исключением субъектов с дефектами дееспособности). Отсюда следует, что в данном случае законодатель попытался вложить в термин «разумность» иной смысл, но не раскрыл его содержание, а ушел от проблемы, предложив правоприменителю самому истолковывать данное понятие. То же самое можно сказать о конструкции, изложенной в п. 1 ст. 376 ГК РФ, где лицо должно иметь «разумные основания полагать», либо о конструкции «разумно понимаемые интересы» из п. 2 ст. 428 ГК РФ. В отличие от смысла, заложенного законодателем, понимание того или иного факта само по себе свидетельствует о разумности субъекта.

⁶³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 2003. Т. 1. С. 445.

⁶⁴ Там же. С. 479.

⁶⁵ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8. С. 3.

3.3.2. Пейоративы

Ж.Ж. Варбот и А.Ф. Журавлев указывают, что «термин “пейоратив” в лингвистике означает слово или словосочетание с отрицательной экспрессивно-оценочной коннотацией, уничижительное или бранное название»⁶⁶.

С.В. Лескина определяет пейоративность как «свойство языковых единиц, проявляющееся в способности реализовывать семантику неодобрения, критики, презрения и порицания в адрес представителей социума, чьи поступки или личностные качества не соответствуют моральным и социальным нормам общества, что проявляется в девиантном поведении, нарушающем общественное спокойствие и общественные правила, принятые в социуме, доставляет неудобство и наносит этический, моральный или физический ущерб другим представителям социума»⁶⁷.

Отрицательное значение пейоративной лексики рождается при уподоблении одного предмета другому на основании сходных отрицательных признаков, при метафорическом переносе⁶⁸. Многие исследователи отмечают тот факт, что в языке основным направлением пейоративизации лежит выделение в качестве объекта оценки ограниченных умственных способностей человека; как следствие, описываются приоритетные ценности социума — «быть умным»⁶⁹.

⁶⁶ Варбот Ж.Ж., Журавлев А.Ф. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. Этимология и история слов русского языка. М., 1998. С. 34.

⁶⁷ Лескина С.В. Категория пейоративности в русском и английском языках в аспекте лингвокультурологического сопоставления (на материале фразеологических единиц) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2010. С. 6.

⁶⁸ См.: Феоктистова И.Е. К вопросу о пейоративах // Вопросы ономастики. Свердловск, 1979. № 13. С. 81.

⁶⁹ См.: Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 2002. С. 262.

Существует несколько оснований классификации пейоративов.

1. *В зависимости от степени дифференцированности негативного значения* В.И. Карасик подразделяет пейоративы на общие (такие, где отрицательное значение как бы не дифференцировано, которые в общем передают отрицательное отношение к кому-либо, не указывая, на основании какого неприятного качества или поступка оно возникло) и специальные, имеющие в виду конкретное свойство объекта. Последние автор подразделяет на объективные и субъективные, где первые обозначают безусловно отрицательные свойства, «объективные пороки людей — глупость, лень, распущенность и т. д.», в то время как вторые — это «слова, обозначающие людей иного круга, расовые, национальные и прочие ярлыки»⁷⁰. В соответствии с названным критерием Н.Д. Арутюнова⁷¹, Е.М. Вольф⁷² и М.Л. Кулешова⁷³ подразделяют пейоративы на общеоценочные и частнооценочные, добавляя к ним третью категорию — идентифицирующие пейоративы, которые являются переходными от первых ко вторым.

По понятным причинам в законодательстве пейоративы, обозначающие негативные расовые, национальные и иные ярлыки и характеристики, использоваться не могут. Корни появления этнических пейоративов усматривают в наивном этноцентризме, который «выражался в естественном представлении о своей народности, общине, себе и своем обычном поведении как о нормальном, хорошем, мудром, как о благе. Другие же народности представ-

⁷⁰ Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 1992. С. 330.

⁷¹ См.: Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988. С. 75.

⁷² См.: Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985. С. 28.

⁷³ См.: Кулешова М.Л. Пейоративные названия лиц как компонент лексико-семантической категории личности в словенском и сербском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. С. 9.

лялись чуждыми, глупыми, смешными, часто враждебными и настораживающими»⁷⁴.

Изложенное, однако, не мешает нам в зависимости от дифференцированности негативного значения в качестве примера общего законодательного пейоратива привести понятие «противник»⁷⁵, которое передает общее отрицательное отношение, не указывая, на основании какого именно неприятного качества или какого конкретного поступка оно возникло. В этом случае специальными пейоративами, имеющими в виду конкретное свойство объекта, будут понятия «тыл противника»⁷⁶ и «десант противника»⁷⁷. Кроме того, очевидное различие в степени дифференцированности негативного значения в сторону убывания показывают законодательные пейоративы «агрессия»⁷⁸, «акт агрессии»⁷⁹ и «непосредственная угроза агрессии»⁸⁰.

2. По признаку социальной опасности пейоративы противопоставляются: 1) на вредные для общества; 2) вредные для объекта, который ими обладает. Примером первых являются понятия «вредные и (или) опасные производ-

⁷⁴ Клейн Л.С. Становление гуманитарной традиции от первобытности до Возрождения // Развитие личности. 2004. № 2. С. 160.

⁷⁵ См. п/п 6 п. 2 ст. 7 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении».

⁷⁶ См. п/п «г» п. 1 ст. 2 Федерального закона от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах».

⁷⁷ См. п/п «е» п. 1 ст. 2 Федерального закона от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах».

⁷⁸ См. п/п 6 п. 1 ст. 4 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации».

⁷⁹ См. ст. 2 Федерального закона от 23 июня 1995 г. № 93-ФЗ «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности».

⁸⁰ См. п/п 5 п. 2 ст. 4 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне».

ственные факторы»⁸¹ и «вредное воздействие окружающего табачного дыма», а примерами вторых — «табачная (никотиновая) зависимость» и «потребление табака или потребление никотинсодержащей продукции»⁸².

3. По признаку контролируемости противопоставляются: 1) пейоративы, описывающие качества, действия и явления, которые зависят от воли человека, за которые он в связи с этим несет ответственность; 2) пейоративы, описывающие качества, действия и явления, которые не зависят от человека. К числу первых можно отнести понятия «ядерный взрыв», «радиация» или «радиоактивное заражение»⁸³, к числу вторых — «стихийное бедствие»⁸⁴.

4. По признаку универсальности пейоративы подразделяются: 1) на потенциально присущие любому человеку; 2) зависящие от внешних по отношению к человеку параметров: его деятельности, происхождения и т. д.⁸⁵ Примером первого является пейоратив «общественно опасное деяние»⁸⁶, в то время как примеры второго вида представляют понятия «преступления против военной службы»⁸⁷ и «уголовная ответственность несовершеннолетних»⁸⁸.

Справедливо отмечается, что «в современных российских законах появляется достаточно много терминов,

⁸¹ См. ст. 12 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда».

⁸² См.: Федеральный закон от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции».

⁸³ См. п. 1 ст. 964 Гражданского кодекса РФ.

⁸⁴ См. п. 1 ч. 1 ст. 10 Федерального конституционного закона от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации».

⁸⁵ См.: Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 1992. С. 333–336.

⁸⁶ См. ч. 1 ст. 14 Уголовного кодекса РФ.

⁸⁷ См. разд. XI Уголовного кодекса РФ.

⁸⁸ См. разд. V Уголовного кодекса РФ.

требующих лингвистической интерпретации: возбуждение розни, пропаганда, подстрекательство и ряд других. В лингвистических же исследованиях распространяются понятия, которые невозможно идентифицировать без юридических знаний: вербальный экстремизм, речевое преступление, речевая агрессия и прочие»⁸⁹.

Не вызывает сомнения, что пейоративы используются групповыми языковыми личностями в основном в отношении своих оппонентов для утверждения и распространения собственных воззрений и убеждений. При этом любое действие оппонента или его бездействие, любые его слова или их отсутствие могут быть истолкованы превратно. Наиболее яркий пример предвзятой оценки человека нам предоставляет обращение в суд одного из персонажей произведения Н.В. Гоголя «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»:

«...Вышеизображенный дворянин, которого уже самое имя и фамилия внушает всякое омерзение, питает в душе злостное намерение поджечь меня в собственном доме. Несомненные чему признаки из нижеследующего являют: во 1-х, оный злокачественный дворянин начал выходить часто из своих покоев, чего прежде никогда, по причине своей лености и гнусной тучности тела, не предпринимал; во 2-х, в людской его, примыкающей о самый забор, ограждающий мою собственную, полученную мною от покойного родителя моего, блаженной памяти Ивана, Онисиева сына, Перерепенка, землю, ежедневно и в необычайной продолжительности горит свет, что уже явное есть к тому доказательство, ибо до сего, по скарденной его скупости, всегда не только сальная свеча, но даже каганец был потушаем»⁹⁰.

⁸⁹ Громова Н.С. Речевая агрессия: от коммуникативных ошибок до правонарушений // Юрислингвистика. 2016. № 5. С. 175.

⁹⁰ Гоголь Н.В. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1952. С. 218.

Пейоративизация значений лексических единиц, используемых для характеристики своих оппонентов, обусловлена противоположностью политических интересов, что весьма наглядно было проиллюстрировано В.И. Лениным, который привел известное изречение о том, что если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они наверное опровергались бы⁹¹. Приемы, которые используются в подобных случаях, могут быть самыми различными. Например, пейоративы могут употребляться для характеристики субъектов, которые противостоят власти. Однако их дополнение соответствующей информацией о властных органах может создавать обратный эффект и служить для критики самой власти. Так, М. Вишнякова пишет: «Российский союз промышленников и предпринимателей и Торгово-промышленная палата предлагали снизить страховые взносы бизнеса в Пенсионный фонд в два раза. Минфин выступал категорически против. Вице-премьер Татьяна Голикова назвала это предложение “беспрецедентно наглым”. И вот в этом ее комментарии содержится истинный смысл намерения законодателя. Задача его была именно в том, чтобы укоротить руки “беспрецедентно наглым” работодателям. То есть ровно тем людям, благодаря усилиям которых та же Дума в полном составе процветает с зарплатами, превышающими в сто раз российский минимум»⁹². Из приведенной цитаты становится очевидно, что коммуникативно-прагматические условия порождения дискредитирующих текстов влияют на такое свойство текста, как энергичность, с которой реализуется коммуникативное намерение адресанта⁹³: чем

⁹¹ См.: Ленин В.И. Марксизм и ревизионизм // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 17. М., 1965. С. 17.

⁹² Вишнякова М. Пенсионный миф. Кого на самом деле пытается защитить государство // Forbes Russia. 2018. 4 окт.

⁹³ См.: Серль Дж.Л. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. 17.

текст энергичнее, тем вероятнее успешность перлокутивного эффекта.

Помимо прочего, чрезмерное использование пейоративной лексики в текстах может свидетельствовать о расхождении между ценностными ожиданиями и ценностными возможностями воспринимающего субъекта (индивидуального, группового, массового). Согласно концепции Т.Р. Гарра, «ценностные ожидания — это блага и условия жизни, на которые, как убеждены люди, они могут с полным правом претендовать. Ценностные возможности — это блага и условия, которые люди, по их мнению, могли бы получить и удерживать»⁹⁴.

В литературе (на наш взгляд, не вполне обоснованно) отмечается излишне политизированное отношение судов к некоторым используемым в законодательстве пейоративам. Так, ряду авторов крайне политизированной представляется позиция Конституционного суда РФ в делах, связанных с установлением сходства идеологической атрибутики до степени смешения с нацистской (ч. 1 ст. 20.3 «Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики...» КоАП РФ). Конституционный суд РФ прямо указывает, что вид символики является первостепенным, а ее значение не учитывается при вынесении решения по данной категории дел: «Само по себе использование нацистской атрибутики (символики), равно как и атрибутики (символики), сходной с нацистской атрибутикой (символикой) до степени смешения, — безотносительно к ее генезису — может причинить страдания людям, чьи родственники погибли во время Великой Отечественной войны, что также предполагает право законодателя принимать меры в соответствии со статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации»⁹⁵.

⁹⁴ Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб., 2005. С. 61.

⁹⁵ См.: Определение КС от 23 октября 2014 г. № 2480-О по жалобе Мурашова В.А.

Указанное обстоятельство послужило причиной того, что в судах общей юрисдикции сложилась практика привлечения к ответственности независимо от того, имела место демонстрация, например, атрибутики буддизма, перечеркнутая свастика и прочее⁹⁶.

В этом ряду следует упомянуть и работу «Судебный контроль за соблюдением норм современного русского литературного языка»⁹⁷, где весьма подробно рассмотрены различные ситуации, в которых судебный спор выливается в обсуждение того, является ли то или иное слово или высказывание пейоративом с точки зрения его соответствия нормам современного русского литературного языка.

3.4. СПОСОБЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ ГРУППОВЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЛИЧНОСТЕЙ НА ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОППОНЕНТОВ

1. Одним из крайних способов отстаивания своих интересов является *дегуманизация политических, идеологических и иных противников*. Так, Е.В. Морозова выделяет следующие основные типы дегуманизации применительно к политическим оппонентам:

1) анималистическая дегуманизация: представление человека в образе зверя, рептилии, насекомого;

2) механистическая дегуманизация: замещение человека образом машины или отдельного ее компонента;

⁹⁶ См.: Бодров Н.Ф., Бимбинов А.А., Воронин В.Н. Материалы экстремистского характера, распространяемые в сети Интернет: проблемы судебно-экспертного исследования и вопросы квалификации преступлений. М., 2020.

⁹⁷ См.: Белов С.А., Кропачев Н.М., Ревазов М.А. Судебный контроль за соблюдением норм современного русского литературного языка // Закон. 2017. № 3.

3) представление «чужого» как существа, отвергнутого богом или как враждебного богу;

4) дегуманизация с использованием аллюзии, отсылающей к прецедентному имени, вызывающему в данной культуре неприятие;

5) монстризация: представление «чужого» как нечеловеческого персонажа, не существующего в реальности, в отличие от упомянутых в п. 1 данного перечисления;

6) использование образа куклы (игрушки, марионетки)⁹⁸.

2. *Преподнесение слов, воззрений и деяний оппонентов в комическом, вызывающем смех свете* представляет собой весьма распространенный способ принижения роли и значимости политических и иных оппонентов. При этом «смех тела», в котором нет оценки, нет мнения, — такой чисто физиологический смех противопоставляется... смеху рефлексивному, “смеху ума”, возникающему как результат познания, осмысления и интерпретации окружающей человека действительности. В этом случае смех направлен на нечто негативное и заслуживающее, с точки зрения смеющегося, критики или осуждения, отторжения. Рефлексивный смех обнаруживает двойственность объекта, открывая в высоком низкое, в прекрасном — безобразное, в добром — злое, в хорошем — плохое, в живом — косное, в совершенном — несовершенное, в торжественном — будничное, тривиальное, в серьезном — несерьезное, игровое»⁹⁹.

Хотя комическое и не наличествует а priori в окружающей человека действительности, именно последняя

⁹⁸ См.: Морозова Е.В. Дегуманизация как средство формирования образа другого/чужого в политике // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 6.

⁹⁹ Плотникова С.Н. Онтологический статус комического в коммуникации // Речевое общение: специализированный вестник / под ред. А.П. Сковородникова. Вып. 13 (21): Категория комического в аспекте теории и практики речевого воздействия. Красноярск, 2011. С. 6.

является «поставщиком комического»¹⁰⁰. Единственный «поставляемый» для осмеяния референт — это человек, группа людей или человеческая ситуация. «Человек является единственным существом, которое может и смеяться, и вызывать смех»¹⁰¹. Как отмечает А. Бергсон, «когда мы смеемся над неодушевленным объектом, например, над шляпой, то на самом деле мы смеемся над человеком, который выбрал ее, надел ее на себя. Наш смех вызван не куском фетра или соломы, а формой, которую ему придал человек. Аналогично, когда мы смеемся над животным, то лишь потому, что оно напоминает нам человека и его движения»¹⁰².

Комическое содержание обычно возникает как осмысление отклонения свойств наблюдаемого объекта от предполагаемой нормы. «Смешны отклонения от существующей моды, от привычного языка, от логических норм, от принятых понятий, от обычаев, от правил хорошего тона, смешны в конечном счете отступления от того, что принято считать нормой применительно к человеческому характеру»¹⁰³. По В.Я. Проппу, «то, что является объектом смеха для одних людей — физическая, умственная и моральная жизнь какого-либо человека, суждения, в которых он проявляет недостаток ума, его речь как манифестация таких его качеств, которые были незаметны, пока он молчал, — для других людей может показаться трагичным по содержанию»¹⁰⁴.

Отклонения от нормы чаще осмеиваются у представителей другой группы или сообщества, т. е. охотнее смеются над «чужими», чем над «своими». «Народная аудитория не будет смеяться над несчастьем бедняка, но с удоволь-

¹⁰⁰ См.: Дземидок Б. О комическом. М., 1974. С. 104.

¹⁰¹ Борев Ю.Б. Комическое. М., 1970. С. 8.

¹⁰² Бергсон А. Смех. М., 1992. С. 11.

¹⁰³ Дземидок Б. О комическом. М., 1974. С. 34.

¹⁰⁴ Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1999. С. 20.

ствием станет смеяться над попавшим в беду или неловкое положение миллионером»¹⁰⁵. По мнению А. Бергсона, комическое не следует относить к области чистой эстетики, поскольку оно преследует (бессознательно и часто нарушая требования морали) полезную для общества цель совершенствования человека¹⁰⁶.

Пейоративность комического со стороны оценивающего субъекта предполагает такие формы рассматриваемого феномена, как юмор, остроумие, насмешка, осмеяние, высмеивание, ирония, сарказм, сатира, издевательство, глумление, цинизм и т. д. В качестве «зонтичного» для рассматриваемых понятий большинством исследователей выдвигается термин «юмор», который чаще всего употребляется вместо термина «комическое»¹⁰⁷. Юмор стал истине всепроникающим, и эта его всеохватывающая роль объясняется тем, что он помогает человеку справляться с окружающим миром¹⁰⁸. «Осмеяние служит прогрессу тогда, когда представляет собой оружие, с помощью которого дискредитируются обветшавшие общественные отношения, институты, нравы, идеология»¹⁰⁹. Однако очевидно и то, что юмор может использоваться во вред — для выражения нетолерантности по отношению к представителям

¹⁰⁵ Борев Ю. Б. Комическое. М., 1970. С. 15.

¹⁰⁶ См.: Бергсон А. Смех. М., 1992.

¹⁰⁷ См.: Плотникова С.Н. Онтологический статус комического в коммуникации // Речевое общение: специализированный вестник / под ред. А.П. Сковородникова. Вып. 13 (21): Категория комического в аспекте теории и практики речевого воздействия. Красноярск, 2011. С. 20.

¹⁰⁸ См.: Cantor N., Rihistrom Y.F. Personality and Social Intelligence. Englewood Cliffs ; N. Y., 1987; Davies Ch. Jokes and their Relation to Society. B. ; N. Y., 1998; Ruch W., Hehl F.-J. A two-mode model of humor appreciation: its relation to aesthetic appreciation and simplicity-complexity of personality // The Sense of Humor: Explorations of a Personality Characteristic / W. Ruch (ed.). B. ; N. Y., 1998.

¹⁰⁹ Дземидок Б. О комическом. М., 1974. С. 184.

других групп и культур¹¹⁰. Это происходит, когда юмор уходит в область смеха злого — в область иронии, сарказма, сатиры¹¹¹.

Нередко объектом иронии становятся идеологические установки политических оппонентов. Это обусловлено тем, что идеология может только серьезно относиться к выработанным ею ценностям, стереотипам, установкам, а смех — «важнейший фактор ее разрушения»¹¹². Основу иронии в подобных случаях «составляет свободное оперирование идеологемами, в процессе которого происходит аксиологическая переработка смыслов, их обесценивание, профанизация, карнавализация, перевод из разряда “своих” в разряд “чужих”»¹¹³. Авторами иронических текстов конструируется «парадокс между стандартной формой и/или значением знака (а также принятым алгоритмом его образования и использования) и новой ассоциативной обработкой... знания»¹¹⁴.

¹¹⁰ См.: Apte M.L. Ethnic humor versus “sense of humor” // *American Behavioral Scientist*. 1987. № 30.; Attardo S. *Linguistic Theories of Humor*. B. ; N. Y., 1994; Brzozowska D. British and Polish celebrity jokes // *Stylistica*. 2001. № 10; Chlopicki W. Humorous and non-humorous stories — Are there differences in frame-based reception? // *Stylistica*. 2001. № 10.; Raskin V. The sense of humor and truth // *The Sense of Humor: Explorations of a Personality Characteristic* / W. Ruch (ed.). B. ; N. Y., 1998.

¹¹¹ См.: Гартман Н. Эстетика. Киев, 2004; Дземидок Б. О комическом. М., 1974; Attardo S. *Linguistic Theories of Humor*. B. ; N. Y., 1994; Draister E.A. *Techniques of Satire*. B., 1994; Muecke O.C. *Irony and the Ironic*. L. ; N. Y., 1982.

¹¹² Ахиезер А. Россия: критика исторического опыта (социокультурный словарь). М., 1991. С. 341.

¹¹³ Купина Н.А. Идеологические основы комического эффекта в поэзии разных лет // *Речевое общение : специализированный вестник / под ред. А.П. Сковородникова*. Вып. 13 (21): Категория комического в аспекте теории и практики речевого воздействия. Красноярск, 2011. С. 80.

¹¹⁴ Гридина Т.А. Языковая игра как лингвокреативная деятельность // *Язык. Система. Личность. Языковая игра как вид лингвокреативной*

В литературе отмечается, что «тотальная свобода, отринув идеологические нормы прошлого, не предложила новых идей, новых опор в жизни¹¹⁵». Последствием отмены политических табу стала возможность употребления инвектив в печатном тексте, в том числе по отношению к власти и ее представителям. Оценка в большинстве случаев передается через характеризующий предикат. Нередко позицию предиката замещает нецензурное слово. Например, в сборнике Е. Лесина инвективные стихи вынесены в специальный раздел, в котором, как следует из предисловия автора, собраны «мат, секс, извращения, ложь и клевета, политические пасквилы и провокации»¹¹⁶. Эпатаж в таких текстах выступает как самоцель, а комический эффект основан, в частности, на формулах: фамилия первого лица государства или общественного деятеля + нецензурное существительное; нецензурный глагол + фамилия известного лица в винительном падеже. Формульность соответствует востребованным массовой аудиторией упрощенным стандартам и обеспечивает тиражирование низкого¹¹⁷.

Особым объектом иронии становится идеологический вакуум, как, например, в стихотворении Т. Кибирова¹¹⁸, который не только фиксирует утрату былых идеалов, но и обнаруживает несостоятельность новейших духовных ориентиров.

деятельности. Формирование языковой личности в онтогенезе : материалы докл. и сообщений Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2002. С. 26.

¹¹⁵ Дмитриев А.В., Сычев А.А. Смех: социофилософский анализ. М., 2005. С. 111.

¹¹⁶ Лесин Е. Русские вопли : стихи. М., 2005.

¹¹⁷ См.: Купина Н.А. Идеологические основы комического эффекта в поэзии разных лет // Речевое общение : специализированный вестник / под ред. А.П. Сковородникова. Вып. 13 (21): Категория комического в аспекте теории и практики речевого воздействия. Красноярск, 2011. С. 87.

¹¹⁸ См.: Кибиров Т. Кара-барас. М., 2006.

3. *Дискредитация оппонентов «с помощью» фактов.* В этом случае, как правило, интерпретируются те или иные события из жизни дискредитируемого лица: адресант «вычленяет фрагмент действительности, а в нем определенный аспект, концептуализирует его, структурирует по модели суждения... верифицирует и... получает факт»¹¹⁹. Факты — это область эпистемологии, а не онтологии; они зависят от человека, который воспринимает действительность субъективно, видит ее под тем или иным углом зрения и интерпретирует. Поэтому дискредитация «с помощью» фактов — это, скорее, область стилистики и риторики как научных дисциплин, связанных с рассмотрением наиболее целесообразного использования языковых ресурсов с целью убеждения (аргументации)¹²⁰.

4. *Речевая агрессия в отношении оппонентов*, под которой в общем смысле понимают «форму речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом»¹²¹. Исследователи называют множество признаков речевой агрессии: стратегия дискредитации, утверждение собственной правоты, игнорирование вопросов, самопозиционирование, забота о собственном имидже и другие¹²².

¹¹⁹ Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988. С. 153.

¹²⁰ См.: Олзоева Я.В. Предвыборные дискредитирующие тексты как объект юрислингвистики: нравственно-правовой аспект // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева и Т.В. Чернышовой. Кемерово ; Барнаул, 2010.

¹²¹ Культура русской речи : энцикл. словарь-справочник. М., 2011. С. 562.

¹²² См.: Шамне Н.Л., Карякин А.В. Речевая агрессия как нарушение экологичности политического дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. Волгоград, 2011. № 1 (13). С. 204–208.

Причиной речевой агрессии, как отмечает Ю.В. Щербинина, может выступать «недостаточная осознаваемость... собственного речевого поведения в целом и в частности агрессивных компонентов в нем»¹²³. Соответственно, Н.С. Громова обоснованно подразделяет речевую агрессию на два типа (неосознанную и осознанную), каждый из которых, в свою очередь, имеет три вида.

Неосознанная речевая агрессия включает:

- компенсаторную агрессию, которая выражается в замене реальных действий речевыми, предполагающими при этом возможную субституцию объекта агрессии;
- игнорантную агрессию, при которой носитель языка нарушает нормы культуры речи, а заодно и права, по причине элементарной неграмотности. Оскорбление здесь представляет собой не продуманную форму ущемления прав оппонента или коммуникативную стратегию, а единственный доступный способ общения;
- окказиональную агрессию, когда роль автора текста сводится практически к нулю, однако на восприятие сообщения оказывают сильное влияние внешние факторы или смена дискурсивной парадигмы.

Видами осознанной речевой агрессии являются:

- коммуникативная агрессия, которая предполагает нарушение коммуникативных и этических норм в процессе общения между индивидами как единичными субъектами коммуникации. Противоположным примером будет имплицитная агрессия, когда один из участников подвергается скрытому негативному воздействию в процессе коммуникации. По мнению Р.А. Внебрач-

¹²³ См.: Щербинина Ю.В. Методы диагностики речевой агрессии // Прикладная психология и психоанализ. 2001. № 3.

ных, одной из форм «агрессивного и оскорбительного поведения» является троллинг¹²⁴;

- социальная агрессия, под которой понимается использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство¹²⁵. В этом отношении Г.А. Копнина акцентирует внимание на «ориентации адресанта на намеренное причинение вреда человеку»¹²⁶. Цель использования средств агрессии — нанесение морального или материального ущерба оппоненту, его репутации и провоцирование определенных социальных последствий, на которые обращает внимание З.Б. Баучиева. По ее мнению, агрессивное вербальное поведение нарушает межличностное общение, приводит к противостоянию между оппонентами, провоцирует социальные конфликты¹²⁷;
- идеологическая агрессия, которая соотносится с понятием «вербальный экстремизм». Здесь ключевой задачей автора текста становится формирование определенной идеологии, которая обосновывала бы ущемление прав лица или группы лиц и призывала бы к осуществлению противоправной деятельности в отношении них. В ходе речевой агрессии применяется «вербальное воздействие на адресата, имеющее целью изменение его личностных установок (ментальных,

¹²⁴ См.: Внебрачных Р.А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского университета. Сер. «Философия. Социология. Психология. Педагогика». 2012. № 1. С. 48.

¹²⁵ См.: Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2011.

¹²⁶ Копнина Г.А. Этическая норма и проблема речевого манипулирования // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. М., 2003. С. 254.

¹²⁷ См.: Баучиева З.Б. Речевая агрессия и пути ее преодоления // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-1.

идеологических, оценочных и т. д.) или поражение в полемике — в пользу адресанта»¹²⁸. Доминантой данного вида является взаимосвязь речевой и физической деятельности. А.А. Попова исследует побудительный потенциал речевой агрессии, отдельно отмечает, что она манипулирует мыслями и поступками людей, побуждает их к действию¹²⁹. Л.М. Майданова также подчеркивает призыв адресата к агрессивным действиям против предмета речи¹³⁰.

Одним из сознательных агрессивных речевых актов является угроза, для детерминации которой используются следующие языковые средства:

- средства синтаксиса (действительный/страдательный залог, модальность, параллельные конструкции, повторы и т. д.). С помощью синтаксических средств представляется возможным сокращение или увеличение дистанции между событием и субъектом, изменение эмоционального настроя (темп, модальные указатели), расстановка акцентов на нужных и выгодных смыслах (повторы, параллельные конструкции, перестановка) и прочее;
- лексико-семантические средства, включающие в себя омонимы, историзмы, эвфемизмы, жаргонную, оценочную лексику и т. д. Принято считать, что из-за большого разнообразия семантики лексики наиболее многофункциональным инструментом манипуляции выступает отбор используемых слов;

¹²⁸ Сковородников А.П. Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. 1997. Вып. 2. С. 14.

¹²⁹ См.: Попова А.А. Речевая агрессия в СМИ как способ манипулирования сознанием человека // Молодой ученый. 2015. № 14.

¹³⁰ См.: Майданова Л.М. Агрессивность и речевая агрессия. Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997

- морфолого-семантические и словообразовательные средства. Стоит также отметить, что использование таких средств делает возможным создание оценочно или эмоционально окрашенных неологизмов, которые затем употребляются как слова-маркеры определенных социальных групп¹³¹.

Д.С. Коротаева и Л.М. Месропян пришли к обоснованному выводу, что побудительная интенция говорящего способна превратить практически любой речевой акт в акт угрозы при наличии обещания негативных последствий¹³².

3.5. КОНЦЕПТЫ ГРУППОВОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЯ

Перспективным направлением исследования групповых и иных языковых личностей законодателя представляется изучение специфики их лингвокультурных и лингвокогнитивных концептов. Наличие такой специфики связано с тем, что язык не только анализирует те или иные события и явления окружающей нас действительности в привычном для нас значении, но и служит орудием для построения различных мыслительных проектов.

3.5.1. Концепт

Концепты существуют для удовлетворения духовных, социальных, коммуникативных потребностей людей, их групп и сообществ. Роль групповой языковой личности законо-

¹³¹ См.: Ерофеева Е.В. Речевые акты угрозы и предупреждения и их косвенная реализация во французском дискурсе // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50).

¹³² См.: Коротаева Д.С., Месропян Л.М. Угроза в политическом дискурсе социальной сети как средство речевого воздействия // Юрислингвистика. 2021. № 16 (27). С. 22.

дателя определяется знанием языка, носителем которой она является. Иначе говоря, язык раскрывает культурно-национальную специфику концепта группы. Концепты появляются в результате концептуализации — «одного из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающейся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека»¹³³. При этом «процесс концептуализации рассматривается в качестве способа восприятия и организации мира, который отражается в языке»¹³⁴.

Концепт понимается следующим образом:

- П. Абеляр считал концептом совокупность понятий, связывание высказываний в единую точку зрения на тот или другой предмет при условии определяющей силы разума¹³⁵;
- Н.Ф. Алефиренко определяет концепт как «сложное и многоярусное ментальное образование, в состав которого помимо обыденно-понятийного содержания входят еще оценочные и релятивно-оценочные смыслы, показывающие отношение человека к познаваемому объекту»¹³⁶;
- Н.Д. Арутюнова считает концепт термином практической философии, который, в отличие от философских терминов, постоянно соотносится с действительностью. По ее мнению, концепты появляются в результате

¹³³ Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996. С. 93.

¹³⁴ Росянова Т.С. Когнитивные аспекты развития и функционирования английской терминологии маркетинга : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2019. С. 21.

¹³⁵ См.: Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм П. Абеяра. М., 1994. С. 119.

¹³⁶ Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М., 2010. С. 155.

взаимодействия нескольких факторов: национальных традиций, фольклора, религии, господствующей идеологии, искусства и жизненного опыта. При этом понятия практической философии образуют своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром¹³⁷. Этот подход предполагает направление исследования от текста к смыслу, от типовых значений к индивидуальным. Истолкование концепта строится на основе текстов, из которых вычленяются функции, набор атрибутов и место определенного концепта в жизни человека;

- С.А. Аскольдов определяет концепт как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода»¹³⁸;
- А.П. Бабушкин, выделяя концепт как особую когнитивную единицу, подчеркивает надличностный, коллективный характер концептов и утверждает, что «концепты не являются однородными сущностями, так как реалии, которые они обозначают, неодинаковы по своей природе»¹³⁹;
- С.Г. Воркачев утверждает, что «концепт — это единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой»¹⁴⁰;

¹³⁷ См.: Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка: ментальные действия. М., 1993.

¹³⁸ Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : антология / под ред. В.П. Нерознака. М., 1997. С. 269.

¹³⁹ Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика : дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1997. С. 5.

¹⁴⁰ Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 70.

- с точки зрения К.Ш. Жаркынбековой, концепт — это «комплексное, не жестко структурированное, ментальное, смысловое образование, являющееся продуктом отражения действительности, познания внешнего мира, характеризующееся многослойной организацией и включающее в себя понятийную, образную и ценностную составляющие, опредмеченное в той или иной языковой форме»¹⁴¹;
- В.И. Карасик называет концепт «многомерным, смысловым образованием, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны»¹⁴². Он определяет концепты как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта»¹⁴³;
- Л.А. Касьян полагает, что концепт — это операционная единица мысли, способ и результат квантификации и категоризации знания, поскольку его объектом являются ментальные сущности признакового характера, образование которых в значительной мере определяется формой абстрагирования, модель которого задается самим концептом, тем самым он не только описывает свой объект, но и создает его¹⁴⁴;
- В.В. Колесов считает, что концепты представляют «собою сущности общенародного подсознательного, выраженного вербально, в словах и грамматических фор-

¹⁴¹ Жаркынбекова К.Ш. Языковая концептуализация цветов в казахском и русском языках : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алматы, 2004. С. 18.

¹⁴² Карасик В.И. Языковый круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. С. 109.

¹⁴³ Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В. Иная ментальность. М., 2005. С. 8.

¹⁴⁴ См.: Касьян Л.А. Термин концепт в современной лингвистике: различные его толкования // Вестник Югорского государственного университета. 2010. Вып. 2 (17). С. 53.

мах родного языка»¹⁴⁵. В его понимании концепт — «диалектическое единство потенциально возможных в явлении образов, значений и смыслов словесного знака как выражение неопределимой сущности бытия в неопределенной сфере познания»¹⁴⁶;

- Д.С. Лихачев (как и С.А. Аскольдов) считает концепт «заместителем понятия», называя его при этом «алгебраическим» выражением значения. По его мнению, «концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека»¹⁴⁷;
- по утверждению Вал.А. и Вл.А. Луковых, концепт выступает как базовый элемент тезауруса¹⁴⁸;
- С.Х. Ляпин толкует концепт как многомерное, культурно значимое, социальное и психологическое образование коллективного сознания, закрепленное в той или иной форме. Концепт определяется им как «смысловый квант человеческого бытия», как «смысловый вариант разноплановых трансформаций», как «культурный ген, определяющий наследуемые признаки культуры»¹⁴⁹;
- М.В. Пименова считает, что «концепты — это единицы концептуальной системы в их отношении к языковым выражениям, в них заключается информация о мире. <...> Концепт — это представление о фрагменте мира.

¹⁴⁵ Колесов В.В. Концептология: конспект лекций, читанных в сентябре — декабре 2010 года. СПб., 2012. С. 5.

¹⁴⁶ Колесов В.В. Философия русского слова. СПб., 2002. С. 51.

¹⁴⁷ Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : антология. М., 1997. С. 281.

¹⁴⁸ См.: Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусы II: тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М., 2013. С. 74–78.

¹⁴⁹ Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты : науч. тр. Центркоцепта. Архангельск, 1997. Вып. 1. С. 12.

Такое представление (образ, идея, символ) формируется общенациональными признаками, которые дополняются признаками индивидуального опыта и личного воображения»¹⁵⁰;

- З.Д. Попова и И.А. Стернин полагают, что «концепт есть комплексная мыслительная единица, которая в процессе мыслительной деятельности (в соответствии с голографической гипотезой считывания информации А.А. Залевской) поворачивается разными сторонами, актуализируя в процессе мыслительной деятельности свои разные признаки и слои; соответствующие признаки или слои концепта могут не иметь языкового обозначения в родном языке человека»¹⁵¹. Они считают, что следует разделять термины «значение» и «концепт». «Концепт — единица концептосферы, информационной базы человека, значение — единица семантического пространства языка. Значение своими системными семами передает определенные признаки, образующие концепт, но это всегда лишь часть информационного содержания концепта. Для полной экспликации концепта нужны обычно многочисленные лексические единицы, а значит — многие значения»¹⁵²;
- в словаре содержится следующее определение концепта: «Оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике»¹⁵³;

¹⁵⁰ Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово, 2004. С. 9.

¹⁵¹ Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальное сознание. Воронеж, 2007. С. 15–16.

¹⁵² Там же. С. 19.

¹⁵³ Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996. С. 90.

- А. Соломоник утверждает, что, «лишь пользуясь научными методами анализа, дедукцией и обобщением, можно вывести следующие за конкретными абстрактные понятия. Тогда они становятся еще и концептами»¹⁵⁴;
- Р.М. Фрумкина отмечает, что концепт является объектом концептуального анализа, смысл которого — проследить путь познания смысла концепта и записать результат в формализованном семантическом языке¹⁵⁵.

В лингвистике выделяются два основных подхода к пониманию концепта: лингвокультурологический и лингвокогнитивный, которые с разных сторон раскрывают коннотационные, смысловые взаимоотношения и взаимосвязи языка и культуры. При этом названные подходы к пониманию концепта имеют свои различия, но не являются взаимоисключающими, что следует из следующих высказываний:

- С.Г. Воркачев отмечает, что «различия в подходах к концепту когнитивной семантики и лингвокультурологии в достаточной степени условны и вариативны, связаны они с техникой выделения объекта исследования и методикой его описания»¹⁵⁶. «По существу отличия эти, говоря юридическим языком, ничтожны, поскольку отделить культуру от формы ее языкового представления невозможно, а разногласия по пово-

¹⁵⁴ Соломоник А. Семиотика и лингвистика. М., 1975. С. 246.

¹⁵⁵ См.: Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Научно-техническая информация. 1992. Сер. 2. № 3.

¹⁵⁶ Воркачев С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов: любовь и счастье (русско-английские параллели). Волгоград, 2003. С. 9.

ду лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов к изучению концепта напоминают споры лилипутов о том, с какого конца нужно разбивать яйцо»¹⁵⁷;

- Л.А. Касьян утверждает, что «концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т. е. культуру, а концепт как единица культуры — это фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида»¹⁵⁸;
- В.И. Карасик говорит, что указанные подходы отличаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт — это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт — это направление от культуры к индивидуальному сознанию. Он отмечает, что «разделение движения во вне и движения внутрь является лишь исследовательским приемом, в реальности это движение является целостным многомерным процессом»¹⁵⁹;
- Т.А. Светоносова считает, что в рассматриваемом сопоставлении важную роль играет ценностная сторона культурного концепта, потому что ценностная сторона культурного концепта отличает его от когнитивного концепта¹⁶⁰;

¹⁵⁷ Воркачев С.Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 5. С. 65.

¹⁵⁸ Касьян Л.А. Термин концепт в современной лингвистике: различные его толкования // Вестник Югорского государственного университета. 2010. Вып. 2 (17). С. 51.

¹⁵⁹ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. С. 117.

¹⁶⁰ См.: Светоносова Т.А. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: черты и различия // Филологические науки в МГИМО : сб. науч. тр. М., 2007. № 27 (42).

- Г.Г. Слышкин указывает, что «для когнитивиста одному концепту соответствует одна языковая единица, а для лингвокультуролога концепт обладает свойством полиапеллируемости, т. е. может и должен реализовываться при помощи целого ряда единиц языка и речи»¹⁶¹.

Изложенное приводит к выводу, что «два основных подхода к изучению природы концепта дополняют друг друга, раскрывая мыслительную, культурную семантику языковых, ментальных единиц»¹⁶². В то же время отмечается, что «смешение понятий и принципов этих школ является невозможным при описании концептов»¹⁶³.

3.5.2. Лингвокультурный концепт

В связи с тем что «языковые знаки способны выполнять функцию “языка” культуры, что выражается в способности языка отображать культурно-национальную ментальность его носителей»¹⁶⁴, каждую языковую личность можно и нужно рассматривать как культурную личность.

¹⁶¹ Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004. № 1. С. 130.

¹⁶² Самситова Л.Х., Ташбулатова Р.М. Концепт в современной лингвистической литературе: основные подходы и направления его изучения // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 1. С. 224.

¹⁶³ Белашапкова Т.В. Принципы и параметры анализа концептов в современной отечественной лингвистике: лингвокультурологические и когнитивно-дискурсивные типы исследований // Вестник славянских культур. 2016. № 2 (40). С. 132.

¹⁶⁴ Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001. С. 32.

Лингвокультурологический подход к пониманию концепта прослеживается в следующих определениях и высказываниях:

- А. Вежбицкая рассматривает концепт как объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире «Действительность»¹⁶⁵;
- согласно С.Г. Воркачеву, «концепт — это вербализованный культурный смысл, который является лингвокультурным концептом (лингвоконцептом) — семантической единицей “языка” культуры, отличительным признаком которой является этнокультурная отмеченность»¹⁶⁶. По его мнению, понимание лингвокультурного концепта «сводится к понятию как совокупности существенных признаков предмета, “погруженному” в культуру и язык»¹⁶⁷;
- Е.В. Бабаева считает, что «различные образы (зрительные, слуховые и прочие), традиционные представления, оценочные нормы и стереотипы, модели поведения и обобщенные схемы ситуаций, будучи связанными с определенными понятийно-ценностными признаками, детерминируют речевое поведение языковой личности как представителя того или иного народа и образуют сложные социопсихические образования — культурные концепты»¹⁶⁸;

¹⁶⁵ См.: Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / отв. ред. М.А. Кронгауз. М., 1996.

¹⁶⁶ Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М., 2007. С. 10.

¹⁶⁷ Воркачев С.Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 5. С. 64.

¹⁶⁸ Бабаева Е.В. Лексическое значение слова как способ выражения культурно-языкового концепта // Языковая личность: культурные концепты : сб. науч. тр. Волгоград ; Архангельск, 1996. С. 25.

- у В.И. Карасика «культурные концепты — это коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры»¹⁶⁹. Аналогичное определение дает и И.С. Мерзлякова¹⁷⁰;
- И.В. Кононова дает следующее определение: «лингвокультурный концепт — комплексная ментальная единица, фиксирующая своеобразие культуры и объективирующаяся в вербальных единицах, необходимых для удовлетворения коммуникативных потребностей членов группы»¹⁷¹;
- Г.А. Крюкова считает, что концепт ограничен сознанием носителя языка, а лингвокультурный концепт существует в индивидуальном и коллективном сознании носителей языка (социальном, этнонациональном, религиозном и т. п.)¹⁷²;
- по мнению Ю.Е. Прохорова, концепт — это «сложившаяся совокупность правил и оценок организации элементов хаоса картины бытия, детерминированная особенностями деятельности представителей данного лингвокультурного сообщества, закреплённая в их национальной картине мира и транслируемая средствами языка в их общении»¹⁷³;

¹⁶⁹ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. С. 29.

¹⁷⁰ См.: Мерзлякова И.С. Понятие лингвокультурного концепта и его методологическое значение для изучения национальной культуры // Гуманитарный вектор. 2008. № 2. С. 37.

¹⁷¹ Кононова И.В. Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосферы (в синхронии и диахронии) : автореф. дис. ...д-ра филол. наук. СПб., 2010. С. 7.

¹⁷² См.: Крюкова Г.А. Концепт. Определение объема содержания понятия // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 59.

¹⁷³ Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. М., 2008. С. 159.

- Л.Х. Самситова и Р.М. Ташбулатова рассматривают концепт в лингвокультурологии «как национально и культурно обусловленное образование, которое состоит из образного, понятийного и ценностного компонентов. Так, концепт характеризуется не только как основная единица современной лингвистики, но как один из самых главных и ценных элементов культуры»¹⁷⁴.
- по определению Ю.С. Степанова, концепт — это «культурно-ментальное образование, своего рода сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, тот “пучок” представлений, понятий, знаний, ассоциаций, которые сопровождают слово»¹⁷⁵. В другой работе он говорит, что «концепт — понятие, за которым в нашем сознании возникает давно знакомое содержание, это описание ситуации культуры»¹⁷⁶;
- у М. Хайдеггера концепт — это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры. Концепт, отражая этническое мировидение, маркирует этническую языковую картину мира и является кирпичиком для строительства «дома бытия»¹⁷⁷;
- А.Н. Щукин под концептом понимает «национально-маркированный образ культуры, имеющий языковое выражение в виде слова, словосочетания, предложения и передающий некоторое лингвокультурологи-

¹⁷⁴ Самситова Л.Х., Ташбулатова Р.М. Концепт в современной лингвистической литературе: основные подходы и направления его изучения // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 1. С. 223.

¹⁷⁵ Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М., 2001. С. 14.

¹⁷⁶ Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М., 2007. С. 19.

¹⁷⁷ Цит. по: Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М., 2007. С. 47.

ческое содержание, являющееся существенным для понимания национальных особенностей носителей языка»¹⁷⁸.

Классификация концептов В.И. Карасика строится на основе бинарного противопоставления параметрических и непараметрических ментальных образований. Параметрические концепты «выступают в качестве классифицирующих категорий для сопоставления реальных характеристик объектов: пространство, время, количество, качество и др.»¹⁷⁹. Непараметрические концепты делятся на регулятивные и нерегулятивные. Регулятивные концепты — это «те ментальные образования, в содержании которых главное место занимает ценностный компонент (“счастье”, “долг”, “щедрость” и др.)»¹⁸⁰. Нерегулятивные концепты — это «синкретичные ментальные образования разного характера (“путешествие”, “подарок”, “здоровье” и др.)»¹⁸¹.

Г.В. Токарев смотрит на концепт как на данность, которая существует в коллективном сознании, а индивидуальные представления зависят от уже существующих в данной лингвокультурной общности. Считая концепт единицей культуры, он выделяет в его структуре следующие компоненты:

- универсальный компонент: преимущественно научные и обыденные понятия;
- культурный компонент: представления и обыденные понятия;
- культурные установки, идеологемы и стереотипы, отражающие ценности лингвокультурной общности;

¹⁷⁸ Шукин А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. М., 2007. С. 125–126.

¹⁷⁹ Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В. Иная ментальность. М., 2005. С. 30.

¹⁸⁰ Там же. С. 31.

¹⁸¹ Там же С. 29.

- субкультурные компоненты: представления, быденные понятия, культурные установки, стереотипы, ориентированные на ценности социумов¹⁸².

Таким образом, при данном подходе каждый элемент концептуальной структуры подразумевает наличие оценки и ориентирован на ценности той или иной группы.

При анализе лингвокультурных концептов используются: «1) семантический анализ слов, называющих имена концептов, 2) этимологический анализ этих имен, 3) семантический анализ переносных, ассоциативных значений слов, воплощающих концепты, 4) интерпретативный семантический анализ контекстов, в которых употребляются слова и словосочетания, обозначающие и выражающие концепты, 5) интерпретативный культурологический анализ ассоциаций, связанных с определенным концептом, 6) интерпретативный анализ ценностно-маркированных высказываний (поговорок, афоризмов, цитат), выражающих определенные концепты, 7) анализ коротких сочинений, написанных информантами на тему, соответствующую содержанию исследуемого концепта, 8) анализ ассоциативных реакций информантов на вербальное обозначение концептов»¹⁸³.

И.В. Кононова в структуру лингвокультурного концепта включает ассоциативную, понятийную, образную, ценностную, этимологическую и историческую составляющие¹⁸⁴.

Ассоциативная составляющая концепта индуцируется наиболее частотными ассоциативными отношениями имен, имеющих внеконтекстную связь с концептом. Морально-этические концепты существуют в национальном

¹⁸² См.: Токарев Г.В. Дискурсивные лики концепта. Тула, 2003. С. 8.

¹⁸³ Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В. Иная ментальность. М., 2005. С. 33 — 34.

¹⁸⁴ См.: Кононова И.В. Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосферы (в синхронии и диахронии) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010.

и индивидуальном сознании в виде бинарных оппозиций, полюсы которых представляют собой аксиологические категории культуры морально-этического порядка, являющиеся гипонимами универсальных аксиологических категорий «Добро» и «Зло». Актуализация одной из доминантных концептуальных оппозиций неизбежно вызывает актуализацию других в силу существования ассоциативных связей между ними.

Понятийная составляющая концепта имеет зоны пересечения с ассоциативной, так как может включать смыслы, выводимые из доминантных ассоциативных связей концепта, однако базовыми в ее содержании являются дистинктивные, родовые признаки.

С.Г. Воркачев считает, что «понятийный компонент концепта — это то в содержании концепта, что не является образным, не связано с местом имени концепта в лексической системе языка и пр. Понятийную составляющую культурного концепта образуют разнотипные семантические признаки: дефиниционные/дистинктивные, отличающие его от смежных концептов; эссенциальные/сущностные, формирующие его концептуальные “фацеты”; имплицитивные, выводимые из дефиниционных; энциклопедические — дефиниционно избыточные и пр.»¹⁸⁵.

По мнению В.И. Карасика, «понятие» — сгусток рациональной части концепта, т. е. то содержание, которое включает только существенные характеристики объекта и рационально мыслится, а не переживается¹⁸⁶. Понятийную сторону концепта он определяет как языковую фиксацию концепта, его обозначение, описание, признаковую структуру, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, кото-

¹⁸⁵ Воркачев С.Г. Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремиологии // НДВШ ФН. 1995. № 3. С. 57.

¹⁸⁶ См.: Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. С. 127–128.

рые никогда не существуют изолированно, их важнейшее качество — голографическая многомерная встроенность в систему нашего опыта¹⁸⁷.

Понятие выступает как объективное единство различных моментов предмета понятия и отличается неперсональностью, непосредственностью связей со знаковыми и значимыми структурами языка, выполняющего функции становления определенной мысли, независимо от общения. Концепт формируется речью. Речь осуществляется не в сфере грамматики (грамматика включена в нее как часть), а в пространстве души с ее ритмами, энергией, жестикуляцией, интонацией, бесконечными уточнениями. Концепт предельно субъектен. Изменяя душу индивида, обдумывающего вещь, он при своем формировании предполагает другого субъекта (слушателя, читателя)¹⁸⁸.

Ю.С. Степанов утверждает, что термины «понятие» и «концепт» — это термины разных наук: концепт относится к терминологическому аппарату математической логики и культурологии, а понятие — к логике и философии¹⁸⁹. При этом он выделяет слои лингвокультурного концепта, которые относятся к его понятийному компоненту: 1) основной актуальный признак, известный каждому носителю культуры и значимый для него; 2) дополнительный, или пассивный, признак, актуальный для отдельных групп представителей культуры (таких признаков может быть несколько); 3) внутренняя форма концепта, не осознаваемая в повседневной жизни, известная лишь специалистам, но определяющая внешнюю, знаковую форму выражения концептов¹⁹⁰.

¹⁸⁷ Там же. С. 129.

¹⁸⁸ См.: Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2010.

¹⁸⁹ См.: Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. С. 36.

¹⁹⁰ Там же. С. 41–42.

Образная сторона концепта включает в себя зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, обонятельные характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти, т. е. это релевантные признаки практического знания¹⁹¹. Образная составляющая морально-этических концептов может включать наглядно-чувственное представление о прототипической ситуации (ситуациях), в которой реализуется тот или иной морально-этический концепт («мыслительную картинку»), а также комбинацию когнитивных метафор, выводимых носителем языка из сочетаемости абстрактного имени, объективирующего концепт в языке. Метафорическое ядро концепта ментальной сущности поддается эмпирической верификации средствами языка и во многом мотивирует ценностную составляющую концепта¹⁹². Основной чертой образной составляющей лингвокультурного концепта является то, что он не выражается в контексте дословно, в буквальном смысле, его значение передается только путем описания¹⁹³. Люди формируют конкретный или абстрактный мысленный образ предметов, принадлежащих некоторой категории. Этот образ называется прототипом, если с его помощью человек воспринимает действительность: член категории, находящийся ближе к этому образу, будет оценен как лучший образец своего класса или более прототипичный экземпляр, чем все остальные¹⁹⁴.

¹⁹¹ См.: Самситова Л.Х., Ташбулатова Р.М. Концепт в современной лингвистической литературе: основные подходы и направления его изучения // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 1. С. 222.

¹⁹² См.: Кононова И.В. Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосферы (в синхронии и диахронии) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010. С. 10.

¹⁹³ См.: Самситова Л.Х., Ташбулатова Р.М. Концепт в современной лингвистической литературе: основные подходы и направления его изучения // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 1. С. 222.

¹⁹⁴ См.: Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996. С. 144.

Ценностная составляющая концепта является определяющей, так как совокупность концептов, рассматриваемых в аспекте ценностей, образует ценностную картину мира¹⁹⁵. Когда речь идет об общепринятых культурных и духовных ценностях, то, очевидно, имеется в виду релевантность ценностного полезному (нужному в принципе), независимо от того, может ли субъект этим воспользоваться¹⁹⁶. Ценностная составляющая лингвокультурного концепта разложима на два измеряемых аспекта: актуальность и оценочность. Аспект оценочности находит выражение в наличии оценочной составляющей в значении языковой единицы, являющейся именем концепта, а также в сочетании этой единицы с оценочными эпитетами. Наличие оценочного аспекта проверяется методами компонентного и контекстуального анализа. Аспект актуальности реализуется в численности языковых единиц, являющихся средством апелляции к данному концепту. Наличие аспекта актуальности проверяется методом количественного подсчета¹⁹⁷. Ценностный компонент является центральным компонентом, и так как концепт служит исследованию культуры, то в основе лежит именно ценностный принцип¹⁹⁸.

Этимологическая составляющая («этимологический слой») концепта определяется внутренней формой слова, являющегося ключевым репрезентантом концепта. Этимоло-

¹⁹⁵ См.: Карасик В.И. Языковый круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. С. 129.

¹⁹⁶ См.: Апресян Ю.Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. II. М., 1995. С. 56.

¹⁹⁷ См.: Кононова И.В. Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосферы (в синхронии и диахронии) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010. С. 11.

¹⁹⁸ См.: Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сб. науч. тр. Воронеж, 2001. С. 77–78.

логическая составляющая концепта служит средством дополнительной мотивации его ценностной составляющей.

Историческая составляющая лингвокультурного концепта включает наиболее значимые признаки ассоциативных составляющих концепта, входящие в его структуру на более ранних этапах существования в концептосфере этноса и в значительной степени определяющие его синхронное состояние. По мере того как доминантные лингвокультурные концепты претерпевают диахронические изменения структуры, происходит процесс их реноминации. Имена, номинирующие концепты в предыдущий исторический период, приобретают новое значение: противоположного оценочного знака либо нейтральное в оценочном отношении. Пейоративизация и мелиорация значений лексических единиц являются наиболее типичными способами кодирования информации об изменении структуры доминантных концептов культуры на уровне семантической структуры отдельных слов¹⁹⁹.

Концепты как элементы коллективного сознания групповой языковой личности законодателя, рассматриваемой как лингвокультурное сообщество, имеют ярко выраженную специфику, а потому играют важную роль в понимании менталитета этой личности. Речевая культура групповой языковой личности законодателя «отражает различные характеристики его языковой личности, связанные с познанием и восприятием мира, с типовыми коммуникативными ситуациями и межличностными отношениями»²⁰⁰.

¹⁹⁹ См.: Кононова И.В. Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосферы (в синхронии и диахронии) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010. С. 11.

²⁰⁰ Мамаева С.В. Своеобразие речевой субкультуры школьника-подростка (на материале молодежного сленга) // Вестник Красноярского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 6. С. 276.

3.5.3. Лингвокогнитивный концепт

В когнитивной лингвистике философия языка «рассматривается как сложная интегрированная деятельность адаптивного характера, распределенная в пространстве-времени»²⁰¹. Лингвокогнитологические исследования концепта имеют типологическую направленность и сфокусированы на выявлении общих закономерностей в формировании ментальных представлений. Они ориентированы на семасиологический вектор: от смысла (концепта) к языку (средствам его вербализации)²⁰². Когнитивный подход к исследованию семантики слова состоит в изучении значения слова, которое содержит не только признаки, необходимые для идентификации обозначаемого, но и наивные (обыденные) знания об обозначаемом, которые репрезентируются в метафорах и метонимии²⁰³.

В литературе лингвокогнитивный концепт понимается так:

- Н.Ф. Алефиренко: 1) «Первичная оперативная единица когнитивной семантики — семантический эмбрион, или смысловой ген значения языкового знака»²⁰⁴; 2) «некий смысл, мыслительный образ достаточно широкого структурного диапазона: по горизонтальной

²⁰¹ Кравченко А.В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. М., 2013. С. 264.

²⁰² См.: Воркачев С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов: любовь и счастье (русско-английские параллели). Волгоград, 2003. С. 9.

²⁰³ См.: Радищева В.О. К методологии исследования лингвоконцепта (на примере анализа немецкого лингвоконцепта “Lüge” (ложь)) // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 290.

²⁰⁴ Алефиренко Н.Ф. Вербализация концепта и смысловая синергетика языкового знака // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста : материалы Междунар. симпозиума. Волгоград, 2003. С. 4.

- оси — от обобщенных наглядных образов до логических понятий; по оси вертикальной — с разной степенью эксплицирования его глубинных смысловых слоев»²⁰⁵;
- А.П. Бабушкин: «Любая дискретная единица коллективного сознания, которая отражает предмет реального или идеального мира и хранится в национальной памяти носителей языка в виде познанного вербально обозначенного субстрата»²⁰⁶;
 - Г.И. Берестнев: «Ментальные образования, составляющие категориальную основу всей человеческой деятельности, и прежде всего — языка»²⁰⁷;
 - Н.Н. Болдырев: «Концепты представляют собой те идеальные, абстрагированные единицы, смыслами которых человек оперирует в процессе мышления. Они отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде определенных единиц, “квантов” знания. Человек мыслит концептами»²⁰⁸;
 - Е.И. Голованова: «В широком понимании концептом обозначается любой ментальный конструкт, которым оперирует человек в процессе своей когнитивной деятельности»²⁰⁹. «В узком понимании под концептом мыслится преимущественно обыденное знание»²¹⁰;

²⁰⁵ Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М., 2002. С. 228.

²⁰⁶ Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996. С. 95.

²⁰⁷ Берестнев Г.И. О «новой реальности» языкознания // Филологические науки. 1997. № 4. С. 47.

²⁰⁸ Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2002. С. 23–24.

²⁰⁹ Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение. 2-е изд. М., 2014. С. 28.

²¹⁰ Там же. С. 29.

- А.А. Григорьев: «Концепты — это почки сложнейших соцветий мысленных конкретностей», природа их двойственна — она психофизиологического характера. Концепт — образование ума, точка зрения субъекта, но она обращена на нечто объективно-реальное. Концепт характеризуется динамической структурой, он — зачаточный акт, проективный набросок²¹¹;
- А.А. Залевская: «Спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека»²¹²;
- В.И. Карасик: «Индивидуальные содержательные ментальные образования, структурирующие и реструктурирующие окружающую действительность»²¹³;
- В.В. Красных: «Национальный концепт — самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея “предмета” в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью»²¹⁴;
- Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац и Л.Г. Лузина: «Единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной

²¹¹ См.: Григорьев А.А. Концепт и его лингвокультурологические составляющие // Вопросы философии. 2006. № 3. С. 65.

²¹² Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 36.

²¹³ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. С. 29.

²¹⁴ Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М., 1998. С. 184.

- системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике»²¹⁵;
- М.В. Пименова: 1) то, что «индивид знает, думает, представляет об объектах внешнего и внутреннего миров», его «представление о референте (фрагменте мира)»²¹⁶; 2) «некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами. Концептуальный признак объективируется в закрепленной и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц — репрезентантов концепта. Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира. В структуре концепта отображаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры»²¹⁷;
 - З.Д. Попова и И.А. Стернин: 1) «Квант структурированного знания, формируемого в нашем сознании главным образом на основе перцепции, наглядно-чувственных образов»²¹⁸; 2) «обозначение моделируемой лингвистическими средствами единицы национального когнитивного сознания, для моделирования и описания национальной концептосферы»²¹⁹; 3) дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей

²¹⁵ Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996. С. 90.

²¹⁶ Пименова М.В. Концептуальные исследования и национальная ментальность // Гуманитарный вектор. 2011. № 4 (28). С. 127.

²¹⁷ Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово, 2004. С. 10.

²¹⁸ Попова З.Д., Стернин И.А. Язык как национальная картина мира. Воронеж, 2000. С. 4–5.

²¹⁹ Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный подход как направление когнитивной лингвистики // *Vita in lingua: к юбилею профессора С.Г. Воркачева* : сб. ст. / под ред. В.И. Карасика. Краснодар, 2007. С. 10.

мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету²²⁰;

- В.Н. Телия: «Знание, структурированное во фрейм... он отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности»²²¹;
- Е.В. Урысон: «Некий смысл, выражаемый в лексемах (или граммемах) естественного языка»²²²;
- Н.Ю. Шведова: «Содержательная сторона словесного знака (значение — одно или некий комплекс ближайше связанных значений), за которой стоит понятие (т. е. идея, фиксирующая существенные “умопостигаемые” свойства реалий и явлений, а также отношения между ними), принадлежащее умственной, духовной или жизненно важной материальной сфере существования человека, выработанное и закрепленное общественным опытом народа, имеющее в его жизни исторические корни, социально субъективно осмысляемое и — через ступень такого осмысления — соотносимое с другими понятиями, ближайше с ним связанными или, во многих случаях, ему противопоставляемыми»²²³;

²²⁰ См.: Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2007.

²²¹ Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М., 1996. С. 96.

²²² Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике. М., 2003. С. 103.

²²³ Шведова Н.Ю. Русский язык : избр. работы. М., 2005. С. 603.

- И.С. Шулятиков: «Концепт — это мысленное образование, замещающее нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода, не подлежащая изменениям в семантике словесного знака единица, направляющая мысль говорящих на данном языке, при этом определяя их выбор и создавая потенциальные возможности языка-речи, а также являющаяся базовой единицей мыслительного кода человека, которая обладает относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющей собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущей комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету»²²⁴.

По мнению М.В. Пименовой, «все концепты так или иначе объективированные в языке, могут быть распределены по трем понятийным (категориальным) классам:

I. Базовые концепты, к этому разряду можно отнести те концепты, которые составляют фундамент языка и всей картины мира; среди них: 1) космические концепты; 2) социальные концепты; 3) психические (духовные) концепты.

II. Концепты-дескрипторы, которые квалифицируют базовые концепты; среди них: 1) дименсиональные концепты, под которыми понимаются различного рода измерения (размер, объем, глубина, высота, вес и др.); 2) качественитивные концепты, выражающие качество (тепло — холод, целостность (холистичность) — партиитивность, твердость — мягкость); 3) количественитивные концепты, вы-

²²⁴ Шулятиков И.С. Термин «концепт» в современной лингвистике // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 12. С. 100–101.

ражающие количество (один, много, мало, достаточно — недостаточно).

III. Концепты-релятивы, реализующие типы отношений; среди них: 1) концепты-оценки (хорошо — плохо, правильно — неправильно, вредно — полезно, вкусно — невкусно), 2) концепты-позиции (против, вместе, между, впереди — позади (всех), рядом, вверху — внизу, близко — далеко, современный — несовременный), 3) концепты-привативы (свой — чужой, брать — отдавать, видеть — терять, включать — исключать)²²⁵.

Когнитивный подход позволил Н.Н Болдыреву построить классификацию концептов, основываясь на мысли о наличии трех разных систем языковой концептуализации и категоризации²²⁶ мира: лексической, грамматической и модусной, которые характеризуются собственной структурой и содержательной спецификой. При этом он следующим образом раскрыл содержание каждой из систем:

- «лексически представленные концепты и лексические категории, возникающие на базе этих концептов, репрезентируют наше знание мира как таковое (репрезентативный аспект оперирования знанием)»;

²²⁵ Колесов В.В., Пименова М.В. Введение в концептологию. М., 2016. С. 145.

²²⁶ Категоризация — «в узком смысле подведение явления, объекта, процесса и т. п. под определенную рубрику опыта, категорию и признание его членом этой категории, но в более широком смысле — процесс образования и выделения самих категорий, членения внешнего и внутреннего мира человека сообразно существенным характеристикам его функционирования и бытия, упорядоченное представление разнообразных явлений через сведение их к меньшему числу разрядов или объединений и т. п., а также результат классификационной (таксономической) деятельности». См.: Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996. С. 42.

- «грамматические концепты и категории определяют то, как знание о мире репрезентируется в языке и схематизируется в соответствии с правилами и принципами вербальной коммуникации (коммуникативный аспект)»;
- «модусные концепты и категории передают способы интерпретации самих объектов и событий и знаний о них отдельными носителями языка (интерпретационный аспект)»²²⁷.

В рамках когнитивно-дискурсивного направления нашла свое отражение и концепция О.Г. Дубровской, основными понятиями которой являются: социокультурные знания, социокультурный контекст, метаконцепты, когнитивно-дискурсивная интерпретанта:

- социокультурные знания — «это знания субъекта о социуме и культуре, о мире (включая знания об адресате), в котором он (субъект) осуществляет свою деятельность и выступает как представитель той или иной социокультуры (профессиональной, территориальной, национальной, тендерной и др.)»²²⁸;
- социокультурный контекст определяется «как индивидуальная концептуальная система субъекта, сформированная социокультурными знаниями и активизируемая субъектом в процессе языковой интерпретации как социокультурная специфика дискурса»²²⁹;
- метаконцепты — это «носители универсальных структур знания». «Посредством именно метаконцептов, сформированных в определенной социокультурной

²²⁷ Болдырев Н.Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1. С. 6–7.

²²⁸ Дубровская О.Г. Социокультурная специфика дискурса: субъектный принцип формирования. Тамбов, 2014. С. 206.

²²⁹ Там же. С. 15.

среде, субъект осуществляет в первую очередь интерпретацию мира в дискурсе»²³⁰. Автор выделяет следующие метаконцепты: роль, стереотип, языковой опыт, ценность, норма, пространство, время;

- когнитивно-дискурсивная интерпретанта, которая ставит во главу угла индивида при формировании социокультурной специфики дискурса, — это соединение социокультурных знаний — метаконцептов — с интерпретационной составляющей языкового сознания, связанной с конкретным социокультурным контекстом.

3.6. ИНДОКТРИНАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ГРУППОВОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЯ

3.6.1. Понятие индоктринации

Коммуникативное поведение члена группы находится под влиянием группы, в которой он взаимодействует с другими активными потребителями и создателями информации. При этом «все поступающие извне языковые впечатления органически врастают в языковой мир личности»²³¹. Это оказывает непосредственное влияние на то, будут ли члены группы «проявлять определенную свободу действий при принятии решения о том, какие текстовые позиции они займут, а какие отвергнут при взаимодействии в сложных социальных и культурных контекстах»²³².

²³⁰ Там же. С. 76.

²³¹ Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996. С. 15.

²³² Alvermann D., Moon J., Hagood M. Popular Culture in the Classroom: Teaching and Researching Critical Media Literacy. Newark, 1999. P. 1–2.

По справедливому мнению В.З. Демьянкова, главная цель политического дискурса — это внушение, характеризующееся как навязывание определенных идей или действий, формирование определенных мнений относительно событий или личностей в массовом сознании²³³.

Специфика статуса групп законодателей позволяет нам вслед за Д. Бранденбергером утверждать, что «пропагандистское государство, хотя и пребывает в кризисе, но по-прежнему управляется элитой, приученной к “монолитности”»²³⁴. Монолитность групповой языковой личности обусловлена тем, что вхождение парламентария в соответствующую группу с необходимостью сопровождается его индоктринацией. Наиболее отчетливо это происходит во фракциях в Государственной думе РФ. Это обусловлено следующими предписаниями ст. 7.1 Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»:

- фракцией является объединение депутатов Государственной думы, избранных в составе федерального списка кандидатов, который был допущен к распределению депутатских мандатов в Государственной думе. Во фракцию входят все депутаты Государственной думы, избранные в составе соответствующего федерального списка кандидатов, за исключением случая, предусмотренного ч. 5 названной статьи. Во фракцию могут входить также депутаты Государственной думы, избранные в составе федерального списка кандидатов политической партии, указанной в ч. 5 названной статьи;

²³³ См.: Демьянков В.З. Политический дискурс: история и современные исследования. М., 2002. С. 32–43.

²³⁴ Brandenberger D. Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indoctrination, and Terror Under Stalin, 1927–1941. New Haven, 2011.

- депутат Государственной думы, входящий во фракцию в соответствии с ч. 1 названной статьи, может быть членом только той политической партии, в составе федерального списка кандидатов которой он был избран депутатом Государственной думы;
- в случае прекращения деятельности политической партии в связи с ее ликвидацией или реорганизацией деятельность фракции данной политической партии в Государственной думе, а также членство депутатов Государственной думы в этой фракции либо действие ограничений, установленных ч. 4 названной статьи, прекращается со дня внесения в единый государственный реестр юридических лиц соответствующей записи;
- депутат Государственной думы, избранный в составе федерального списка кандидатов политической партии, указанной в ч. 5 названной статьи, и входящий во фракцию в Государственной думе, может быть членом только той политической партии, во фракцию которой он входит;
- депутат Государственной думы, избранный в составе федерального списка кандидатов политической партии, указанной в ч. 5 названной статьи, и вступивший в политическую партию, которая имеет свою фракцию в Государственной думе, входит в данную фракцию и не вправе выйти из нее.

В литературе индоктринация определяется как:

- внедрение в семантическое пространство какой-либо доктрины, сопровождающееся изменениями сознания вплоть до потери индивидуальности и идентичности²³⁵;

²³⁵ См.: Митрошенков О.А. История и философия науки. М., 2020.

- некритическое принятие личностью чужих идей (доктрин). При этом речь в данном случае идет о психическом явлении, характеризующем особое состояние психики, специфический механизм и одновременно процесс идентификации личности с группой через принятие групповых ценностей, идей или доктрин²³⁶;
- преднамеренное внушение идентичности или доктрины, требующее повторения, обмана, а зачастую и принуждения²³⁷;
- «внушение точки зрения или принципов», где речь идет о принципах «фанатических или сектантских»²³⁸;
- «способность к специальному формированию диспозиции, обеспечивающей принятие групповых характеристик и идентификацию с ними, которая тем самым служит сплочению и демаркации “мы — группа”»²³⁹.

Практически все авторы характеризуют индоктринацию в негативном ключе и связывают ее с психологическим насилием²⁴⁰, установлением деструктивного контроля над сознанием личности этически осуждаемыми методами (обман, угроза, принуждение и др.)²⁴¹; тотали-

²³⁶ См.: Савенков А. Индоктринация, или Как контролируют наше сознание // Развитие личности. 2006. № 1.

²³⁷ См.: Salter F.K. Indoctrination as institutionalized persuasion: Its limited variability and cross-cultural evolution // Eible-Eibesfeldt I., Salter F.K. Indoctrinability, ideology, and warfare: Evolutionary perspectives. N. Y., 1998.

²³⁸ См.: Палмер Дж., Палмер Л. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens. СПб., 2003. С. 371.

²³⁹ Eible-Eibesfeldt I. Us and the others: The familial roots of ethnonationalism // Eible-Eibesfeldt I., Salter F.K. Indoctrinability, ideology, and warfare: Evolutionary perspectives. N. Y., 1998. P. 51.

²⁴⁰ См.: Хассен С. Освобождение от психологического насилия. Деструктивные культы. Контроль сознания. Методы помощи. СПб., 2003.

²⁴¹ См.: Chomsky N. Propaganda, American-style // Propaganda Review. 1987. № 1; Festinger L., Rieken H., Schacher S. When Prophecy Fails:

тарным мышлением²⁴²; реформированием мышления²⁴³; принудительным убеждением²⁴⁴ и т. д. К. Лоренц даже считает индоктринируемость одним из восьми смертных грехов человечества²⁴⁵.

А. Савенков хотя и призывает «отказаться от явной негативной окраски этого явления и признать, что индоктринация — это не всегда плохо», но справедливо указывает на серьезную опасность некритического присвоения чужих идей, которая состоит в том, что подвергшийся действию тщательно подобранных инструментов контроля сознания человек нередко искренне полагает, что принимает это решение сам. При этом в действительности он подвергся мощному внешнему воздействию, имевшему цель разорвать связь между его мышлением и способностью принимать самостоятельные решения²⁴⁶.

Необходимость индоктринации обычно обосновывается стремлением достичь идеологического и иного единства: «Призрачна и непрочна любая сила, любая мощь, если она не основывается на твердом фундаменте духовного единства»²⁴⁷.

A Social and Psychological Study of Modern Group that Predicted the Destruction of the World. N. Y., 1956; Herman E.S., Chomsky N. Manufacturing consent. The political economy of the mass media. N. Y., 2002; Pedro J. The propaganda model in the early 21st century // International Journal of Communication. 2011. № 5.

²⁴² См.: Лифтон Р. Технология «промывки мозгов»: психология тоталитаризма. СПб., 2005; Lifton R.J. Thought Reform and the Psychology of Totalism. N. Y., 1961.

²⁴³ См.: Singer M., Latich J. Cults in Our Midst. Jossey-Bass, 1997.

²⁴⁴ См.: Шейн Э.Х. Организационная культура и лидерство. СПб., 2002.

²⁴⁵ См.: Лоренц К. Восемь смертных грехов человечества. М., 1998.

²⁴⁶ См.: Савенков А. Индоктринация, или Как контролируют наше сознание // Развитие личности. 2006. № 1.

²⁴⁷ Снычев И. Русская симфония. М., 2003. С. 115.

3.6.2. Признаки коммуникативной ситуации индоктринации

Под коммуникативной ситуацией понимается «сложный комплекс внешних условий общения и внутренних состояний общающихся, представленных в речевом произведении, направляемом адресату»²⁴⁸. В межличностном, групповом, публичном, массовом общении среда диктует свой выбор языковых/речевых средств, речевого и невербального поведения²⁴⁹. К числу характерных признаков коммуникативной ситуации²⁵⁰ в процессе индоктринации парламентариев в составе групп законодателей относятся:

1. *Весьма ограниченное количество точек зрения* (однотопиковость, а не многотопиковость). Это выражается в грамматическом единообразии и лингвистической прецедентности²⁵¹, которая не требует специальной культур-

²⁴⁸ Формановская А.В. Культура общения и речевой этикет. М., 2002. С. 254.

²⁴⁹ См.: Серебрякова А.Ю. О компонентах коммуникативной ситуации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2009. № 25. С. 30.

²⁵⁰ Подробнее о коммуникативной ситуации и ее признаках см.: Алифанова О.Г. Вариант коммуникативной ситуации согласия как модель успешного коммуникативного взаимодействия // Педагогическое образование в России. 2015. № 10; Васильев Л.Г. Лингвоаргументологический анализ рассуждений в письменном тексте // Коммуникативные исследования 2003 : современная антология. Волгоград, 2003; Левичева О.С. Компонентная структура системы современной коммуникации: дифференциация понятий // Коммуникативные исследования. 2014. № 1; Пивоварчик Т.А. Распределение коммуникативных приоритетов в речевых ситуациях // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63) и др.

²⁵¹ См.: Банникова С.В. Прецедентность как лингвокультурный феномен (на материале английских и русских текстов) : дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004; Веденева Ю.В. Функционирование прецедентных феноменов в англоязычном поэтическом дискурсе (на материале названий стихотворений для детей) // Альманах совре-

ной эрудиции, и подкрепляется прямооценочными номинациями в сочетании с жонглированием идеологемами-символами.

Сегодня понятие прецедентности активно внедряется в культурно-языковое пространство, где оно понимается как «феномен первичного образца», представляемого для оценки и сопоставления, в целях его последующего использования как опорного образца для создания какого-либо вторичного явления по образу и подобию первого²⁵². В этом смысле прецедент представляет собой определенный «стереотипный образно-ассоциативный комплекс», значимый для определенного социума и регулярно актуализирующийся в речи представителей этого социума²⁵³.

Л.И. Гришаева понимает «коммуникативный прецедент» как ментальный «гносеологический прототип»,

менной науки и образования : архив науч. ст. 2008. № 8 (15) : в 2 ч. Ч. I; Голубева Н.А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы // Язык, коммуникация и социальная среда. 2007. № 7; Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы : докл. сов. делегации на Шестом конгрессе МАПРЯЛ. М., 1986; Назарова Р.З., Золотарев М.В. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов // Известия Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. 2015. Т. 15. № 2; Петрова Н.В. Эволюция понятия «прецедентный текст» // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Филологические науки. 2010. № 2 (10); Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред. Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой, В.Т. Титова. Воронеж, 2004. и др.

²⁵² См.: Ковалев Г.Ф. Прецедентное имя собственное в тексте рекламы // Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред. Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой, В.Т. Титова. Воронеж, 2004. С. 273.

²⁵³ См.: Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в языковой картине мира // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. М., 1988. С. 30.

его «можно считать образцом, который помогает в сходных условиях в будущем, так или иначе, решать стоящие перед коммуникантами задачи (номинативные, коммуникативные и пр.)»²⁵⁴. По мысли Д.Б. Гудкова, прецеденты функционируют в виде образцовых ментальных, языковых и речевых фактов, которые служат моделью для воспроизводства сходных фактов, т. е. обладают императивностью²⁵⁵. В.В. Красных отмечает, что «прецедентное имя может функционировать либо как имя собственное, указывая непосредственно на денотат, в этом случае дифференциальные признаки прецедентной единицы оказываются нерелевантными; либо как имя прецедентное, т. е. употребляться в качестве “сложного знака”, обладающего, помимо простого набора значений, некоторым инвариантом восприятия стоящего за именем “предмета”. В этом случае имеет место апелляция к дифференциальным признакам прецедентного имени, составляющим ядро инварианта его восприятия»²⁵⁶.

Изучение прецедентных феноменов, которое традиционно представлено в лингвистике на прецедентном тексте, прецедентном высказывании, прецедентном имени и прецедентной ситуации, свидетельствует о том, что они могут иметь различные способы бытования и обладать разным статусом, каждый своей формой репрезентации, своим аксиологическим потенциалом²⁵⁷.

²⁵⁴ Гришаева А.И. Арминий, Барбаросса, ведьмы с Брокена и другие: немецкий язык и культура через призму немецких прецедентных текстов. Воронеж, 1998. С. 18.

²⁵⁵ См.: Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.

²⁵⁶ Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003. С. 202.

²⁵⁷ См.: Голубева Н.А. Прецедент и прецедентность в лингвистике // Вестник Вятского государственного университета. 2008. № 3-2. С. 57.

Ограниченность количества точек зрения обусловлена фрагментацией знания, узостью тематики и подходов, «эпидермическим» видением человека, объясняющим его поведение ссылками на тот или иной отдельный «механизм» или «потребность». Все это приводит к тому, что чередующиеся «парадигмы» не успевают обрести ни преемников, ни предшественников. Здесь нет радикального пересмотра прежних моделей, как нет и принципиального изменения исследовательских стратегий с воцарением новых; каждая из них «смело выходит на сцену и тихо ретируется за кулисы, как только к ней пропадает интерес»²⁵⁸.

2. *Примитивизация, а в некоторых случаях и расстройство понятий.* Как известно, «доказать ложное утверждение нельзя, но убедить человека в его истинности можно. Именно этим различием между доказательностью и убедительностью издавна пользовались люди, которые хотели ввести в заблуждение других»²⁵⁹. Одним из условий, способствующих введению людей в заблуждение, является примитивизация понятий.

Примитивизация понятий — это процесс деформации концепта, в котором триединство понятийного, образного и ценностного компонентов претерпевает значимое изменение: резко сокращается доля понятийного содержания и разрастается доля оценочного содержания концепта, при этом образный компонент становится размытым²⁶⁰. Примитивизация — это сознательная установка манипуляторов на сокращение рационального восприятия действительности, поскольку рациональное неразрывно связано

²⁵⁸ Moscovici S. The myth of the lonely paradigm // Social research. N. Y., 1984. Vol. 51. № 4. P. 940.

²⁵⁹ Уемов А.И. Логические ошибки. М., 1957. С. 18.

²⁶⁰ См.: Карасик В.И. Тенденции развития общения в современной массовой культуре // VI Междунар. конф. Российской коммуникативной ассоциации «Коммуникация в изменяющемся мире»: сб. материалов. Красноярск, 2011.

с критическим. А критическая установка индоктринируемого манипуляторам не нужна. В противовес заявленной невозможности сведения смыслов к небольшому числу примитивных понятий²⁶¹ в процессе законотворчества при необходимости это осуществляется весьма эффективно. И у манипуляторов, и у индоктринируемых нередко утрачивается «функциональная диглоссия (умение переключаться с разговорного языка на книжный, и наоборот), которая является важнейшей характеристикой образованного человека»²⁶².

Примитив не обязательно находится на окраинах поля, на котором он действует, он может занимать центр этого поля. Высокая проникающая способность активного, в том числе политиканствующего, примитива объясняется, прежде всего, игнорированием им правил, которые соблюдаются другими людьми, отнимая у них силы и время, отвлекая внимание²⁶³. Примитивизация групповых языковых личностей законодателя является одним из условий, способствующих примитивизации общества. Примитивизация общества понимается как его упрощенность, стандартизация и унификация, что приводит к потере оригинальности, индивидуальности, многообразия, национального колорита и своеобразия²⁶⁴.

Примитивизация (как сознательная установка на сокращение рационального восприятия действительности)

²⁶¹ «Хотя нам и хотелось бы свести смысл к очень небольшому числу “примитивных” понятий, я не вижу оснований надеяться, что эта цель достижима» (Минский М. Структура для представления знания // Психология машинного зрения. М., 1978. С. 295).

²⁶² Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004. С. 336.

²⁶³ См.: Гопко В.В. Примитив и обертология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1.

²⁶⁴ См.: Гобозов И.А. Глобализация и примитивизация общества // Философия и общество. 2009. № 2 (54).

в некоторых случаях может быть осложнена наличием не всегда осознанных фактических и логических ошибок. Напомним, что «ошибки, связанные с неистинностью мыслей, т. е. с искажением в мыслях отношений между предметами и явлениями окружающей действительности, называются фактическими. Ошибки же, связанные с неправильностью мысли, т. е. с искажением связей между самими мыслями, являются логическими»²⁶⁵. Когда количество фактических и логических ошибок превышает некий критический уровень, наступает расстройство понятий.

Расстройство понятий может включать:

- неадекватность содержания понятий, т. е. включение в понятие каких-то случайных признаков либо, напротив, исключение релевантных. Это может относиться к разным типам понятий, от конкретных до абстрактных. Например, понятие «научный семинар» может восприниматься как «секта», потому как «многие секты начинают с обсуждения в узком кругу каких-то научных проблем». Тем самым меняются объемы понятий и сфера их приложения;
- нарушение тождества понятий, т. е. различение идентичных понятий по каким-то несущественным признакам. Например, текст на бумаге — «это книга», но тот же текст на магнитном носителе — «это диск», не имеющий с книгой ничего общего;
- нарушение соподчинения понятий, т. е. восприятие одного понятия, включенного в состав другого, как самостоятельного, никак с ним не связанного. Например, группа лиц с общими политическими взглядами, т. е. партия, выводится из состава понятия «народ», в связи с чем ей могут даже присваиваться обособляющие названия;

²⁶⁵ Уемов А.И. Логические ошибки. М., 1957. С. 8.

- нарушение различения пересекающихся понятий, то есть восприятие понятий с общими признаками как одинаковых либо как совершенно разных. Например, «страна» и «государство» либо отождествляются, либо разводятся в разные стороны: «это одно и то же» или «это две большие разницы, государства уходят и приходят, а страны остаются»;
- нарушение различения полярных понятий, при котором противоположные понятия разграничиваются так, что они не включаются в состав другого, общего для них;
- редукцию понятий, т. е. отождествление содержания простого понятия с содержанием более сложного понятия, низведение сложного к простому или нормального к аномальному. Например, понятие «любовь» редукционист считает идентичным таким понятиям, как «секс», «условный рефлекс», «любовная аддикция»; «гениальность» он приравнивает к «сумасшествию», а «интеллигентность» — к «мечтательности» или «нерешительности» и т. п.;
- complication понятий, т. е. обеднение содержания сложного понятия до содержания более простого понятия, возведение простого к сложному, ненормального к нормальному. Таким образом происходит идеализация какого-то человека, так что вполне заурядная личность наделяется необыкновенными качествами, делается властителем дум, кумиром, звездой и т. п.²⁶⁶

3. *Особые способы аргументации необходимой точки зрения*, включающие манипулятивную коммуникацию, одностороннюю интеракцию и преобладание скрытой и пересекающейся трансакций. В такой «аргументации важнейшая вещь зависит не от знания того, что оратор счи-

²⁶⁶ См.: Жмуров В.А. Психиатрия. М., 2018.

тает истинным или важным, но от знания взглядов тех, к кому он обращается»²⁶⁷.

Под аргументацией понимается:

- «способ рассуждения, в процессе которого выдвигается некоторое положение в качестве доказываемого тезиса, рассматриваются доводы в пользу его истинности и возможные противоположные доводы, дается оценка основаниям и тезису, доказывается тезис и опровергается антитезис»²⁶⁸;
- «определенная человеческая деятельность, протекающая в конкретном социальном контексте и имеющая своей конечной целью не знание само по себе, а убеждение в приемлемости каких-то положений»²⁶⁹;
- «особый тип коммуникации, призванный воздействовать на адресата при помощи языковых средств и выраженный аргументативным дискурсом», а также комплекс «языковых средств, используемых для влияния на поведение людей (т. е. фактор, влияющий на принятие того или иного решения)»²⁷⁰.

Аргументирование диалогично по своей природе, но «шире логического доказательства (которое по существу безлично и монологично), поскольку аргументация ассимилирует не только “технику мышления” (собственно логику), но и “технику убеждения” (искусство подчинять мысль, чувство и волю человека)»²⁷¹. Справедливо отмеча-

²⁶⁷ Perelman Ch., Olbrechts-Tyteka L. *The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation*. L., 1971. P. 23.

²⁶⁸ Брутян Г.А. *Аргументация*. Ереван, 1984. С. 7.

²⁶⁹ Ивин А.А. *Логика*. М., 2002. С. 255.

²⁷⁰ Калашникова С.В. *Лингвистические аспекты стилей мышления в аргументативном дискурсе* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2007. С. 6.

²⁷¹ Герасимова И.А., Новоселов М.М. *Аргументация как методология убеждения* // *Вопросы философии*. 2003. № 10. С. 78.

ется, что «при недостатке логической аргументации своего мнения либо с целью увеличить эффект воздействия авторы... текстов апеллируют к эмоциям и чувствам читателей, вкладывая их в семантику лексических единиц»²⁷².

Манипулятивная коммуникация предполагает «воздействие на человека с целью побудить его сделать что-либо (сообщить информацию, совершить поступок, изменить свое поведение и т. д.) неосознанно или вопреки его собственному желанию, мнению, первоначальному намерению»²⁷³. Манипулирование «заключается в том, чтобы ввести в сознание человека, в его представления о действительности некоторую информацию, которая не подвергается критическому анализу, не осознается им как нечто требующее обсуждения»²⁷⁴. Манипуляция как скрытое управление сознанием и поведением граждан включает различные приемы умышленного искажения действительности для утверждения своих интересов в качестве всеобщих. Манипуляция осуществляется скрыто с помощью набора стереотипов, мифов и символов, подменяющих реальность²⁷⁵. Манипулятивная стратегия власти имеет прямое отношение к суггестивной лингвистике, к суггестивному употреблению языка в текстах. К «жестким» типам воздействия относится мантрический тип открытой суггестии²⁷⁶. Убеждение без объяснений — это

²⁷² Иванова К.А. Лексические средства интенсификации оценочного значения в информационно-аналитических интернет-текстах // Коммуникативные исследования. 2015. № 1 (3). С. 89.

²⁷³ Стернин И.А. Практическая риторика. 5-е изд. М., 2008. С. 12.

²⁷⁴ Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М., 2007. С. 191.

²⁷⁵ См.: Синельникова Л.Н. Дискурс власти: от легитимизации до манипуляции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2015. Т. 1 (67). № 4. С. 12.

²⁷⁶ См.: Черепанова И.Ю. Заговор народа. Как создать сильный политический текст. М., 2002.

и есть открытая суггестия, свидетельствующая о недостатке или отсутствии информации. Призывы к диалогу при наличии разных аргументов оказываются бесполезными, сами аргументы в этом случае оказываются манипулятивными²⁷⁷. В.Е. Чернявская корректно определяет одну из целей манипуляции как желание осуществить интересы отправителя сообщений, «которые необязательно совпадают с интересами адресата»²⁷⁸.

Интеракция — это процесс взаимодействия между индивидами, в котором формируется собственное и коллективное, общественное сознание²⁷⁹. В литературе выделяют пять основных стратегий интеракции:

- избегание (уход в сторону, откладывание проблемы, стремление уклониться от ответственности и решения проблемы);
- приспособление (пренебрежение своими интересами ради удовлетворения интересов других лиц);
- конкуренция (отстаивание своих собственных интересов или «прав» за счет других, стремление к «победе»);
- компромисс (поиск взаимоприемлемого решения, частично удовлетворяющего обе стороны);
- сотрудничество (глубокое проникновение в суть вопроса и поиск альтернативного решения; открытое общение и эффективное взаимодействие)²⁸⁰.

²⁷⁷ См.: Ли Е.В. Диалектическое взаимодействие универсальных и этнокультурных стратегий аргументации в политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2011.

²⁷⁸ Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. М., 2006. С. 19.

²⁷⁹ См.: Современная западная философия : энцикл. словарь. М., 2009.

²⁸⁰ См.: Коноваленко В.А., Коноваленко М.Ю., Соломатин А.А. Психология управления персоналом. М., 2014; Коноваленко В.А., Коноваленко М.Ю., Соломатин А.А. Психология менеджмента. Теория и практика. М., 2016.

Трансакция — это единица общения, которая состоит из стимула и реакции. Существуют следующие виды трансакций: параллельные (предполагающие взаимодействие между людьми, при котором стимулы дополняются с двух сторон); пересекающиеся (характеризующиеся конфликтными ситуациями); скрытые (характеризующиеся тем, что человек может говорить одно, думать другое, а скрывать третье)²⁸¹.

4. *Дезинформация участников коммуникации* с использованием принципов и приемов постправды, наличие которых в политическом дискурсе обусловлено политической борьбой за власть, где «правда», противостоящая «лжи», одновременно проявляет себя как атрибутивное свойство «нашего» (добра, истины и т. п.). «Чужое» наделяется свойствами зла, лжи²⁸². Политик может выступать «в качестве автора фейковых новостей, непроверенных сведений, полученных от третьих лиц, и сенсационных заявлений, транслируемых им в социальных сетях»²⁸³.

Дезинформация понимается в литературе следующим образом:

- Г.А. Копнина трактует дезинформацию как способ «манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов язы-

²⁸¹ См.: Берн, Э. Транзакционный анализ в психотерапии. М., 2009; Кристиансен К., Билунд П. Транзактный анализ в бизнесе. 2-е изд. СПб., 2016; Стюарт И., Джоинс В. Современный транзактный анализ. 2-е изд. СПб., 2017; Хей Дж. Транзактный анализ для тренеров. СПб., 2020.

²⁸² Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. «Правда» и «Постправда» в революционно-ценностном конфликте на Украине // Русин. 2017. № 4 (50). С. 134.

²⁸³ Макурова Д.А. Языковая личность дезинформатора // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 1 (103). Ч. 3. С. 160.

ка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата»²⁸⁴.

- Д.А. Макурова понимает дезинформацию, с одной стороны, «как процесс манипулирования актуальной информацией, введение реципиента в заблуждение путем предоставления неполной информации, искажения фактов»²⁸⁵, а с другой — «как деятельность дезориентирующего характера, процесс управления, контроля и оказания определенного дезориентирующего воздействия на когнитивную нишу собеседников, нацеленный на изменение картины мира в нужном для дезинформатора направлении»²⁸⁶.
- М.А. Самкова определяет дезинформацию, во-первых, как «распространение заведомо ложных сведений с целью ввести в заблуждение»²⁸⁷, во-вторых, как «искаженную, ненужную или неполную информацию»²⁸⁸.

В процессе дезинформации язык, изначально предназначенный для правильного ориентирования в коммуникации, становится инструментом дезориентации и разобщения людей. Этому способствует «разномыслие», т. е. «ложь в ментальных и... вербальных репрезентациях ситуативного взаимодействия homo mentiens (fallens)»²⁸⁹.

²⁸⁴ Копнина Г.А. Речевое манипулирование. 5-е изд. М., 2014. С. 25.

²⁸⁵ Макурова Д.А. Языковая личность дезинформатора // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 1 (103). Ч. 3. С. 159.

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ Самкова М.А. Дезинформация как средство информационно-психологической войны против России (на материале медиатекстов о хакерских атаках) // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 3. С. 98.

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ Шаховский В.И. Человек глуший в реальной и художественной коммуникации // Человек в коммуникации: аспекты исследования. Волгоград, 2005. С. 221.

Парламентарии как субъекты дезинформирующего дискурса обладают «не только определенным тезаурусом, лексиконом и грамматиконом, но и собственной системой индивидуально-речевых предпочтений, которые проявляют себя как сигналы его текстовой и дискурсивной “активности”, предпочитаемых коммуникативно-речевых стратегий и тактик»²⁹⁰.

Дезинформатор руководствуется так называемой дезинформирующей интенцией с целью ввести адресата в заблуждение, создавая у него ложную систему ориентации, неадекватную картину мира, искаженные ценности, цели, установки и решения²⁹¹. В случае успешной реализации дезинформации ключевым критерием дезинформирования выступает критерий когнитивной манипуляции, понимаемой как «отрицательное влияние говорящего на рациональные способности слушающего или адресата»²⁹².

Результатом дезинформации является положение, при котором мнение дезориентированного адресата поддается влиянию адресанта, вследствие чего адресат претворяет в жизнь какие-либо действия (поведенческие реакции, решения), которые без влияния адресанта он бы не совершил.

Арсенал средств дезинформации включает в себя собственно ложь, а также «полуправду», замалчивание, подтасовку фактов, распространение слухов, утаивание данных, неверные акценты или неадекватные комментарии,

²⁹⁰ Цуциева М.Г. Актуализация языковой личности политика в современном немецком политическом дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2019. С. 3.

²⁹¹ См.: Макурова Д.А. Языковая личность дезинформатора // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 1 (103). Ч. 3. С. 159.

²⁹² Дённингхаус С. Между ложью и иллюзией: способы дезориентации со стороны лингвистической семантики // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. М., 2008. С. 352.

демагогические обещания и многое другое²⁹³. Дезинформация и ложь в зависимости от причин и мотивов представлены следующими типами: «ложь политической выгоды (стратегия самозащиты); дискредитирующая ложь (стратегия нападения); параноидальная ложь (проявление навязчивых идей, высказывание положений, не поддающихся верификации), рассчитанная на когнитивные эмоции адресата»²⁹⁴.

Дезинформация ориентирована на реципиента, готового к восприятию. В сочетании с правдивой информацией, известной реципиенту, дезинформация как искаженная, ненужная или неполная информация имеет высокий кредит доверия и будет лучше и легче воспринята²⁹⁵. Мишенью дезинформаторов часто становятся политические конкуренты и идеологические противники. В своих нападках дезинформатор руководствуется некооперативными установками, которые в дезинформирующем дискурсе актуализируются посредством определенных стратегий и тактик, направленных на достижение желаемого результата. Наличие у дезинформатора установки негативного характера и стремления дискредитировать оппонента, высказывая необоснованные или выдуманые обвинения о конкуренте, обуславливает выбор стратегии на понижение и соответствующих тактик²⁹⁶.

²⁹³ См.: Почепцов Г.Г. (Дез)информация. Киев, 2019; Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. М., 2011; Шунейко А.А., Авдеев И.А. Информационная безопасность человека. М., 2018.

²⁹⁴ Виноградов С.И. Язык газеты в аспекте культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996. С. 302.

²⁹⁵ См.: Самкова М.А. Дезинформация как средство информационно-психологической войны против России (на материале медиатекстов о хакерских атаках) // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 3. С. 98.

²⁹⁶ См.: Макурова Д.А. Языковая личность дезинформатора // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 1 (103). Ч. 3. С. 160.

Эффективному восприятию дезинформации способствует наличие элементов суггестивного воздействия и манипулирования. К факторам внушения относятся описательный характер текста, ритм, повторы, эмоционально окрашенная лексика, эвфемизмы и приемы генерализации, созданные такой единицей вербального уровня, как метонимия. Данный список не является исчерпывающим²⁹⁷. В то же время дезинформирующее воздействие может оказаться недостаточно эффективным или вовсе потерпеть неудачу при условии, что адресат обладает объективным истинным знанием и приложил когнитивные усилия для расшифровки замысла адресанта. В таком случае сообщение адресанта интерпретируется в качестве лжи, понимаемой как «передача неистинных сведений об объектах действительности, постигаемых как таковые адресатом»²⁹⁸.

Понятие «постправда» в политическом контексте, равно как и родственное ему понятие «политика постправды», имеет достаточно размытое значение. Это связано с тем, что, употребляя слово «постправда» в своих публикациях, авторы во главу угла ставят различные акценты. Так, одни говорят о постправде как об обстоятельствах, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращения к эмоциям и личным убеждениям. Другие — о стирании границ между правдой и вымыслом и о состоянии самообмана в сартровском понимании этого феномена, когда человек и целое общество живут в самообмане, одновременно не-

²⁹⁷ См.: Самкова М.А. Дезинформация как средство информационно-психологической войны против России (на материале медиатекстов о хакерских атаках) // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 3.

²⁹⁸ Лаголев Н.В. Ложная информация и способы ее выражения в тексте // Филологические науки. 1987. № 4. С. 67.

что зная и скрывая это от себя. Третьи — о проблеме дезинформации. Четвертые — о цифровой эпохе, задающей нечеловеческую скорость чередования событий, в которой невозможно успеть отличить истину от лжи. Наконец, пятые — об «информационных пузырях», в которых каждый из нас находится наподобие узника камеры виртуального заключения²⁹⁹.

По мысли С. Фуллера, то, что мы называем сегодня постправдой, можно увидеть уже в диалоге Платона «Государство», где определяющим является различие между меньшинством и большинством, между философами и обычными людьми, теми, кто знает, и теми, кому знать не нужно, теми, кто определяет различие истины и лжи, и теми, кто лишь принимает его³⁰⁰.

Основной принцип постправды — принцип замещения фактов, противоречащих интерпретации того или иного события, и появление на их месте фактов, легко укладываемых в уже имеющуюся схему. Степень досто-

²⁹⁹ См.: Виноградова Т.В. Исследование науки и технологий (STS) и политика постправды // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 8. Науковедение. 2018; Гарбузняк А.Ю. Феномен постправды: девальвация факта в медийном дискурсе // Государство и гражданское общество: политика, экономика, право. 2019. № 1; Генис А. Постправда. Философия информационной войны // Новая газета. 2018. № 11. 2 февр.; Жолудь Р.В. «Эра постправды» в западной журналистике: причины и последствия // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика». 2018. № 3; Знаков В.В. Теоретические основания понимания западной постправды и русского вранья // Вопросы психологии. 2019. № 1; Ростова Н.Н. Философская аналитика идеи постправды // Христианское чтение. 2018. № 6; Шевченко А.А. «Постправда» как новый «режим истины» // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 4; Шушпанова И.С. «Постправда» в социальной реальности: риски и угрозы // Социологические исследования. 2018. № 12; Lynch M. STS, symmetry and post-truth // Social studies of science. 2017. Vol. 47. № 4.

³⁰⁰ См.: Fuller S. Post-truth. Knowledge as power game. L., 2018.

верности фактов при этом не имеет решающего значения, поскольку семантика здесь целиком подчинена прагматике. Главным принципом построения текстов, в основе которых лежит постправда, становится не композиция, а диспозиция. В случае композиции каждая последующая часть вытекает из логики предыдущей. В случае диспозиции отдельные фрагменты механически монтируются с другими, создавая иллюзию достоверности³⁰¹.

Дефицит достоверной информации, информации в целом или перенасыщение информацией определенного типа в условиях отсутствия критической оценки могут приводить к ошибкам в суждениях о фактах действительности, построению ложных выводов о текущих событиях/ субъектах, искажению актуальной картины мира³⁰².

5. *Неопределенность слов, понятий, воззрений, научных подходов и идеологических установок*, что обусловлено наступлением времени тотального дилетантизма, вседозволенностью и готовностью некритически воспринимать любые теории и идеологии.

Постижение человеком истины и правды невозможно понять без учета его стратегии совладания с неопределенностью. Именно в процессе взаимодействия с неопределенностью человек постигает смыслы, понимает мир и себя³⁰³. Для развития общества и отдельного человека необходимы определенные ориентиры. В периоды хаоса неопределенность становится беспредельной. Возникает настоятельная потребность в уменьшении этой неопре-

³⁰¹ См.: Шатин Ю.В. Постправда как риторический феномен в медиапространстве // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 6. С. 253.

³⁰² См.: Комалова Л.Р. Вербальная реализация агрессии как продукт социально-когнитивной депривации // Вопросы психолингвистики. 2016. № 4 (30). С. 105.

³⁰³ См.: Знаков В.В. Психология понимания. М., 2005.

деленности за счет появления островков стабильности, устойчивости, определенности. Наступает черед невосребованных вариантов развития, ценностно-смысловых установок, целевых ориентиров³⁰⁴. Антропологической катастрофой современности, по мнению М.К. Мамардашвили, является количественный рост «ситуаций со странностями», а также ситуаций, которые не поддаются разумному осмыслению и объяснению. Исследователь объясняет это тем, что рост числа подобных ситуаций нарушает условия, при которых действия человека имеют смысл³⁰⁵.

Категории «определенность» и «неопределенность» имеют богатое историко-философское содержание. Зародившись в философии, они нашли применение в физике, биологии, экономике, математике, логике, социологии и психологии. Всестороннее представление о сущности категории «неопределенность» можно получить из следующих высказываний:

- «сущность управления риском состоит в максимизации набора обстоятельств, которые мы можем контролировать, и минимизации набора обстоятельств, контролировать которые нам не удастся и в рамках которых связь причины и следствия от нас скрыта»³⁰⁶;
- попытки полного преодоления неопределенности в ходе познавательных процедур, по мнению А.С. Борщова, иллюзорны. Неопределенность в существенной степени является объективным свойством изучаемого предмета и поэтому в процессе познания полностью

³⁰⁴ См.: Первушина О.Н. Человек и неопределенность: на подступах к постановке проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. 2007. Т. 1. Вып. 1. С. 15.

³⁰⁵ См.: Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1992.

³⁰⁶ Бернстайн П. Против богов. Укрощение риска. М., 2008. С. 215.

не элиминируется. Неопределенность может носить субъективный и объективный характер, но неопределенность в процессе познания выступает не субъективным фактором, а объективной характеристикой изучаемого предмета. Источник неопределенности — состояние, представляющее собой единство изменчивости и устойчивости, являющихся сущностными характеристиками мира и человека³⁰⁷;

- трактовка неопределенности не может быть однозначной и общей, а зависит от объекта, который должен быть определен, т. е. свойств определяемого объекта и действий, реализуемых для познания объекта³⁰⁸;
- неопределенность характеризуется недостатком информации о будущих вероятностных событиях и «предполагает неполноту и неточность информации, ведущую к непросчитываемой многовариантности ожидаемого результата»³⁰⁹;
- если определенность характеризуется относительной независимостью свойств и состояний явлений друг от друга, наличием резко выраженных граней между ними, то для неопределенности характерны отсутствие, размытость этих граней как следствие преобладания зависимости между свойствами и состояниями объектов или явлений³¹⁰;

³⁰⁷ См.: Борщов А.С. Принцип детерминизма и основные законы диалектики. Саратов, 1990.

³⁰⁸ См.: Бутенко Т.П. Субъективная неопределенность жизненных ситуаций: когнитивно-эмоциональные оценки и стратегии поведения : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2009.

³⁰⁹ См.: Волынская О.А. Сущность и причины неопределенности и риска // Сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. «Современные финансовые отношения: проблемы и перспективы развития». Новосибирск, 2015.

³¹⁰ См.: Готт В.С. Определенность и неопределенность как категории научного познания. М., 1971.

- неопределенность, будучи присущей всем явлениям, закономерно «выступает на поверхности... с одной стороны, как технико-экономическая категория, с другой — социально-экономическая»³¹¹;
- необходимо различать незнание и эпистемологическую неопределенность. Причиной последней является не незнание или отсутствие информации, а, наоборот, наличие теоретических или эмпирических фактов у субъекта о наличии отсутствующей информации. Неопределенность возникает не тогда, когда у субъекта нет знания, а когда субъект осознает, что необходимая информация у него отсутствует или пока не доступна. Таким образом, эпистемологическая неопределенность — это знание о незнании³¹²;
- неопределенность — это неясность, неочевидность структуры задачи, способов ее решения и будущих результатов действий³¹³;
- неопределенность присуща любой ситуации становления и развития человека. А выражена она может быть в «числе возможных альтернативных способов активности»³¹⁴;
- неопределенность служит «объективным свойством экономических процессов»³¹⁵ и выражается в «много-

³¹¹ США: наука и образование / В.И. Громека, В.И. Масленников, В.А. Федорович и др. М., 1974. С. 163.

³¹² См.: Дорожкин А.М. Неопределенность как форма фиксации противоречия в процессе познания // Противоречия в процессе познания. Горький, 1985.

³¹³ См.: Елисеенко А.С. Динамика субъективной неопределенности в решении комплексных проблем // Экспериментальная психология. 2013. Т. 6. № 3. С. 23.

³¹⁴ Зинченко В.П. Толерантность к неопределенности // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 17.

³¹⁵ Качалов Р.М. Управление хозяйственным риском. М., 2002. С. 12.

- образии превращения возможностей в действительность и существовании множества состояний»³¹⁶;
- «под “неопределенным” знанием я не имею в виду просто разграничение между тем, что известно наверняка, и тем, что лишь вероятно. В этом смысле игра в рулетку или выигрыш в лотерею не является примером неопределенности; ожидаемая продолжительность жизни также является лишь в незначительной степени неопределенной... Я употребляю этот термин в том смысле, в каком неопределенными являются перспектива войны в Европе, или цена на медь и ставка процента через двадцать лет, или устаревание нового изобретения, или положение владельцев частного богатства в социальной системе 1970 года. Не существует научной основы для вычисления какой-либо вероятности этих событий. Мы этого просто не знаем»³¹⁷;
 - «наиболее характерная черта рискованных задач — наличие неопределенности, то есть того, что исходы, которые будут получены лицом, принимающим решение, зависят от событий, которые невозможно предвидеть с полной определенностью»³¹⁸;
 - семантическая неопределенность является результатом неоднозначности связей между объектами и средствами языка, служащими для их обозначения. Концептуальная неопределенность понимается как невозможность выражения содержания реальных в концептуально-логической форме³¹⁹;

³¹⁶ Качалов Р.М. Управление хозяйственным риском. М., 2002. С. 12.

³¹⁷ Кейнс Дж.М. Общая теория занятости // Исток. 1998. Вып. 3. С. 284.

³¹⁸ Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М., 1979. С. 52.

³¹⁹ См.: Лешкевич Т.Г. Феномен неопределенности. Философско-методологический и культурологический анализ : дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 1994.

- «неопределенность не является отклонением от нормы, это фундаментальное условие, ответственное за развитие структуры социальной организации в ходе истории и в доисторические времена»³²⁰; «убеждения и институты, создаваемые людьми, имеют смысл лишь в качестве непрерывной реакции на различные уровни неопределенности, с которыми мы сталкиваемся в рамках динамически развивающегося физического и социального ландшафта»³²¹;
- двойственное отношение к неопределенности связано с парадоксальностью человеческой природы: конечностью физического существования и бесконечностью духа³²²;
- неопределенность «существует тогда, когда происходит выбор одной или нескольких возможностей»³²³;
- роль неопределенности состоит в предоставлении конструктивной возможности создания нового. В неопределенности раскрывается веер возможностей развития, что делает бытие человека открытым свободе³²⁴;
- в общеметодологическом плане «неопределенность — это отсутствие полной информации, исчерпывающих знаний о том или ином объекте»³²⁵;

³²⁰ Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М., 2010. С. 28.

³²¹ Там же. С. 29.

³²² См.: Первушина О.Н. Человек и неопределенность: на подступах к постановке проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. 2007. Т. 1. Вып. 1. С. 12.

³²³ Урсул А.Д. Проблема информации. Философские очерки. М., 1975. С. 15.

³²⁴ См.: Фабер В.О. Проблема неопределенности в структуре философского знания: онтологический, гносеологический, антропологический аспекты : дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2004.

³²⁵ Фельзенбаум В.Г. Экономическая эффективность взаимозаменяемых средств производства: методология измерения. М., 1974. С. 172.

- «неопределенность должна быть принята как одна из форм постижения быстрых и последовательных дисбалансов»³²⁶;
- «неопределенность результата — в том смысле, что существует большое расхождение, — связана с ошибкой прогноза...»³²⁷;
- неопределенность — это явление, «которому должны быть готовы противостоять все формы жизни. На всех уровнях биологической сложности существует неопределенность, связанная со значением знака или стимула, а также с возможными последствиями действий. На всех уровнях действие должно быть совершено до тех пор, пока неопределенность разрешится, и должен быть достигнут приемлемый баланс между высоким уровнем специфической готовности к событиям, которые наверняка произойдут, и общей способностью соответствующе отвечать, когда происходит нечто неожиданное»³²⁸;
- неопределенность «предполагает отсутствие конкретных видов информации для принятия решений или предсказаний»³²⁹;
- «в ситуации неопределенности экономические суждения являются бессмысленными»³³⁰;
- неопределенность — это двойственность, т. е. наличие противоречивых или плохо определенных целей; неясных причинно-следственных связей³³¹;

³²⁶ Gil-Aluja J. Management problems in uncertainty // Handbook of management under uncertainty. Dordrecht, 2001. P. 14.

³²⁷ Holly S., Hallet A.H. Optimal control, expectations and uncertainty. Cambridge, 1989. P. 7.

³²⁸ Kahneman D., Slovic P., Tversky A. Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. Cambridge, 1982. P. 508.

³²⁹ Kramer M.W. Managing uncertainty in organizational communication. Mahwah, 2004. P. 8.

³³⁰ Lucas R.E. (Jr.) Studies in Business Cycle Theory, Cambridge, 1981. P. 224.

³³¹ См.: March J.G., Olsen J.P. Organizational choice under ambiguity // Ambiguity and choice in organizations. Bergen, 1976.

- неопределенность — это неспособность личности действовать детерминированно из-за отсутствия понимания причинно-следственных соотношений³³²;
- «неопределенность — это неполная информация»³³³;
- под неопределенностью понимается неопределенность (“ambiguity”), имеющая в основе амбивалентность и двусмысленность, которая отличается от понятия неопределенности “uncertainty”, рассматривающего неопределенность будущего или недостаточную информированность³³⁴. При этом ситуации, не содержащие никаких альтернатив, обозначаются термином “uncertainty”, а ситуации, в которых наличествуют несколько альтернатив, термином “ambiguity”³³⁵.

Ситуационный подход, обозначающий неопределенность посредством описания характеристик соответствующей ситуации, определяет ее следующим образом:

- неконтролируемая ситуация — субъективная невозможность управлять развитием событий, противостоять неожиданностям, предугадывать их³³⁶;

³³² См.: Thompson J.D. Organizations in action; Social science bases on administrative theory. N. Y., 1967.

³³³ Von Neumann J., Morgenstern O. Theory of games and economic behavior. Princeton, 1953. P. 186.

³³⁴ См.: Grenier S., Barrette A.M., Ladouceur R. Intolerance of uncertainty and intolerance of ambiguity: similarities and differences // Personality and Individual Differences. 2005. № 39 (3); Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека / Т.В. Корнилова, М.А. Чумакова, С.А. Корнилов и др. М., 2010.

³³⁵ См.: Clampitt P.G., Williams M.L. Managing, organizational uncertainty: Conceptualization and measurement. Paper presented at the international, communication, association conference. San Diego, CA, 2000.

³³⁶ См.: Белинская Е.П. Конструирование идентификационных структур личности в ситуации неопределенности // Трансформация идентификационных структур в современной России. М., 2001.

- ситуация, требующая выбора, приводящего к любому исходу из фиксированного множества исходов, причем вероятность его осуществления неизвестна — либо в силу отсутствия необходимой статистической информации, либо в силу нестатистичности самой ситуации³³⁷;
- ситуация смыслового абсурда, предполагающего вовлечение испытуемых в деятельность, цель которой им не известна³³⁸;
- ситуация неизвестности того, какое действие с наибольшей вероятностью сможет удовлетворить потребности³³⁹;
- ситуация неопределенности самих альтернатив (необходимость их создания субъектом) последствий осуществления выбора³⁴⁰;
- ситуация множественного выбора, преодоление которого и лежит в основе формирования центрального психологического новообразования соответствующего возрастного этапа, а именно самоопределения³⁴¹. Для К.А. Абульхановой-Славской центральным моментом активности в неопределенности является самодетерминация, понимаемая как осознанное стремление занять определенную позицию³⁴²;
- ситуация несовпадения и противоречия целого перечня актуальных психологических образований на

³³⁷ См.: Боумэн К. Основы стратегического менеджмента. М., 1997.

³³⁸ См.: Зоткин Н.В. Смыслополагание в ситуации неопределенности : дис. ... канд. психол. наук. М., 2000. С. 13.

³³⁹ См.: Ильина А.Н. Условия преодоления смысловой неопределенности в юношеском возрасте // Молодежь и наука : сб. материалов VIII Всерос. науч.-техн. конф., посвящ. 155-летию со дня рождения К.Э. Циолковского. Красноярск, 2012.

³⁴⁰ См.: Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М., 1979.

³⁴¹ См.: Кон И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М., 1984; Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб., 2000.

³⁴² См.: Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1991.

уровне субъекта³⁴³, незаданности иерархий процессов, фокусируемых динамическими регулятивными системами³⁴⁴;

- для ситуации неопределенности характерно, что в основе ее лежит проблемная ситуация, которая возникает не только при дефиците информации, но при ее избыточности. Ситуация неопределенности вызывает неоднозначную субъективную оценку восприятия информации о ней и обладает динамикой, определяемой степенью возможного ее изменения, преобразования или модификации в интервале времени, соизмеримом со временем решения задачи в этих условиях. Третьей характеристикой ситуации неопределенности является сложность, которая выражается как функция числа переменных, факторов, объектов, связей, необходимо учитываемых при решении ситуации неопределенности³⁴⁵;
- ситуация, которая характеризуется наличием неполной информации относительно происходящего здесь и сейчас в условиях необходимости принятия решения. Ситуация непредсказуемости наступления ожидаемого события во времени и связанной с ним технологии поведения. Ситуации, предполагающие неопределенность стимула и необходимость его вычленения из множества подобных³⁴⁶;

³⁴³ См.: Корнилова Т.В. Методологические проблемы психологии принятия решений // Психологический журнал. 2005. № 1.

³⁴⁴ См.: Корнилова Т.В. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов // Психологический журнал. 2013. № 34 (3).

³⁴⁵ См.: Кригер Е.Э. Ситуации неопределенности и проблемные ситуации: общее и особенное // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2.

³⁴⁶ См.: Кринчик Е.П. Психологические проблемы трудовой деятельности в условиях неопределенности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1979. № 3.

- ситуация наличия трудностей выделения вариантов и выбора между ними, сложности выполнения, дефицита времени, проблемы критериев выбора³⁴⁷;
- ситуация с неизвестными переменными; относительная неизвестность того, что будет происходить³⁴⁸;
- ситуация, которая в субъективном осознании индивида строго не детерминирована ни в способах решения, ни в искомом результате³⁴⁹; проблемная ситуация, которая в субъективном осознании может преимущественно сопрягаться с активизацией мышления и воображения³⁵⁰;
- ситуация принципиальной неизвестности будущего³⁵¹;
- ситуация отсутствия вариантов решения и поведенческих альтернатив³⁵²;
- неопределенность присутствует в ситуации, когда: 1) любая из ряда альтернатив возможна; 2) относительно конкретного момента времени неизвестно, какая альтернатива осуществится; 3) вероятности и частота альтернатив равны. Неопределенность будет возрастать с увеличением числа альтернатив и с приближением к равенству в вероятностях альтернатив. Неопре-

³⁴⁷ См.: Ларичев О.И. Многокритериальные задачи с конструируемыми вариантами решений при ограниченных ресурсах // Проблемы и методы принятия уникальных и повторяющихся решений : сб. тр. М., 1990.

³⁴⁸ См.: Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд. М., 2003.

³⁴⁹ См.: Лустина Е.А. Преодоление ситуации неопределенности в процессах мышления и воображения // Вопросы психологии. 1981. № 5. С. 123.

³⁵⁰ Там же. С. 125.

³⁵¹ См.: Лядокова Г.М. Негативные психические состояния студентов в ситуациях с неопределенным исходом. Елабуга, 2006. С. 67.

³⁵² См.: Первушина О.Н. Человек и неопределенность: на подступах к постановке проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. 2007. Т. 1. Вып. 1. С. 11.

деленность связана с неожиданными, комплексными и противоречивыми стимулами³⁵³;

- неопределенность — это ситуация, вызывающая субъективное ощущение трудности контроля³⁵⁴;
- неопределенная ситуация — это ситуация, которая не может быть адекватно структурирована или категоризована индивидом в связи с недостатком информации. Существует три типа таких ситуаций: 1) совершенно новая, в которой нет привычных знаков; 2) сложная ситуация, где есть значительное число сигналов, которые необходимо брать в расчет; или 3) противоречивая ситуация, в которой различные элементы или сигналы предполагают формирование различных структур. Иначе говоря, это ситуации, характеризующиеся новизной, сложностью или неразрешимостью³⁵⁵;
- ситуация, где нам приходится действовать с недостаточно ясной информацией или в условиях полного ее отсутствия, где наши проверенные, заученные способы мышления и действия не разрешают проблему³⁵⁶.

Неопределенность может быть типологизирована по самым разным основаниям. Так, в зависимости от состояния субъекта и объекта выделяют вероятностную, эпистемологическую и полную неопределенность; с точки зрения предсказуемости происходящих изменений отмечают гетерономную и имманентную неопределенность; в зави-

³⁵³ См.: Berlyne D.E. Structure and direction in thinking. N. Y. ; L. ; Sydney, 1966.

³⁵⁴ См.: Bordia P., Hobman E., Jones E. Uncertainty during organizational change: types, consequences, and management strategies // Journal of business and psychology. 2004. Vol. 18. № 4.

³⁵⁵ См.: Budner S. Intolerance of Ambiguity as a Personality Variable // Journal of Personality. 1962. № 30 (1).

³⁵⁶ См.: Stoycheva K. Ambiguity Tolerance in Adolescents: Its Relations to Creativity Relevant Traits // 7th Biennial Conference of the European Association for Research on Adolescence. Jena, 2000.

симости от состояния какой-либо системы во времени говорят о константной, ретроспективной и перспективной (иногда проспективной) неопределенности³⁵⁷.

Неопределенность ситуации имеет прямую связь с возможностью прогноза динамики ее развития. Степень прогнозируемости события уменьшается в случае роста неопределенности ситуации³⁵⁸. Характерными чертами, с которыми приходится сталкиваться человеку в ситуации неопределенности, являются: зависимость от событий, которые невозможно предвидеть с полной определенностью; неизвестность вероятности альтернатив; невозможность анализа и измерения со сколь угодно большой точностью; незаданность любых форм и оснований для принятия решений и выбора действий человека; вероятность того, что ситуация приведет к невыгодному исходу, проигрышу³⁵⁹. Нортон описывает неопределенность через восемь основных свойств: множественность суждений; неточность, неполнота и фрагментированность; вероятность; неструктурированность; дефицит информации; изменчивость; несовместимость и противоречивость; непонятность³⁶⁰.

В литературе выделяются как отрицательные, так и положительные аспекты неопределенности. Отмечая негативно-тревожные моменты неопределенности, в литературе утверждают:

- всякое живое существо боится неизвестности, постоянно стремится к определенности, поэтому для того,

³⁵⁷ См.: Луковицкая Е.Г. Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1998.

³⁵⁸ См.: Акчурина Е.В. Копинг-поведение при стрессе // Практика управления ДОУ. 2015. № 6 (33).

³⁵⁹ См.: Малинина Н.С. Феномен неопределенности в представлениях современной молодежи // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. Т. 3. № 4.

³⁶⁰ См.: Norton R.W. Measure of ambiguity tolerance // Journal of Personality Assessment. 1975. № 39 (6). P. 607–619.

- чтобы адаптироваться к актуальной ситуации, человеку необходимо преодолеть эту неопределенность³⁶¹;
- суть человеческого бытия — это постоянное преодоление неопределенности, незаданности любых форм и оснований для его решений и действий³⁶²;
 - неопределенность ситуации часто приводит к замешательству, растерянности при определении значения характеризующей ее информации. Следствием неопределенности ситуации является ощущение беспомощности и возрастание стрессовых реакций. Человек испытывает трудности в осуществлении оценки той или иной ситуации в условиях повышенной неопределенности³⁶³;
 - неопределенность является главной, неотъемлемой характеристикой жизни в нашем мире, в котором много неопределенности, и она абсолютна, а отрезки неопределенности — относительны³⁶⁴;
 - неопределенность выступает тем «полем» взаимодействий, на котором разворачивается активность человека, отвечающего вызовам как конкретной ситуации, так и, в более широком контексте, собственной судьбы³⁶⁵;

³⁶¹ См.: Зинченко В.П. Толерантность к неопределенности: новосты или психологическая традиция? // Вопросы психологии. 2007. № 6.

³⁶² См.: Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека / Т.В. Корнилова, М.А. Чумакова, С.А. Корнилов и др. М., 2010.

³⁶³ См.: Бодров В.А. Когнитивные процессы и психологический стресс // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 4.

³⁶⁴ См.: Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 2.

³⁶⁵ См.: Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека / Т.В. Корнилова, М.А. Чумакова, С.А. Корнилов и др. М., 2010. С. 9.

- влияние актуальной социальной неопределенности на идентичность³⁶⁶ оценивается как имеющее для последней фатальное значение, превращающее ее в «термин избыточности номер один»³⁶⁷;
- неопределенность и риск остаются неизбежным спутником человеческой деятельности. Как это ни покажется удивительным, именно в обществе неопределенность и риск все больше возрастают как количественно, так и по своим негативным последствиям³⁶⁸;
- в некоторых концепциях антропологической психиатрии когнитивная и эмоциональная непереносимость человеком двойственности (своего рода нетолерантность к неопределенности в силу жесткой фиксации на конкретном наборе ролей) рассматривается как дифференцирующий признак ряда маниакально-депрессивных психотических расстройств³⁶⁹.

Негативное отношение к неопределенности обычно связано, как отмечается, с отсутствием способности и возможности предсказывать развитие событий, что ведет к невозможности эффективного преодоления ситуации³⁷⁰,

³⁶⁶ Идентичность есть результат активного процесса, сопровождающегося ощущением человеком собственной непрерывности, тождественности и определенности вследствие принадлежности к некоторому надындивидуальному целому. См.: Белинская Е.П. Конструирование идентификационных структур личности в ситуации неопределенности // Трансформация идентификационных структур в современной России. М., 2001.

³⁶⁷ См.: Shotter J. The Ephemeral Identity: Transitory Personalities in an Era of Postmodernism. L., 1987.

³⁶⁸ См.: Рузавин Г.И. Неопределенность, вероятность и прогноз // Философский журнал. 2009. № 2 (3). С. 91.

³⁶⁹ См.: Краус Г. Новые социально-психологические концепции больных маниакально-депрессивным психозом // Вопросы психиатрии. 1996. № 6.

³⁷⁰ См.: Бодров В.А. Когнитивные процессы и психологический стресс // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 4.

с тем, что она блокирует способность человека оценить и спрогнозировать возможный исход³⁷¹. А.Л. Галкин утверждает, что состояние неопределенности возникает и длительно переживается в период перехода от одного целостного представления в организации поведения к другому целостному представлению³⁷². Кроме того, человек прогнозирует не только развитие ситуации, но и личностную цену принимаемого решения, включая оценку «кем я стану в результате такого моего выбора»³⁷³.

В.А. Кувакин и В.П. Ковалева, предприняв попытку разграничения неопределенности и неизвестности, указали, что основной аспект отличий заключается в критериях объективности и субъективности понятия. По их мнению, неопределенность подразумевает нечто объективно неопределенное, связанное с мироустройством³⁷⁴. Т.В. Чумакова считает, что преодоление неопределенности представляет собой акты выбора как этапы интеллектуальных стратегий человека, проявляющихся во взаимодействии познавательных (мыслительных, когнитивных) и личностных (субъективных, смысловых) регуляторов³⁷⁵. По мнению Л.И. Анцыферовой, используемые человеком стратегии, направленные на разрешение ситуации

³⁷¹ См.: Корнев К.И. Специфика копинга в условиях неопределенности // Человек в условиях неопределенности : сб. материалов Всерос. конф. (Новосибирск, 18–19 мая 2006 г.). Новосибирск, 2006.

³⁷² См.: Галкин А.Л. Состояния неопределенности и вдохновения в творческом поведении человека // Человек в условиях неопределенности : сб. материалов Всерос. конф. (Новосибирск, 18–19 мая 2006 г.). Новосибирск, 2006.

³⁷³ См.: Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40.

³⁷⁴ См.: Кувакин В.А., Ковалева В.П. Неизвестность. М., 2006.

³⁷⁵ См.: Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека / Т.В. Корнилова, М.А. Чумакова, С.А. Корнилов и др. М., 2010.

неопределенности, зависят от работы субъективного механизма когнитивного оценивания. При этом под когнитивным оцениванием понимается «процесс распознавания особенностей ситуации, выявление негативных и позитивных ее сторон, определение смысла и значения происходящего»³⁷⁶. Е.Г. Луковицкая утверждает, что в «случае осознания неопределенности она может переживаться человеком как приятная в парателическом состоянии (ориентация на переживания низкой значимости и высокой интенсивности) и как неприятная в телическом (ориентация на переживания высокой значимости и низкой интенсивности)»³⁷⁷.

Подчеркивая субъективный характер восприятия неопределенности, Е.Т. Соколова выделяет четыре негативных и одну позитивную реакцию на ситуации неопределенности. К негативным типам реакции она относит непереносимую тревогу, ощущения противоречивости и запутанности, отсутствие доступа к внутренним ресурсам Я, маниакальные состояния и отсутствие сдерживающих нормативов. К позитивному типу относится переживание любопытства, азарта и радости³⁷⁸.

Указывая на позитивные аспекты неопределенности:

- А. Бадью ввел понятие «готовность к событию», которая описывает позицию открытости к новым возможностям и неопределенности³⁷⁹;

³⁷⁶ Анцыферова Л.И. Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия // Психологический журнал. 1993. № 2. С. 7.

³⁷⁷ Луковицкая Е.Г. Феномен неопределенности в психологии // Психология: итоги и перспективы : тез. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 28–31 октября 1996 г.). / под общ. ред. А.А. Крылова. СПб., 1996. С. 32–33.

³⁷⁸ См.: Соколова Е.Т. Клиническая психология утраты Я. М., 2015.

³⁷⁹ См.: Бадью А. Философия и событие. М., 2013.

- Е.А. Белорусова пришла к выводу, что ситуация неопределенности становится источником развития личности посредством когнитивной оценки положительных сторон ситуации, через необходимость найти большее количество решений, чем это возможно³⁸⁰;
- К. Вульф подчеркнул, что «неопределенность является определяющим элементом культуры. Условием для создания человеком какого-либо продукта деятельности, в том числе и творческой... Неопределенность является неотъемлемым условием свободной, продуктивной и счастливой жизни человека»³⁸¹;
- С. Мадди в рамках своей теории жизнестойкости выделил готовность действовать в неопределенных ситуациях как необходимый компонент поддержания психического здоровья³⁸²;
- П.В. Симонов характеризует неопределенность как стимул к развитию и указывает, что неопределенность ситуации способна вызвать у человека положительные эмоции. По его мнению, «стремление к повторному переживанию положительных эмоций вынуждает живые системы активно искать неудовлетворенные потребности и ситуацию неопределенности»³⁸³;
- Г. Хофшted определил толерантное отношение к неопределенности как одно из свойств, определяющих культуру. Он считает, что культуры, стремящиеся избежать неопределенности, пытаются минимизировать

³⁸⁰ См.: Белорусова Е.А. Ситуация неопределенности как источник развития личности // Молодой ученый. 2018. № 50 (236).

³⁸¹ Вульф К. Вместо предисловия: неопределенность как условие человеческой жизни // Неопределенность как вызов. Медиа. Антропология. Эстетика / под ред. К. Вульф, В. Савчук. СПб., 2013. С. 5–6.

³⁸² См.: Мадди С. Смыслообразование в процессах принятия решения // Психологический журнал. 2005. № 26 (6). С. 87–101.

³⁸³ Симонов П.В. Эмоциональный мозг. М., 1981. С. 63.

вероятность таких ситуаций, создавая строгие законы и правила, меры безопасности и защиты. В противоположном типе культуры, толерантной к неопределенности, люди более терпимы к взглядам, отличным от их собственных или тех, к которым они привыкли³⁸⁴. При этом толерантность к неопределенности означает готовность субъекта принимать решения в условиях неопределенности, противоречивости, новизны ситуации, неполноты информации, неизвестности последствий выбора³⁸⁵.

К причинам социальной неопределенности Т.И. Яковук относит стремительный отход от ценностей прошлых поколений, переход от ценностей должностования к инструментальным ценностям достижимости и саморазвития³⁸⁶. Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриева справедливо отмечают, что современный мир эпизодичен, непостоянен, условен и случаен. То, что сегодня принято считать безусловно «правильным», завтра может оказаться «неправильным». Психологическое содержание значений, декларируемых истин, правил, положений, регламентированных активностей оказывается неполным, незавершенным, двойственным. Сущность этих феноменов изменяется уже с начала их возникновения и тем более применения в реальной жизни³⁸⁷.

³⁸⁴ См.: Hofstede G. *Culture's Consequences*. Sage, 1980.

³⁸⁵ См.: Frenkel-Brunswick E. *Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable* // *Journal of Personality*. 1949. 11(1).

³⁸⁶ См.: Яковук Т.И. *Фактор неопределенности в социокультурной регуляции духовной жизни молодежи* : дис. ... д-ра социол. наук. М., 2006.

³⁸⁷ См.: Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. *Homo Postmodernus. Психологические и психические нарушения в постмодернистском мире*. Новосибирск, 2009.

3.6.3. Тактики, приемы и способы групповой индоктринации

В процессе групповой индоктринации обычно применяются следующие речевые тактики:

1) тактика синкопирования, в которой обосновываемый тезис присутствует имплицитно в сложноподчиненном предложении условия и эксплицируется дедуктивно или индуктивно. Здесь может применяться амплификация, т. е. ряд повторяющихся речевых конструкций или слов, усиливающих какое-либо определение или утверждение. Разновидностями амплификации являются плеоназм и градация. Если первый предполагает употребление слов, дублирующих значения друг друга, то вторая представляет собой цепь однородных членов предложения, имеющих общее значение и расположенных в порядке нарастания (климакс) или убывания (антиклимакс) этого значения³⁸⁸;

2) тактика одностороннего аргументирования, включающая в себя только аргументы «за»;

3) тактика амортизации, направленная на видимое согласие (частичное согласие или согласие с частью утверждения), после которого обычно следует опровержение позиции оппонента;

4) тактика рефрейминга, которая заключается в «оборачивании» негативного в позитивное, т. е. аргументы «против» оцениваются как позитивные³⁸⁹.

³⁸⁸ См.: Литературная энциклопедия : в 11 т. Т. 1 / отв. ред. В.М. Фриче. М., 1930; Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М., 2001; Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост.: Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М., 1974; Чернец Л.В., Семёнов В.Б., Скиба В.А. Школьный словарь литературоведческих терминов. М., 2007.

³⁸⁹ Подробнее см.: Мкртычян С.В. Речевые тактики аргументирования в устном деловом межличностном дискурсе // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2007. № 9.

Способы речевого воздействия, которые нередко применяются при взаимодействии с индивидуальной языковой личностью (убеждение, уговаривание, клянчение, внушение, просьба), в групповой индоктринации могут дополняться:

- принуждением, под которым понимается основанное на грубом нажиме (вербальной агрессии, апелляции к тяжелым последствиям для собеседника либо на прямой демонстрации грубой силы, угрозах) побуждение членов группы сделать что-либо против их воли;
- приказом, который определяется как побуждение членов группы выполнить что-либо в силу их зависимого должностного, социального и т. д. положения без какого-либо объяснения или мотивировки распоряжения³⁹⁰.

В процессе индоктринации групповой языковой личности законодателя намеренно допускаются следующие ошибки и софизмы³⁹¹, полная классификация которых предложена С.И. Поварниным³⁹²:

1. *Ошибки в тезисе*, которые являются нарушением логического закона тождества: «Любая мысль в процессе данного рассуждения должна сохранять одно и то же содержание или смысл, сколько бы раз она ни повторялась». Эта ошибка существует в двух разновидностях: (1) отступ-

³⁹⁰ Подробнее о способах речевого воздействия см.: Стернин И.А. Практическая риторика. М., 2005. С. 11–12.

³⁹¹ О софизмах см.: Билык А.М., Билык Я.М. К вопросу о проблемной технике софизма (ее связь с современным пониманием научной проблемы) // Философские науки. 1989. № 2; Брутян Г. Паралогизм, софизм и парадокс // Вопросы философии. 1959. № 1; Лисанюк Е.Н. Софистика — это не аргументация // СХОЛН. 2014. № 8 (2); Павлюкевич В.В. Логико-методологический статус софизмов // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке. СПб., 2002. С. 97–98.

³⁹² См.: Поварнин С. Спор: о теории и практике спора. Минск, 1992. С. 24–45.

ление от тезиса, при котором необходимо доказывать один тезис, а на самом деле доказывается другой; (2) подмена тезиса, основанная на смешении значений слов, сужении или расширении объема понятий.

2. *Ошибки в аргументах*, которые являются следствием нарушения закона достаточного основания: любая мысль должна быть обоснована другими мыслями, истинность которых доказана ранее. В соответствии с этим законом:

(1) аргументы должны быть достоверными. Не соблюдающий это допускает следующие ошибки: «основное заблуждение», где доказывающий использует в качестве основного аргумента заведомо ложное положение, ссылаясь на несуществующие документы, приказы, исследования и надеясь, что никто этого не заметит; «предвосхищение основания», где в качестве основания используются аргументы и доводы в виде недоказанных, т. е. гипотетических, положений;

(2) аргументы должны быть достаточными и находиться на своем месте. Если нарушается данное правило, то возникают логические ошибки: (а) «мнимое следствие», при котором аргументы истинны, достоверны, но не достаточны для обоснования тезиса. Примером «мнимого следствия» является заблуждение в том, что количеством аргументов обеспечивается их достаточность; (б) «прыжок к заключению», при котором связи между аргументами и тезисами логически не обоснованы, не имеют явного характера, не являются очевидными для всех, т. е. логически неизбежными;

(3) аргументы должны быть доказаны самостоятельно, т. е. независимо от тезиса. Нарушение этого правила ведет к ошибке: «круг в доказательстве», где одно неизвестное объясняется через само себя или через другое неизвестное³⁹³.

³⁹³ См.: Панкратов В.Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация : практ. руководство. М., 2001.

3. *Ошибки в рассуждении*, сущность которых весьма емко охарактеризовал А.И. Уемов: «Существуют рассуждения, в которых сознательно допущена логическая ошибка, и отношения между мыслями при этом устанавливаются так, чтобы эту ошибку трудно было заметить. С помощью таких рассуждений обосновывается истинность заведомо ложных утверждений. При этом неправильному рассуждению так тонко придается видимость правильного, что различие между правильным и неправильным становится незаметным. Такие рассуждения называются софизмами»³⁹⁴. Главная коммуникативная цель индоктринации — убедить аудиторию в том, что мнение адресанта является правильным, «чтобы мысли автора были приняты в концептуальную картину мира читателя, слушателя, зрителя»³⁹⁵. Для этого широко используются оценочные слова, которые побуждают индоктринуемых испытывать определенные чувства и вызывают необходимое говорящему отношение к соответствующему явлению или событию, реализуя таким образом определенные иллокутивные акты³⁹⁶, что «в случае коммуника-

³⁹⁴ Уемов А.И. Логические ошибки. М., 1957. С. 12.

³⁹⁵ Иванова К.А. Лексические средства интенсификации оценочного значения в информационно-аналитических интернет-текстах // Коммуникативные исследования. 2015. № 1 (3). С. 89.

³⁹⁶ Локутивный акт — этап лингвистического выражения, т. е. непосредственно произнесение высказывания с помощью языковых средств. Иллокутивный акт — прагматический компонент смысла высказывания, отражающий коммуникативную цель говорящего. Перлокутивный акт служит намеренному воздействию на адресата, достижению какого-то результата. См.: Арутюнова Н.Д. Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993; Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. 17; Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985; Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. 17.

тивной удачи вызывает соответствующий перлокутивный эффект»³⁹⁷. При этом, ориентируясь на малокультурного или недостаточно образованного адресата, нередко намеренно занижают стиль текста или речи. Используя элементы разговорной речи, с индоктринируемыми разговаривают «простым языком», что в итоге должно привлечь большую аудиторию³⁹⁸.

3.6.4. Последствия индоктринации

Понимание законодательного текста должно быть основано на «высоком уровне критического мышления, которое зависит от логики, подготовки и самосознания»³⁹⁹. В первую очередь необходимо «осознавать процессы, порождающие смыслы и создающие содержание сообщений, и наполнять их реалистичным чувством непосредственности при общении»⁴⁰⁰. Кроме того, следует обладать способностью распознавать различия между «сообщаемой конкретной информацией, знаниями, передаваемыми автором, и дополнительными ценностями, прагматикой сообщения, приписываемыми ему»⁴⁰¹.

Если этого не происходит, то появляются «плохие» законы, к числу которых в литературе относят:

- законы, принимаемые вне реальных публичных интересов;
- законы, в которых происходит путаница в использовании демократических принципов;

³⁹⁷ Стаценко А.С. Эмоционально-оценочная лексика как средство реализации речевой интенции. М., 2011. С. 40.

³⁹⁸ См.: Гордиенко В.А. Формирование общего сленга в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Киев, 2006.

³⁹⁹ Gaines E. Media Literacy and Semiotics. N. Y., 2010. P. 68.

⁴⁰⁰ Ibid. P. 23.

⁴⁰¹ Ibid. P. 32.

- «скупые» законы, вносящие мало нового в регулирование общественных отношений и практически не действующие;
- законы, принятие которых искусственно опережает появление тех или иных социальных условий;
- «краткие» законы, оставляющие «пустоты» в правовом регулировании⁴⁰².

Ю.А. Тихомиров называет «плохие» законы «слабыми» и понимает под ними «законы, принимаемые без учета реальных публичных интересов, законы, допускающие произвольные отступления от демократических принципов власти и управления, законы, вносящие мало новых моментов в регулирование общественных процессов, бездействующие законы, законы, искусственно опережающие появление реальных социальных условий, наконец, “скупые”, “краткие” законы, оставляющие пробелы и юридические “пустоты”»⁴⁰³.

И.А. Кибак и Р.К. Надеев говорят уже о наличии «мертвых» законов. При этом если первый под «мертвыми» законами понимает такие, «которые приняты Парламентом... но в полной мере не работают»⁴⁰⁴, то второй — законы, содержащие «многочисленные законотворческие ошибки», которые приняты «чуть ли не “с голоса”, в спешке, из популистских интересов или под давлением авторитетных политических деятелей»⁴⁰⁵.

⁴⁰² См.: Иванюк О.А. Качество закона и проблемы юридической техники // Журнал российского права. 2008. № 2 (134). С. 152.

⁴⁰³ Тихомиров Ю.А. Юридическое проектирование: критерии и ошибки // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 4.

⁴⁰⁴ Кибак И.А. Психолого-правовые ошибки в законотворческой деятельности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. № 3 (5). С. 67.

⁴⁰⁵ Надеев Р.К. Законотворческие ошибки // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 21.

Проблема низкого качества законов обсуждается с появлением самих законов, примером чего могут служить:

а) фрагмент диалога между Сократом и Гиппием, описанный Платоном:

«С о к р а т. Как ты скажешь, Гиппий, вред или польза для государства закон?

Г и п п и й. Устанавливается закон, я думаю, ради пользы: иногда же он приносит и вред, когда его плохо установили»⁴⁰⁶;

б) требования к качеству закона, своеобразно сформулированные Петром I: «Все прожекты зело исправны должны быть, дабы казну изрядно не разорять и отечеству ущерба не чинить. Кто прожекты будет абы как ляпать, того чина лишу и кнутом драть велю — в назидание потомкам»⁴⁰⁷;

в) высказывание М.И. Калинина, что «умение хорошо писать законы — это отличное качество, редкое и очень трудное»⁴⁰⁸;

г) констатация аппаратом Государственной думы РФ того, что «увеличивается количество непрофессионального использования терминологии, плохо проработанных, половинчатых юридических конструкций»⁴⁰⁹.

Критикуя низкое качество законов, ряд правоведов отмечают возрастание в современных условиях правовых рисков (правовой «беспредел», отсутствие правовой идео-

⁴⁰⁶ Платон. Законы // Собр. соч. : в 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 390.

⁴⁰⁷ Цит. по: Цховребова М.К. Законодательная техника как фактор внутреннего развития правовых актов // Вестник Владикавказского научного центра. 2009. Т. 9. № 3. С. 25.

⁴⁰⁸ Калинин М.И. О социалистической законности. М., 1959. С. 69.

⁴⁰⁹ Состояние, проблемы и развитие правовой системы Российской Федерации в период 2013–2014 годов в отдельных отраслях законодательства / под общ. ред. В.Н. Плигина. М., 2015. С. 6.

логии, правовая фальсификация), трансформирующих правовые институты, что ведет к правовой экспансии в силу деструкции правосознания⁴¹⁰. Так, правовая фальсификация может быть осуществлена под видом «унификации и гармонизации» норм путем принудительной рецепции, навязывающей европейские стандарты. В результате подмены толкования дефиниций и размывания отраслевых разграничений проявляет себя внутриотраслевая экспансия, например фискализация норм пресечения вместо исправительных мер⁴¹¹.

Помимо появления «плохих», «мертвых», некачественных законов следствием индоктринации групповых языковых личностей может являться индоктринация сначала совокупной языковой личности законодателя, а затем и населения. Под индоктринацией населения понимается «насыщение определенным, удобным и выгодным правительству или политической организации содержанием массового сознания населения страны в социальном, идеологическом, политическом и психологическом

⁴¹⁰ См.: Карташов В.Н. Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. Ярославль, 2006; Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. Правовая ментальность в национально-культурном пространстве: особенности эпохи преобразований (церковный раскол XVII в.) // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 4; Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. Правовой менталитет как основание исследования национального права и публично-властной организации в XXI веке // Политические науки. АНИ: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 4 (17); Скоробогатов А.В. Правовые заимствования как средство совершенствования национальной правовой системы // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. № 1 (45); Сокольская Л.В. Рецепция как историческая форма правовой аккультурации // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8.

⁴¹¹ См.: Люлюкин В.В. Подходы понимания социального эффекта правовых институтов // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11.

планах в форме системы убеждений, образов, установок, стереотипов»⁴¹².

Настоящую главу хотелось бы закончить верным замечанием В.Г. Голубцова о том, что эффективное исполнение законов в существенной степени зависит от того, насколько грамотно, доступно и объективно сформулирован законодательный текст и в какой мере юридические термины, задействованные в нем, отражают законодательный замысел⁴¹³.

⁴¹² См.: Егорова-Гантман Е., Плешаков К. Политическая реклама. М., 1999.

⁴¹³ См.: Голубцов В.Г. Реформа обязательственного права: теоретический и практический эффект состоявшихся изменений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 3.

Глава 4

Совокупная языковая личность законодателя

4.1. ПОНЯТИЕ СОВОКУПНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЯ И ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ЕЕ ТИПЫ МЫШЛЕНИЯ

Совокупную языковую личность законодателя мы рассматриваем как включающий всех членов парламента коллектив, результатом речевой и текстовой деятельности которого являются вступившие в силу законодательные акты. Это связано с тем, что «картина мира индивида или коллектива непременно получает языковую реализацию и опредмечивается в виде отдельных текстов»¹. При этом «каждый народ по-своему расчленяет многообразие мира, по-своему нарезает и делит его»².

Совокупная языковая личность законодателя выступает как единый носитель языка закона (некая моделируемая сущность, научная абстракция), объективированный в текстах законодательных актов. Истоки таких взглядов можно найти у Н.С. Трубецкого, который рассматривает философское понятие личности в единстве и противоположности двух его сторон — «частночеловеческой» и «многочеловеческой» (частнонародной и многонародной),

¹ Шевченко О.Н. Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б.В. Заходера) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. С. 3.

² Ортега-и-Гассет Х. Нищета и блеск перевода // Что такое философия? М., 1991. С. 247.

«симфонической» личности³. По В.В. Виноградову, основные принципы изучения языковой личности включают опору на тексты, созданные языковой личностью, и учет включенности языковой личности в различные «коллективные субъекты»⁴.

Совокупная языковая личность законодателя «представляет собой дискурсивно-текстовый феномен. В процессе осуществления ею дискурсивной деятельности в текстах как “следах” дискурса актуализируются как надындивидуальные, так и индивидуальные черты личности»⁵. В.Е. Чернявская справедливо отмечает, что сегодня наибольшим эвристическим потенциалом обладает модель текста, опирающаяся на понятие дискурса как коммуникативно-прагматическую стратегию текстообразования, которая манифестирует отношение содержания высказывания и действительности, субъектные позиции и модальности высказывания⁶. Особая значимость законодательного текста связана с тем, что в нем «различие терминологии, — как справедливо отмечал К. Маркс, — является далеко не безразличным, ибо оно решает тысячи человеческих судеб»⁷.

Выделение совокупной языковой личности законодателя особенно важно потому, что отношения говорящий (коллективное лицо законодателя) — адресат-читатель яв-

³ См.: Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания // Вавилонская башня-2. Слово. Текст. Культура. Чтения 2002–2003. М., 2003. С. 7–12.

⁴ См.: Виноградов В.В. О художественной прозе. М.; Л., 1930.

⁵ Цуциева М.Г. К вопросу о синкретизме языковой личности политика // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2015. Вып. 1. С. 176.

⁶ См.: Чернявская В.Е. От анализа текста к анализу дискурса // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования : сб. науч. ст. Рязань, 2002. С. 230–232.

⁷ Маркс К. Население, преступность и пауперизм // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1959. С. 516.

ляются вместе с тем отношениями между двумя сторонами, представленными в Законе: говорящий представляет государство, читатель — гражданина, исполнителя Закона. Поведение исполнителя программируется неукоснительной категоричностью модальных слов «подлежит», «обязаны». «Типична лаконичная конструкция фразы, где комплекс обязательных действий двух агентов по отношению к объекту... сформулирован как модальное свойство объекта...»⁸. Поэтому парламентарии, «если они заинтересованы в том, чтобы тексты закона достигали сознания адресата — законопослушного гражданина, должны иметь сведения о реальном функционировании юридических терминов и текстов в ментальном пространстве общества, устроенного не по предписаниям законодателя, а по общим законам функционирования естественного языка»⁹.

Для достижения взаимопонимания между создателем законодательных текстов и теми, кому они адресованы, необходимо, чтобы эти субъекты обладали общей когнитивной базой, формируемой «инвариантными образами сознания относительно тех или иных явлений, позволяющих языковой личности ориентироваться в пространстве той или иной национальной культуры»¹⁰. В литературе справедливо отмечается:

- «текст нормативного акта должен быть понятен каждому субъекту правоотношений. В выполнении данного требования проявляется, прежде всего, правовая

⁸ Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. С. 348.

⁹ См.: Воробьева М.Е. Функционирование юридических терминов в обыденном сознании носителей русского языка // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 3 (47). С. 175.

¹⁰ См.: Долбунова Л.А. Тезаурус языковой личности переводчика в аспекте межкультурной коммуникации // Традиции и новаторство в гуманитарных исследованиях : сб. науч. тр. Саранск, 2002.

культура нормодателя, его умение формулировать нормы права»¹¹;

- «техническое несовершенство права не есть лишь частичное несовершенство, не есть пренебрежение отдельной стороной права. Техническое несовершенство представляет собой несовершенство всего права, недостаток, тормозящий право и вредящий ему во всех его целях и задачах»¹²;
- «едва ли будет преувеличением сказать, что точность законодательного текста отнюдь не менее, а скорее более важна, чем даже в сфере точных наук»¹³;
- «вряд ли можно назвать какую-нибудь иную область общественной практики, где текстуальные выражения, неверное или неуместное слово способны повлечь за собой такие тяжелые, иногда даже трагические последствия, как в области законотворчества»¹⁴;
- «чем неопределеннее и растяжимее смысл... соответствующих представлений... тем более... многочисленные и вредные конфликты оно способно порождать»¹⁵;
- «неточность словесного воплощения нормы, расплывчатость и отсутствие единообразных понятий и терминов может привести к неправильному пониманию и применению закона, к возможности отхода от его буквального смысла, а это может оказать прямое влияние на судьбы людей, производственную деятельность предприятий и коммерческих фирм, интересы государства и общества в целом»¹⁶;

¹¹ Борисов Г.А. Теория государства и права. Белгород, 2007. С. 122.

¹² Иеринг Р., фон. Юридическая техника. М., 2008. С. 32.

¹³ Керимов Д.А. Законодательная техника. М., 2000. С. 68.

¹⁴ Керимов Д.А. Культура и техника законотворчества. М., 1991. С. 89.

¹⁵ Петражицкий Л.И. Общая теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 151.

¹⁶ Тихомиров Ю.А. Как готовить законы. М., 1992. С. 32–33.

- использование при разработке закона специальной терминологии предполагает однозначность используемых терминов, их одинаковый смысл во всех нормативно-правовых актах. В противном случае отсутствовала бы возможность единообразного понимания и толкования законодательства¹⁷.

Если проанализировать законодательные акты, ставшие результатом деятельности совокупной языковой личности законодателя, то можно сделать выводы о соответствующем типе мышления, который преобладал при разработке того или иного закона или его фрагмента. Проведенное исследование позволяет утверждать, что мышление законодателя, объективируемое в особенностях конкретного законодательного текста, может быть:

1. *Амбивалентным и скачкообразным*, т. е. характеризующимся одновременным возникновением и сосуществованием противоположных, противоречащих друг другу по содержанию идей и положений, что обусловлено постоянной сменой целей мыслительного процесса в связи с неустойчивостью внимания и изменчивостью установок.

Например, центральный депозитарий в одном законе признан некредитной финансовой организацией¹⁸, а в другом — небанковской кредитной организацией¹⁹. Получается, что центральный депозитарий одновременно является кредитной и некредитной организацией, что противоречит одному из фундаментальных законов ло-

¹⁷ См.: Чухвичев Д.В. Логика, стиль и язык закона // Право и политика. 2005. № 2.

¹⁸ См. п. 8 ч. 1 ст. 76.1 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)».

¹⁹ См. ст. 2 Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 414-ФЗ «О центральном депозитарии».

гики²⁰. Амбивалентность мышления законодателя является настолько распространенным явлением, что это послужило основанием для возникновения специальной научной дисциплины — коллизионного права²¹.

2. *Аутичным и разорванным*, другими словами, опирающимся не на факты реальной жизни, а на переживания, обусловленные внутренним миром совокупной языковой личности, ее субъективными установками и фантазиями, характеризующимся нарушением логических связей между отдельными представлениями и ассоциациями, их скачкообразностью, соединением разнородных, не связанных общим смыслом высказываний, разрывом мыслей, выдумыванием несуществующих ситуаций.

В качестве примера в данном случае можно привести положения ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей

²⁰ Подробнее об этом см.: Комментарий к Федеральному закону от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» / И.О. Антроповцева, О.А. Тарасенко, Е.Г. Хоменко и др. М., 2012; Петров Д.А. Государственное регулирование и саморегулирование на финансовом рынке: проблемы соотношения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 8; Тарасенко О.А. Центральный контрагент: новеллы правового статуса // Право и экономика. 2016. № 3.

²¹ См.: Аленина И.В. Коллизии в трудовом праве : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2000; Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск, 1984; Денисенко В.В. Коллизии правовых актов и способы их разрешения (теоретико-правовой аспект). Воронеж, 2005; Звеков В.П. Коллизии законов в международном частном праве. М., 2007; Кожухарь Д.В. Конкуренция правовых норм, регулирующих правоотношения по поводу жилища : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010; Марченко М.Н., Прокофьев С.Г. Коллизионное право: комплексный анализ и концепция // Журнал российского права. 2000. № 10; Сеница И.В. Коллизии в российском праве: на примере норм гражданского и налогового права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; Стародубцева И.А. Коллизионные отношения как разновидность конституционно-правовых отношений. Воронеж, 2016; Тихомиров Ю.А. Коллизионное право. М., 2000 и мн. др.

финансовых услуг», где под потребителем финансовых услуг, помимо прочего, понимается физическое лицо, не являющееся стороной договора с финансовой организацией, или лицом, в пользу которого заключен договор между другим лицом и финансовой организацией, которому, несмотря на это, финансовая организация оказывает финансовую услугу в целях, не связанных с осуществлением этим физическим лицом предпринимательской деятельности. Таких физических лиц в реальной действительности не существует, так как финансовым организациям строгойше запрещено оказывать финансовые услуги без заключения какого-либо договора²².

3. *Аффективным* — использующим суждения и умозаключения, основывающиеся не на логических посылках и реальных обстоятельствах, а на преобладающих в данный момент эмоциях и желаниях.

Пример подобного мышления предоставляют положения Закона № 123-ФЗ, в соответствии со ст. 6 которого Служба финансового уполномоченного состоит: 1) из главного финансового уполномоченного и финансовых уполномоченных в сферах финансовых услуг; 2) Совета Службы; 3) службы обеспечения деятельности финансового уполномоченного; 4) экспертного совета Службы. Прочитав это в начале закона, правоприменитель обоснованно будет ожидать в дальнейшем положений, определяющих правовой статус названных субъектов. Однако, скрупулезно изучив названный закон, он с удивлением обнаружит, что никаких положений, определяющих, что

²² Подробнее см.: Викулин А.Ю. Начала теории законодательных дефектов. М., 2019. С. 176–183; Викулин А.Ю. Основы законодательной дефектологии. Часть первая: Введение. М., 2019; Викулин А.Ю. Основы законодательной дефектологии. Часть вторая: Общие положения законодательства и их дефекты. Том 1. М., 2020; Викулин А.Ю. Основы законодательной дефектологии. Часть вторая: Общие положения законодательства и их дефекты. Том 2. М., 2020.

такое Служба финансового уполномоченного (лицо, орган либо что-то иное) и каково ее место в системе государственных или общественных органов и организаций либо юридических или иных лиц Российской Федерации, Закон № 123-ФЗ не содержит.

Анализ содержащегося в Законе № 123-ФЗ определения понятия «Служба финансового уполномоченного» позволяет утверждать, что это особого рода семантический самодескриптивный парадокс²³, связанный с самореференцией (самоотносимостью), т. е. явлением, которое возникает в системах высказываний в тех случаях, когда некое понятие ссылается само на себя. Иначе говоря, понятие «Служба финансового уполномоченного» является одновременно самой функцией и аргументом этой функции.

Можно сколько угодно долго исследовать сущностные характеристики элементов, составляющих множество «Служба финансового уполномоченного», однако при попытке выйти за границы этого множества мы неизбежно столкнемся с проблемой отсутствия возможности установить место этой Службы в системе органов, организаций и (или) лиц России. Это заставит нас исследовать связи и отношения Службы с Президентом, Правительством, Банком России и иными субъектами, но и здесь мы окажемся в тупике противоречия между исследуемыми социальными связями и устойчивыми правилами, основанными на отождествимости субъектов, явлений и событий. В аналогичной ситуации мы окажемся, если предпримем попытку определить правовой статус главного финансового уполномоченного, финансовых уполномоченных в сферах финансовых услуг, Совета Службы, экспертного совета Службы.

²³ Подробнее об этом см.: Ивин А.А. Логика. М., 2002. С. 324–325; Grelling K., Nelson L. Bemerkungen zu den Paradoxien von Russell und Burali-Forti // Abhandlungen der Fries'schen Schule II. Göttingen, 1908; Nelson L. Gesammelte Schriften III. Die kritische Methode in ihrer Bedeutung für die Wissenschaften. Hamburg, 1974. S. 95–127.

Рассматриваемые лица являются гетерологическими понятиями, т. е. представляют собой сущности, которые описывают себя через себя же. В социальной антропологии гетерология нерасторжимо связывается с концепцией гомогенного и гетерогенного общества. Гомогенность означает соизмеримость элементов и осознанность этой соизмеримости и выражается в сведении всех социальных связей к устойчивым правилам. Гетерогенность указывает на существование элементов, не поддающихся ассимиляции и подрывающих самоидентичность и устойчивость гомогенного общества.

Гетерогенная реальность мыслится как реальность «силового или шокового порядка». Гетерогенный мир включает в себя всю совокупность результатов «непроизводительной растраты», т. е. все то, что гомогенное общество отвергает либо как отходы, либо как трансцендентную ему высшую ценность. Гетерогенные элементы, как правило, провоцируют «аффективные реакции различной интенсивности» и вызывают безумие, неумеренность, иступленность, буйство, проявляющиеся в деятельности, направленной на разрушение законов гомогенного общества, в то время как гомогенная реальность предстает в абстрактном и нейтральном облике строго определенного и самоидентичного общества, гетерогенная реальность — это реальность силы и шока²⁴.

²⁴ Подробнее об этом см.: Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. М., 1998; Батай Ж. Внутренний опыт. СПб., 1997; Бодрийар Ж. Прозрачность зла. М., 2000; Бодрийар Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006; Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома // *Silentium* : лит.-филос. альманах. СПб., 1992. Вып. 2; Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998; Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000; Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000; Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб., 1998; Левинас Э. Избранные сочинения : в 2 т. М. ; СПб., 2000; Нанси Ж.Л. Бытие единичное множественное. Минск, 2004; Гутов Е.В. Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995.

Если мы воспримем Закон № 123-ФЗ как инструкцию по определению статуса Службы финансового уполномоченного или составляющих ее элементов, то обнаружим, что перед нами парадоксальная инструкция, которая не может быть выполнена в полном объеме, так как вызывает рекурсивное заикливание, которое имеет тот же механизм, что и заикленная компьютерная программа. При попытке «пройти» через некоторый рекурсивный объект находишь в нем самого себя, снова проходишь его, и так по кругу.

Подобные смысловые конструкции не блокируются фильтрами проверки правдивости, но могут быть заблокированы фильтрами веры. Иначе говоря, нам предлагают не искать логику в положениях Закона № 123-ФЗ, а просто поверить в него, имея, видимо, в виду, что «неэффективное регулирование, имеющее место в нынешний момент времени, требует дальнейших доработок, простирающихся на какое угодно по длительности будущее. Власть как бы претендует на очередную порцию доверия к себе со стороны населения, дабы продолжать свои эксперименты столь же безнаказанно, сколь и неразумно»²⁵.

Рекурсия благодаря своей структуре располагает к размышлениям и представляет собой занятие для мозга, которым человек может заниматься, а может и не заниматься. В связи с этим рекурсия может быть описана с точки зрения теории игр. В игре деятельность часто направлена на достижение бессмысленной цели трудным путем. Например, игрок в гольф, используя особые приспособления, направляет маленький мяч в небольшое отверстие с далекого расстояния, преодолевая препятствия, умышленно созданные для того, чтобы как можно больше усложнить операцию. Это и создает обратные отношения в системе

²⁵ Кризис права: история и современность / под общ. ред. В.В. Денисова, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова. СПб., 2018. С. 120–121.

«средства — цели». Цель — загнать мяч в отверстие — выступает средством для новой цели, реальной цели — получения удовольствия от самого процесса преодоления трудностей²⁶.

В литературе приводятся и другие примеры законодательных и иных нормативных рекурсий:

- так, на взгляд Л.Ю. Василевской, трудно понять логику законодателя, использующего для договорной конструкции залога прав несколько наименований: договор залогового счета, договор залога прав по договору банковского счета. Второе предусмотренное законом наименование договора, где встречается словосочетание «договор... по договору», свидетельствует о рекурсии, не допустимой в науке логики при определении понятий²⁷;
- на необходимости установления правила, позволяющего избежать рекурсии (когда сначала сторона взыскивает судебные издержки по основному процессу, потом издержки на взыскание издержек и т. д., пока в итоге процесс взыскания не замыкается сам на себя), обоснованно настаивают Е.С. Раздьяконов, И.Н. Тарасов и С.А. Халатов²⁸;
- рекурсивная зависимость обнаружена даже в положении Банка России «Отраслевой стандарт бухгалтерского

²⁶ См.: Прибрам К. Языки мозга. Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии. М., 1975. С. 323–324; Mace C.A. Psychology and Aesthetics // British Journal of Aesthetics. 1962. Vol. 2. P. 10–11.

²⁷ См.: Василевская Л.Ю. Особенности правовой конструкции залога обязательственных прав // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6.

²⁸ См.: Раздьяконов Е.С., Тарасов И.Н., Халатов С.А. Актуальные вопросы возмещения судебных издержек: комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 4.

учета операций с ценными бумагами в некредитных финансовых организациях»²⁹. Здесь амортизированная стоимость зависит от резерва, а резерв — от амортизированной стоимости. В связи с этим нужно либо убрать рекурсию, либо определить порядок расчета: что считать сначала — резерв на обесценение или амортизированную стоимость³⁰.

4. *Вязким, заторможенным и персеверативным*, т. е. определяющимся трудностью переключения с одного круга идей и представлений на другой и характеризующимся:

- уменьшением числа идей, представлений и ассоциаций, их бедностью, «кружением» вокруг одной идеи или мысли или их очень ограниченного числа, что может сопровождаться моноидеизмом (доминированием в сознании совокупной личности какого-либо одного представления или идеи);
- затруднением и замедлением мыслительного процесса с одновременным заикливанием на одной идее, мысли или представлении, постоянными возвращениями к уже сказанному и его многократному повторению.

Ярким примером подобного мышления является постепенное проникновение принудительного или обязательного труда в законодательство о кредитных историях, которое характеризуется:

- существенным увеличением количества бесплатно оказываемых услуг; расширением перечня бесплатно оказываемых услуг;

²⁹ См.: Вестник Банка России. 2015. № 103.

³⁰ См.: Информация Банка России «По вопросам применения Положения Банка России от 1 октября 2015 г. № 494-П «Отраслевой стандарт бухгалтерского учета операций с ценными бумагами в некредитных финансовых организациях»». URL: [http:// www.cbr.ru](http://www.cbr.ru)

- существенным расширением круга лиц, обязанных бесплатно оказывать услуги: сначала только бюро кредитных историй, потом бюро кредитных историй и кредитные организации, а затем все организации, поднадзорные Банку России;
- институционализацией принудительного или обязательного труда в качестве неотъемлемого элемента экономического порядка современной России и метода мобилизации и использования рабочей силы для нужд экономического развития страны³¹.

5. *Обстоятельным и инкогерентным*, при котором, несмотря на сохранность конечной цели мышления, преобладают не главные, а вторичные, сопутствующие идеи и представления, что характеризуется отсутствием способности отделить второстепенное от существенного и оперированием множеством ненужных подробностей, а также утратой последовательности мыслительного процесса, что сопровождается исчезновением логических связей между отдельными идеями и мыслями внутри представлений.

³¹ Подробнее об этом см.: Викулин А.Ю. Начала теории законодательных дефектов. М., 2019. С. 176–183; Викулин А.Ю. Основы законодательной дефектологии. Часть первая: Введение. М., 2019; Викулин А.Ю. Основы законодательной дефектологии. Часть вторая: Общие положения законодательства и их дефекты. Том 1. М., 2020; Викулин А.Ю. Основы законодательной дефектологии. Часть вторая: Общие положения законодательства и их дефекты. Том 2. М., 2020; Викулин А.Ю. Основы законодательной дефектологии. Часть третья: Язык закона и его дефекты. Том 2: Семантические дефекты законодательства. М., 2021; Викулин А.Ю. Принудительный труд в законодательстве современной России. М., 2021; Тосунян Г.А., Викулин А.Ю. Государственное регулирование и мораль. Том 1: Сила в правде. Некоторые признаки государственного имморализма на примере законодательства о кредитных историях. М., 2018; Тосунян Г.А., Викулин А.Ю. Эволюция принципов законодательства о кредитных историях. Общий комментарий к новому законодательству о кредитных историях. М., 2014.

Пример названного мышления предоставляет дополнение дефиниции предмета правового регулирования Федерального закона от 30 декабря 2004 года № 218-ФЗ «О кредитных историях».

Изначально предмет его регулирования определялся следующим образом: «Настоящим Федеральным законом определяются понятие и состав кредитной истории, основания, порядок формирования, хранения и использования кредитных историй, регулируется связанная с этим деятельность бюро кредитных историй, устанавливаются особенности создания, ликвидации и реорганизации бюро кредитных историй, а также принципы их взаимодействия с источниками формирования кредитной истории, заемщиками, органами государственной власти, органами местного самоуправления и Банком России».

Затем в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 189-ФЗ предмет правового регулирования был изложен в следующей редакции: «Настоящим Федеральным законом определяются понятие и состав кредитной истории, основания, порядок формирования, хранения и использования кредитных историй, регулируется связанная с этим деятельность бюро кредитных историй, устанавливаются особенности создания, ликвидации и реорганизации бюро кредитных историй, а также принципы их взаимодействия с источниками формирования кредитной истории, заемщиками, органами государственной власти, органами местного самоуправления и Центральным банком Российской Федерации, с организациями, в пользу которых вынесено вступившее в силу и не исполненное в течение 10 дней решение суда о взыскании с должника денежных сумм в связи с неисполнением им обязательств по внесению платы за жилое помещение, коммунальные услуги и услуги связи».

Как видим, к числу первоначально перечисленных лиц добавлены организации, в пользу которых вынесено

вступившее в силу и не исполненное в течение 10 дней решение суда о взыскании с должника денежных сумм в связи с неисполнением им обязательств по внесению платы за жилое помещение, коммунальные услуги и услуги связи.

На наш взгляд, обстоятельность такого подхода, выражающаяся во второстепенности и ненужности таких подробностей на уровне регулирования предмета правового регулирования закона, не может вызывать никакого сомнения. Инкогерентность этого подхода проявляется в том, что помимо организаций, указанных в ч. 2 ст. 1 Закона № 218-ФЗ, определяющей цели Закона, названы также индивидуальные предприниматели и алиментные обязательства, упоминания о которых предмет правового регулирования почему-то не содержит.

Справедливости ради следует сказать, что в последней редакции Закона № 218-ФЗ инкогерентность была в определенной степени устранена. В соответствии с Федеральным законом от 31 июля 2020 года № 302-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О кредитных историях» в части модернизации системы формирования кредитных историй» предмет правового регулирования изложен следующим образом: «Настоящим Федеральным законом определяются понятие и состав кредитной истории, основания, порядок формирования, хранения и использования кредитных историй, регулируется связанная с этим деятельность бюро кредитных историй, устанавливаются особенности создания, ликвидации и реорганизации бюро кредитных историй, а также принципы их взаимодействия с источниками формирования кредитной истории, пользователями кредитных историй, субъектами кредитных историй, органами государственной власти, органами местного самоуправления, Центральным банком Российской Федерации и иными лицами, предусмотренными настоящим Федеральным законом».

Представленная формулировка свидетельствует о том, что, избавившись от инкогерентности мышления, законодатель, тем не менее, не смог преодолеть его ненужной в данном случае обстоятельности. В связи с этим следует согласиться с О.М. Беляевой, которая полагает, что текучесть правовых понятий, их чрезмерная гибкость и мобильность определенным образом подрывают авторитет права³².

6. *Соскальзывающим*, т. е. определяющимся отклонением начавшегося мыслительного процесса с идеями определенного содержания в сторону побочных идей и мыслей, которые заменяют главные. При этом утрата логической связи может быть полной или частичной. В последнем случае остается некоторая смысловая связь начального содержания мыслей с конечной ситуацией.

Ярким примером соскальзывающего мышления является закрепление в законодательстве презумпции невиновности, многочисленные недостатки которого отмечались рядом авторов:

- В.К. Бабаева подчеркивает, что «несмотря на наличие в уголовном праве и уголовном процессе презумпции невиновности, она является маловероятной»³³;
- Р.Ф. Зайнуллова считает, что «частые изменения норм части первой НК РФ вносят некоторые противоречия в толкование понятия презумпции невиновности, установленного ст. 49 Конституции РФ, и реализацию этого принципа в нормах НК РФ. Так, если в ст. 49 Конституции РФ закреплено признание лица виновным только по решению суда в соответствии с федеральным зако-

³² См.: Беляева О.М. Оценочные понятия и категории в российском праве // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 1.

³³ Бабаев В.К. Презумпции в российском праве и юридической практике // Проблемы юридической техники / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 327.

ном, то в ст. 101 НК РФ устанавливается, что решение о привлечении налогоплательщика к ответственности выносит налоговый орган»³⁴;

- Д.И. Колосов утверждает, что по факту презумпция вины налогоплательщика представляет собой доказательственное, специальное, опровержимое и основанное на фактах высоковероятное предположение, формирующее неустойчивые причинно-следственные связи³⁵;
- А.А. Тарасов отмечает: «Органы уголовного преследования не только официально констатируют собственную презумпцию виновности в отношении подозреваемого или обвиняемого, они предлагают и суду отказаться от презумпции невиновности в отношении конкретного человека, дело которого еще судом не рассматривалось»³⁶.

Наиболее показательным является высказывание Е.В. Селиной, по мнению которой «понятие презумпции невиновности оказывается настолько разноаспектным в различной проблематике, что кому-то может прийти мысль, что оно конъюнктивно (хотя это невозможно)»³⁷. Напомним, что конъюнктивным является понятие, которое определяется взаимным наличием двух или более аспектов. Например, в экспериментах по определению понятий с использованием в качестве стимулов различ-

³⁴ Зайнуллова Р.Ф. Проблемы презумпции невиновности в налоговых правоотношениях // Современное право. 2018. № 2. С. 46.

³⁵ См.: Колосов Д.И. Философско-методологические аспекты презумпции вины налогоплательщика // Финансовое право. 2019. № 9.

³⁶ Тарасов А.А. Основания процессуального принуждения и презумпция невиновности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 39.

³⁷ Селина Е.В. Презумпция невиновности: структура и культурный код // Адвокатская практика. 2017. № 2. С. 27.

ных цветных форм конъюнктивными понятиями могут быть «красный и круглый»³⁸.

7. *Инфантильным и паралогическим*, другими словами, объединяющим несовместимые идеи, мысли и понятия, не проводящим различий между субъективными представлениями и объективными явлениями действительности и основывающимся на объединении случайных, в том числе несопоставимых явлений и фактов, что сопровождается нарушением логических связей, игнорированием фактических предпосылок и доказательств, нагромождением и смешением понятий. В качестве примера в данном случае можно привести закрепленный в ряде законов принцип сочетания единоличного и коллегиального рассмотрения гражданских дел³⁹, который сформулирован как антиномия⁴⁰.

8. *Резонерствующим*, которое характеризуется преобладанием пространных, отвлеченных, нередко малосодержательных или расплывчатых рассуждений на заданную или какую-либо произвольно выбранную общую тему. Сущность этого типа мышления состоит в том, что здесь законодатель имеет своей целью не регламентацию общественных отношений, он подчеркивает важное значение и существенный характер соответствующей деятельности или сферы правового регулирования, в связи с чем зако-

³⁸ См.: Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера. М., 2002.

³⁹ См. ст. 7 Гражданского процессуального кодекса РФ; ст. 17 Арбитражного процессуального кодекса РФ; ст. 29 Кодекса административного судопроизводства РФ.

⁴⁰ Подробнее об этом см.: Плешанов А.Г. Развитие принципов гражданского процесса в свете намечающейся реформы процессуального законодательства России // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 3; Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. М., 2008. С. 111; Фурсов Д.А. Современное понимание принципов гражданского и арбитражного процесса. М., 2009. С. 27.

нодательные положения имеют не нормативный, а общий, абстрактный и неконкретный характер и требуют дополнительной законодательной конкретизации. В литературе отмечается, что подобные нормы обычно содержат некие благие намерения, осуществление которых отложено на неопределенную перспективу⁴¹.

Появление резонерствующих норм объясняется ситуацией, когда законодатель или не знает, чего он хочет, или надеется на то, что какое-то решение созреет на практике⁴². В данном случае законодатель сознательно оставляет «вопрос открытым с целью предоставить его решение течению времени или отдавая его решение на усмотрение практических органов. Сюда же относятся случаи, когда закон содержит ссылки на какие-либо факторы (добрые нравы, практику и т. п.), а правоприменителю предоставляется право конкретизировать абстрактные понятия, употребленные в законе»⁴³.

Резонерствующее мышление связано с дефектностью соответствующих идей, рожденных на почве заблуждений, романтизма или отчаяния. Примеров этому достаточно. Одним из них является идея разделения властей, ставшая, по мнению С.А. Авакьяна, целиком и полностью сферой усмотрения Конституционного суда РФ, который дает самые разнообразные оценки актов и норм текущего законодательства на предмет их соответствия Конституции РФ⁴⁴.

⁴¹ См.: Ким Ю.В. О целеполагающих началах, паллиативах и фикциях в конституционном регулировании // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 6.

⁴² См.: Авакьян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8.

⁴³ Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. 2-е изд. М., 1996. С. 370.

⁴⁴ См.: Авакьян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8.

9. *Символическим*, т. е. оперирующим образами и понятиями, имеющими иносказательное значение, которые часто совершенно непонятны для других людей, но имеют для самой личности определенный смысл. М.А. Унковский справедливо указывает на опасность превращения закона в нечто подобное дельфийскому оракулу, издававшему неопределенные звуки и произносившему темные слова, смысл которых предоставлялось каждому толковать, как ему угодно, по формуле «понимай, как хочешь»⁴⁵.

Негативные последствия символического мышления законодателя связаны с тем, что символические нормы всегда нуждаются в толковании и требуют от толкователя самостоятельно вырабатывать доктринальное содержание конституционных принципов и ценностей, а также выбирать их применительно к конкретному случаю⁴⁶. Кроме того, присутствующие в правовой реальности символизм и декларативность норм Основного Закона подрывают правовые ожидания человека и общества в целом, уменьшают доверие народа к действиям власти, формируют приоритет неправомерного поведения, ставят вопрос о соотношении справедливости и осуществляемой государством политики⁴⁷. Следует упомянуть и о негативных моментах, которыми может сопровождаться появление в законодательстве символических принципов-идеологем. Очевидно, что своими волей, стремлением и желаниями законодатель может в политических целях признавать и внедрять принципы

⁴⁵ См.: Унковский М.А. О неясности законодательства как общественном бедствии и о ближайших путях к его устранению. СПб., 1913. С. 5–6.

⁴⁶ См.: Уваров А.А. О типологии правопонимания в решениях Конституционного суда РФ // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 5.

⁴⁷ См.: Кученев А.В. К вопросам взаимосвязи конституционного и антикоррупционного правосознания и их роль в правовой действительности // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 4. С. 44.

идеологемы, игнорируя объективные принципы⁴⁸. В.Г. Нагайцев в качестве примера приводит «нормы-идеологемы о безусловном примате личности над государством, которые реализованы законодателем в системе процессуальных норм-целеуказаний подраздела III ГПК»⁴⁹.

Интересным представляется вопрос о восприятии обществом совокупной языковой личности законодателя как представителя власти. В целом концептуальные подходы к интерпретации политической власти можно поделить на две группы: 1) атрибутивно-субстанциональные, трактующие власть как атрибут, субстанциональное свойство субъекта, а то и просто как самодостаточный «предмет», «вещь»; 2) реляционные, описывающие власть как социальное отношение или взаимодействие⁵⁰. При этом в большинстве дефиниций власти прослеживается ее реляционный характер: невозможно говорить о власти применительно к одному человеку или институту, власть — это всегда отношение, взаимодействие, власть кого-то над кем-то, власть есть взаимодействие между теми, у кого она есть, и теми, у кого ее нет⁵¹.

Дискурс власти включает в себя концептуальную оппозицию «власть — справедливость»⁵², «на основе которой просматривается тесная взаимосвязь данных концептов и выявляется их лингвокультурологическая обусловлен-

⁴⁸ См.: Коновалов А.В. К вопросу о понятии принципов права // *Lex russica*. 2018. № 8.

⁴⁹ Нагайцев В.Г. Производство по делам, возникающим из публичных правоотношений, — уйти, чтобы остаться // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2015. № 9. С. 55.

⁵⁰ См.: Дегтярев А.А. Политическая власть как регулятивный механизм социального общения // *Полис*. 1996. № 3. С. 115.

⁵¹ См.: Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. С. 96.

⁵² См.: Шапочкин Д.В. Концептуальное противостояние «власть» vs «справедливость» в тексте гимна «Интернационал» // *Политическая лингвистика*. 2013. № 2.

ность»⁵³. В коллективном сознании власть — это объект отчуждаемой принадлежности, который может быть объектом приобретения, передачи, утраты, а также добычи и завоевания⁵⁴.

В метафорике власти соединяются два противоречащих образа⁵⁵: она воспринимается одновременно и как *нечто созданное человеком* — помимо метафоры сооружения, весьма распространенной является метафора механизма, при помощи которой, вероятно, человек пытается представить себе процесс функционирования власти («рычаги власти», «руль власти», «пружина власти», «машина власти»); и как *нечто естественно существующее* — живое существо или явление природы («корни власти», «ветви власти», «недра власти»; «расцвет власти», «мутации власти», «перерождение власти»), при этом особенно распространенной для описания неудовлетворительного состояния дел является метафора болезни («пульс власти», «атрофия/дистрофия власти», «паралич власти», «немошь власти», «агония власти», «коллапс власти»)⁵⁶.

Исходя из изложенного, правомерен вывод о том, что общество воспринимает Федеральное собрание амбивалентно:

- с одной стороны, в глазах общества Федеральное собрание — это орган, уполномоченный на принятие законов, т. е. легитимный законодательный орган, со-

⁵³ Шапочкин Д.В. Дискурс власти: лингвокультурологический аспект // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 10. С. 118.

⁵⁴ См.: Жданова Л.А., Ревзина О.Г. Власть: языковое значение и концепт // Семантика языковых единиц : материалы Третьей межвуз. науч. конф. М., 1992. С. 44–48.

⁵⁵ См.: Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. С. 100.

⁵⁶ См.: Шапочкин Д.В. Дискурс власти: лингвокультурологический аспект // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 10. С. 120–121.

- вокупность основных претензий к которому выражена в известном словосочетании «бешеный принтер»⁵⁷;
- с другой стороны, основными характеристиками Федерального собрания как единой личности в ее отношениях с другими ветвями власти обычно являются: «перерождение власти», «атрофия (дистрофия) власти», «паралич власти», «немоть власти». Это связано с общим, может быть, не всегда обоснованным мнением населения, что все сколь-нибудь значимые решения принимаются не в Федеральном собрании, а в других местах.

4.2. ПРОФЕССИОНАЛИЗМ, КОМПЕТЕНТНОСТЬ И ЭЛИТАРНОСТЬ СОВОКУПНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЯ

В настоящее время одним из самых актуальных объектов в сфере исследования языковой личности является профессиональная языковая личность. Социальный заказ на изучение различных аспектов профессиональной коммуникации обусловлен изменением социально-экономических условий, расширением межкультурных контактов, в том числе и в различных профессиональных областях. В центре внимания ученых находятся содержание, структура, способы репрезентации профессиональ-

⁵⁷ См.: Голубева А., Дергачев В., Козлов П. «Бешеный принтер 2.0». Зачем Дума готовит новые запреты // Би-би-си. 2020. 20 ноября; В конце 2020 года Госдума вернулась в режим «бешеного принтера». Чтобы максимально усложнить жизнь оппозиции на выборах в 2021-м // Meduza. 2020. 26 дек.; Как же вы бесите: можно ли на самом деле считать нынешнюю Госдуму «взбесившимся принтером»: анализ «Ленты.ру» // Лента.ру. 2013. 22 марта и мн. др.

ной языковой личности, ее когнитивно-коммуникативная специфика⁵⁸.

В литературе справедливо отмечается, что «процесс вхождения... человека в избранную им профессию» предполагает «не только приобретение соответствующих трудовых навыков и умений, но и активное личностное становление, принятие профессии, вживание в нее»⁵⁹.

Языковая профессиональная личность как объект научного исследования является открытой системой, а это, в свою очередь, позволяет для ее анализа применить триангуляционный подход⁶⁰, последовательно используя лингвистические, психологические, социологические и иные научные концепции и теории. И.А. Бодуэн де Куртенэ, подчеркивая необходимость комплексного подхода, отмечал: «Так как язык возможен только в человеческом обществе, то, кроме психической, мы должны отмечать в нем всегда сторону социальную. Основанием языковедения должна служить не только индивидуальная психоло-

⁵⁸ См.: Елохова Г.В., Романенко Л.А. Профессиональная языковая личность будущего инженера: теоретический аспект // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4; Золотова Е.С. Особенности реализации профессиональной языковой личности в естественной письменной речи предпринимателей : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2013; Лазуренко Е.Ю., Саломатина М.С., Стернин И.А. Профессиональная коммуникативная личность. Воронеж, 2007; Харченко Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. Челябинск, 2003; Юрьева А.В. Лингвориторический идеал как фактор становления профессиональной языковой личности будущего учителя : дис. ... канд. пед. наук. Сочи, 2002; Юрьева А.В., Ворожбитова А.А. Лингвориторический идеал как фактор становления профессиональной личности будущего учителя. 3-е изд. М., 2019 и др.

⁵⁹ Артемьева Е.Ю., Вяткин Ю.Г. Психосемантические методы описания профессии // Вопросы психологии. 1986. № 3. С. 127.

⁶⁰ См.: Янчук В.А. Интегративно-эkleктический подход к анализу психологической феноменологии : словарь-справочник. Минск, 2001.

гия, но и социология»⁶¹. Важное значение для изучения профессиональной языковой личности имеет положение о том, что «личностная сторона любой деятельности — это ее субъектное начало, исследование ситуации на предмет выявления ее смысла, потребностной значимости»⁶².

Как отмечает С.П. Миронова, профессиональное сознание представителей того или иного рода деятельности проявляется на двух уровнях: первый уровень — теоретическое системообразующее сознание, которое сформировано системой научных понятий, теоретических суждений и концепций, связанных с данным ремеслом; второй уровень представляет собой обыденное сознание, выраженное в форме массовых эмпирических знаний, полученных в результате практического освоения действительности, т. е. в форме стереотипов⁶³.

Целостное представление о понятии и особенностях профессиональной языковой личности можно получить из следующих высказываний:

- по мнению Л.М. Алексеевой и С.Л. Мишлановой, профессиональная языковая личность характеризуется: 1) осуществлением трудовой деятельности в профессиональной сфере и, как следствие, социализацией; 2) социальной полифункциональностью, предполагающей владение несколькими социальными ролями, позволяющими осваивать мир с различных сторон; 3) формированием научной картины мира в процессе получения специального знания путем обучения⁶⁴;

⁶¹ Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию : в 2 т. М., 1963. Т. 2. С. 15.

⁶² Сериков В.В. Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем. М., 1999. С. 29.

⁶³ См.: Миронова С.П. Профессиональная сфера в концептуальной картине мира // Педагогический журнал Башкортостана. 2012. № 3. С. 29.

⁶⁴ См.: Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь, 2002. С. 102.

- Е.И. Голованова определяет профессиональную личность как совокупность интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств, сформированных в особой профессионально-культурной среде и отраженных в свойствах сознания, поведения и деятельности. Она отмечает, что профессиональная языковая личность раскрывается в особенностях производимых ею целостных текстов, в своеобразии принадлежащего личности профессионального дискурса, подчиненного целям и задачам профессиональной деятельности. «За любыми действиями, поступками той или иной личности, ее отношением к другим людям стоит комплекс присущих личности (а значит, и соответствующей профессиональной субкультуре) идей, ценностей, взглядов, потребностей, интересов и моральных убеждений»⁶⁵;
- по утверждению Э.В. Гафятовой, «профессиональная языковая личность конкретного профессионального сообщества типологизируется на основе единиц, отношений и стереотипов профессиональной лингвокультуры, аккумулирующих исторический пласт ценностей и стереотипов социума»⁶⁶;
- по мнению Е.В. Гуляевой, профессиональный типаж как особая разновидность обобщенных представлений о личности характеризуется определенными понятийными, образными и ценностными признаками

⁶⁵ Голованова Е.И. Профессиональная языковая личность: специфика профессиональных процессов в сфере теории и практики // *Non multum, sed multa: немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии* : сб. науч. тр. в честь В.Ф. Новодрановой. М., 2010. С. 263. См. также: Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение. М., 2011.

⁶⁶ Гафятова Э.В. Профессиональная языковая личность: к вопросу о создании типологического паспорта // *Филология и культура*. 2017. № 3 (49). С. 28.

в коллективном и индивидуальном сознании носителей определенной лингвокультуры⁶⁷;

- Е.А. Климов сделал вывод, что цельность личности профессионала как субъекта деятельности обеспечивают следующие универсальные функции: 1) образ мира; 2) направленность, совокупность мотивов (социально ориентированные мотивы, деятельностно ориентированные мотивы — широкие и конкретные, мотивы, обращенные на смежные предметные области); 3) отношение к внешнему миру, к людям, к деятельности; отношение к себе, особенности саморегуляции; 4) креативность, особенности ее проявления; интеллектуальные черты индивидуальности; 5) оперативные черты индивидуальности (умелость, готовность к действиям, исполнительские способности); 6) эмоциональность, особенности ее проявления; 7) особенности осознания близкого и более отдаленного родства своей профессии с другими; 8) представления о сложных способностях, сочетаниях личных качеств, ожидаемых в данной общности у профессионала; 9) осознание того, какие качества данная профессия развивает у человека или каким дает возможность проявиться и какие подавляет; 10) представление о своем месте в профессиональной общности⁶⁸;
- Г.В. Кубиц понимает профессионализацию языковой личности как «процесс формирования профессионального языкового сознания личности, которое связано с полным и совершенным овладением профессиональным языком»⁶⁹;

⁶⁷ См.: Гуляева Е.В. Лингвокультурный типаж «американский адвокат»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. С. 3.

⁶⁸ См.: Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях. М., 1995.

⁶⁹ Кубиц Г.В. Профессионализация языковой личности (на примере юридического дискурса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. С. 10.

- А.В. Малев считает, что профессиональная личность формируется не в узкой предметно направленной системе, «а в такой, которая обеспечивает социально-культурно-профессиональные взаимосвязи, выход во внешний мир, самоосознание возможностей в широком социальном и профессиональном контексте»⁷⁰;
- А.К. Маркова рассматривает профессионализм как внутреннюю характеристику субъекта и выделяет две его стороны: 1) состояние мотивационной сферы профессиональной деятельности, которая отражает духовный аспект профессии (мотивы, побуждающие субъекта к деятельности, смысл, который он в нее вкладывает, поставленные цели, удовлетворенность и проч.); 2) состояние операциональной сферы профессиональной деятельности, отражающее ее технологическое обеспечение (техники, приемы и средства достижения поставленной цели)⁷¹;
- у Т.Л. Масыча профессиональная языковая личность — это «устойчивая система языковых и жанровых компетенций, ассоциативно-вербальных реакций, коммуникативных навыков и предпочтений, обусловленных профессиональной деятельностью индивида»⁷²;
- С.В. Мыскин определяет языковую профессиональную личность как «совокупность языковых компетенций, обуславливающих восприятие и оперирование профессиональными субдискурсами в различных ситуациях профессионально-коммуникативного взаимодей-

⁷⁰ Малёв А.В. Профессиональная языковая личность преподавателя как цель и результат непрерывной методической подготовки в системе высшего педагогического иноязычного образования // Фундаментальные исследования. 2014. № 12. С. 2632.

⁷¹ См.: Маркова А.К. Психология профессионализма. М., 1996.

⁷² Масыч Т.Л. Профессиональная языковая картина мира сотрудников правоохранительных органов (на материале русского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. С. 7.

ствия с учетом ролевых требований профессии, целей профессиональной деятельности и успешностью профессиональной самореализации»⁷³;

- М.Н. Панова считает, что «языковая личность госслужащего представляет собой мобильную саморегулирующуюся систему, находящуюся под влиянием разнообразных социальных факторов, среди которых — социальный статус, позиция в служебной иерархии, языковая мода в сфере государственного управления; существование этой саморегулирующейся системы находится также под постоянным воздействием многочисленных ситуативных факторов служебного общения»⁷⁴;
- А.Д. Самигулина разграничивает понятия профессионально ориентированная языковая личность и непрофессионально ориентированная языковая личность. Под профессионально ориентированной языковой личностью она понимает субъекта, занятого в определенной профессиональной сфере и оперирующего всеми специализированными лексемами данной профессиональной области. Непрофессионально ориентированная языковая личность — это субъект, занятый в смежной, по сравнению с изучаемой, профессиональной сфере и владеющий некоторой частью изучаемой терминологии⁷⁵;

⁷³ Мыскин С.В. Языковая профессиональная личность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (30). Ч. 1. С. 155.

⁷⁴ Панова М.Н. Языковая личность государственного служащего: дискурсивная практика, типология, механизмы формирования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. С. 11.

⁷⁵ См.: Самигулина А.Д. Особенности становления лексико-семантического поля «военное обмундирование» в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. С. 11.

- М.И. Солнышкина профессиональную языковую личность оценивает в русле деятельностного подхода и говорит, что это личность постигающая и постигшая «профессиональный язык, профессиональный тезаурус и следующая стереотипам профессионального поведения»⁷⁶;
- Л.А. Чернышевой профессиональная языковая картина мира определяется как «национальная форма выражения единого содержательного инварианта профессионального знания»⁷⁷.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что совокупную языковую личность законодателя во множестве случаев можно охарактеризовать как непрофессионально ориентированную языковую личность. Профессионализации совокупной языковой личности законодателя препятствует ряд обстоятельств, обусловленных в том числе тем, что российский парламент осуществляет различные функции: представительную, законодательную, контрольную, легитимизационную, финансово-бюджетную, властную, функцию обратной связи, стабилизационную, идеологическую.

Основными из них считаются представительная и законодательная функции. Другие функции парламента хотя и не названы в Конституции РФ прямо, но непосредственно прослеживаются, исходя из закрепленных ею полномочий парламента, а также предоставленных ему инструментов и средств⁷⁸. При этом представляется возможным говорить

⁷⁶ Солнышкина М.И. Асимметрия структуры языковой личности в русском и английском вариантах морского профессионального языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2005. С. 19.

⁷⁷ Чернышова Л.А. Отраслевая терминология в свете антропоцентрической парадигмы. М., 2010. С. 15.

⁷⁸ См.: Булаков О.Н. Парламентаризм как представительство народа // Административное и муниципальное право. 2011. № 12 (48); Васильева Т.А. Современные тенденции организации и функцио-

о фактической приоритетности представительной и иных функций парламента над его законодательной функцией, о чем свидетельствует наличие в законодательстве множества различных дефектов.

В обычных условиях, когда для профессионала возникает необходимость профессионального взаимодействия, соответствующий субъект начинает воспринимать ситуацию как деловую, в связи с чем при этом происходит сознательное кодовое переключение — переход с обычного общения на профессиональный язык. Р. Якобсон пишет по этому поводу: «Любой общий код многоморфен и является иерархической совокупностью различных субкодов, свободно избираемых говорящими в зависимости от функции сообщения, адресата и отношений между собеседниками»⁷⁹. «Происходит так называемое переопределение ситуации из общерепрезентативной формы в индивидуально предпочитаемую, профессиональную»⁸⁰.

В отличие от изложенного, обилие выполняемых парламентом и парламентариями функций во многих случаях препятствует переходу, например, с представительного или идеологического языка на законодательный язык. Это осложняется изначальным отсутствием у множества парламентариев достаточных знаний, в связи с чем они в лучшем случае владеют лишь некоторой частью необходимой

нирования парламента // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 5; Грачева Е.Ю. Развитие парламентаризма, совершенствование организации выборов и использования эффективных избирательных технологий. М., 2013; Конституционное право Российской Федерации / под ред. С.И. Носова. М., 2014; Хабриева Т.Я. Парламентское право России. М., 2013.

⁷⁹ См.: Jakobson R. Linguistics in its Relation to Other Sciences // Main Trends of Research in the Social and Human Sciences. Part 1. Hague ; P., 1970. P. 458.

⁸⁰ См.: Jakobson R. The Role of Phonic Elements in Speech Perception : preprint // XVIIIth Intern. Congr. of Psychology. Symposium 23: Models of Speech Perception. М., 1966.

в каждом конкретном случае терминологии. В результате законотворчество оказывается для парламента смежной по отношению к другим функцией и профессиональной сферой, что отрицательно влияет на языковую компетентность Федерального собрания и его текстовые умения⁸¹ в сфере законотворчества.

Компетентность и языковая компетенция понимаются в литературе следующим образом:

- А.А. Алмазова определяет языковую компетенцию как «формируемое качество личности, создающееся на базе совокупности знаний о языке и речевого опыта. Развитие этого качества и приводит к становлению языковой компетентности при условии наличия соответствующих устремлений личности»⁸²;
- Е.Д. Божович говорит о языковой компетентности как об уже достигнутом уровне владения языком с личностной ориентацией и стремлением к достижению высокого уровня⁸³;
- В.А. Болотов и В.В. Сериков характеризуют компетентность как «способ существования знаний, умений, об-

⁸¹ О текстовых умениях см.: Аниськина Н.В. Языковая личность современного старшеклассника : дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2001; Дридзе Т.М. Интерпретационные характеристики и классификация текстов (с учетом специфики интерпретационных сдвигов) // Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976; Зимняя И.А. Психологическая схема смыслового восприятия // Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976; Крайник О.М. Сформированность текстовых умений старшеклассников как отражение их речевой культуры // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. Вып. 98 и др.

⁸² Алмазова А.А. Развитие профессиональной языковой личности студентов-логопедов в процессе лингвистической подготовки. М., 2014. С. 10.

⁸³ См.: Божович Е.Д. развитие языковой компетенции школьников: проблемы и подходы // Вопросы психологии. 1997. № 1.

- разованности, способствующий личностной самореализации, нахождению... своего места в мире...»⁸⁴;
- З.М. Большакова и Н.Н. Тулькибаева подразумевают под понятием «компетентность» образованность, готовность для выполнения деятельности в ведущих сферах экономики, обслуживания и поведения в любой ситуации, а «компетенции» — это возможности, которыми наделяется человек⁸⁵;
 - Е.Н. Волкова⁸⁶, Е.Н. Жукатинская⁸⁷ и Е.Е. Маринич рассматривают профессиональную компетентность как интегральное образование, выделяя в ней в качестве одного из компонентов коммуникативную компетентность. При этом последняя понимается как «умение устанавливать межличностные связи, организовывать целесообразные взаимоотношения в коллективе, согласовывать свои действия с действиями коллег, выбирать оптимальный стиль общения в различных ситуациях, четко и ясно излагать мысли, убеждать, аргументировать, передавать рациональную и эмоциональную информацию, организовывать и поддерживать диалог, пользоваться вербальными и невербальными средствами передачи информации»⁸⁸;

⁸⁴ Болотов В.А., Сериков В.В. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе // Педагогика. 2003. № 10. С. 12.

⁸⁵ См.: Большакова З.М., Тулькибаева Н.Н. Компетенции и компетентность // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2009. № 24 (157).

⁸⁶ См.: Волкова Е.Н. Формирование коммуникативной культуры будущих учителей-логопедов в педагогическом вузе : дис. ... канд. пед. наук. Шуя, 2009.

⁸⁷ См.: Жукатинская Е.Н. Формирование профессиональной компетентности будущего учителя-логопеда : дис. ... канд. пед. наук. Липецк, 2008.

⁸⁸ Маринич Е.Е. Формирование профессионально-педагогической компетентности будущего учителя логопеда в вузе : дис. ... канд. пед. наук. Шуя, 2012. С. 7.

- А.А. Ворожбитова считает, что компетентность — это интегрированная характеристика качеств личности, выступающая результатом профессиональной подготовки для выполнения деятельности в определенных областях (компетенциях)⁸⁹;
- компетентность, по Э.Ф. Зееру, — это «глубокое доскональное знание существа выполняемой работы, способов и средств достижения намеченных целей, а также наличие соответствующих умений и навыков; совокупности знаний, позволяющих судить о чем-либо со знанием дела»⁹⁰;
- у Л.В. Львова профессиональная компетентность понимается как определенная интеграция профессиональных компетенций (знания, умения, обобщенные способы профессиональных действий) и профессионально важных качеств⁹¹;
- ряд отечественных психологов понятие «компетентность» используют при изучении проблемы становления и развития компетентности как одного из свойств личности⁹²;
- Е.А. Самойлов включает в компетентность личностные ценности, социально-политические ограничения,

⁸⁹ См.: Ворожбитова А.А. Филолог-исследователь как профессиональная языковая личность: лингвориторический подход. Сочи, 2019. С. 7.

⁹⁰ Зеер Э.Ф. Личностно-ориентированное профессиональное образование. Екатеринбург, 1998. С. 94.

⁹¹ См.: Львов Л.В. Технология формирования учебно-профессиональной компетентности. Челябинск, 2007.

⁹² См.: Зеер Э.Ф., Павлова А.М., Сыманюк Э.Э. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход : учебник. М., 2005; Кузьмина Н.В., Реан А.А. Профессионализм педагогической деятельности. СПб., 1993; Маркова А.К. Психология профессионализма. М., 1996; Совет Европы: симпозиум по теме «Ключевые компетенции для Европы» : докл. DECS/SC/Sec. (96) 43. Берн, 1996 и др.

базовую подготовку (знания, способы действий, опыт творчества), компетенции как комплексы разнородных личностных качеств (когнитивных, аффективных, волевых)⁹³;

- Ю.Г. Татур определяет компетентность как «качество человека, завершившего образование определенной ступени, выражающееся в готовности (способности) на его основе к успешной (продуктивной, эффективной) деятельности с учетом ее социальной значимости и социальных рисков, которые могут быть с ней связаны»⁹⁴;
- по мнению А.В. Хуторского, компетенция включает совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним⁹⁵.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что совокупная языковая личность законодателя характеризуется недостаточным уровнем как языковой, так и коммуникативной компетентности. При этом если языковая некомпетентность, помимо прочего, выражается в отсутствии личностной ориентации и стремления к достижению более высокого уровня, то характерной чертой коммуникативной некомпетентности в ряде случаев является ярко выраженное нежелание четко и ясно излагать мысли,

⁹³ См.: Самойлов Е.А. Компетентностно ориентированное образование: социально-экономические, философские и психологические основания. Самара, 2006.

⁹⁴ Татур Ю.Г. Компетентность в структуре модели качества подготовки специалиста // Высшее образование сегодня. 2004. № 3. С. 24.

⁹⁵ См.: Хуторской А.В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты : докл. на отделении философии образования и теории педагогики РАО 23 апреля 2002 г. М., 2002.

убеждать и аргументировать, а также адекватно фиксировать в текстовой форме рациональную информацию.

На основе оценки языковой компетенции была создана концепция элитарной языковой личности⁹⁶. В рамках этой концепции:

- И.А. Иванчук в качестве определяющего критерия принадлежности языковой личности к элитарной речевой культуре рассматривает риторическую компетентность — совокупность знаний и умений в области коммуникативного поведения личности в различных условиях общения в целях его оптимизации, требующую реализации определенной степени культурного потенциала и творческих способностей⁹⁷;
- Т.В. Кочеткова отмечает, что элитарная речевая культура, опирающаяся на систему знаний, редко встречается в современном естественном общении. Формирование личности, обладающей такой культурой, требует решения ряда прикладных и теоретических задач, связанных с изучением феномена общения (в том числе профессионального), отбором содержания, методов, форм обучения, определением риторических правил, которые в профессиональной деятельности субъекта тесно пересекаются с деонтологическими. Она подчеркивает, что «языковая личность носителя элитарной

⁹⁶ См., напр.: Гольдин В.Е. Русский язык и культура речи : учебник для студ.-филологов. М., 2002; Кушнина Л.В., Силантьева М.С. Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 6 (12).; Парсамова В.Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах: на материале писем Ю.М. Лотмана : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004; Ширяев Е.Н. Современная теоретическая концепция культуры речи // Культура русской речи. М., 2000 и др.

⁹⁷ См.: Иванчук И.А. Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры. СПб., 2005.

речевой культуры обладает самым широким спектром социальных ролей (“многорольностью”) и в любой коммуникативной ситуации демонстрирует искусство пользования языком, всем богатством его возможностей при строгой уместности этого пользования»⁹⁸.

- А.В. Курьянович говорит, что элитарная речевая разновидность характеризуется строгой дискурсивной обусловленностью и определяется как совокупность текстов определенной жанрово-стилевой принадлежности, за которыми стоит одна и та же языковая личность автора, рассматриваемых в единстве лингвистических и экстралингвистических факторов текстообразования⁹⁹;
- М.С. Силантьева считает, что личность, стремящаяся к элитарной языковой культуре «владеет всеми (орфоэпическими, грамматическими, лексическими и др.) нормами литературного языка, соблюдает этические нормы, умело использует стили и регистры речи в зависимости от изменяющихся условий коммуникации и коммуникативных задач. В акте речевого взаимодействия элитарная языковая личность выступает как транслятор речевых норм родного языка и культурных ценностей, отраженных в изучаемом языке»¹⁰⁰;

⁹⁸ Кочеткова Т.В. Проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры (обзор) // Вопросы стилистики: Язык и человек. Саратов, 1996. Вып. 26. С. 23.

⁹⁹ См.: Курьянович А.В. Динамика жанрово-стилистических особенностей русского эпистолярного дискурса носителей элитарного типа речевой культуры (XX–XXI вв.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2013. С. 4.

¹⁰⁰ Силантьева М.С. Элитарная языковая личность в профессиональном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2012. С. 12. См. также: Силантьева М.С. О типах языковых личностей в отношении к элитарной речевой культуре // Сибирский педагогический журнал (научно-практическое издание). Новосибирск, 2009.

- О.Б. Сиротинина, которая ввела в научный оборот понятие элитарной языковой личности, утверждает, что «носители элитарной речевой культуры владеют всей системой функционально-стилевой дифференциации языка и каждый функциональный стиль используют без особых усилий, как бы автоматически»¹⁰¹;
- В.Е. Чернявская отграничивает «элитарные» тексты от «квазиэлитарных/элитистских», в которых содержится завышенная самооценка, необоснованность выводов, сознательное умолчание о старом знании, нарушение правил цитирования и др.¹⁰² Нельзя не согласиться с тем, что «элитизм в виде оценки собственных достижений как выдающихся... дающих право на несоблюдение норм, стандартов и конвенциональных установок, выступает как форма девиантного поведения в научной деятельности»¹⁰³.

Проведенное исследование не позволяет обозначить совокупную языковую личность законодателя в качестве элитарной. Исходя из названных ниже критериев, совокупная языковая личность законодателя на современном этапе в ряде случаев может быть определена следующим образом:

1) в зависимости от качества текста по отношению к литературной норме и степени целесообразности использования различных языковых средств как среднелитературный тип языковой личности (по типологии О.Б. Сиротининой¹⁰⁴);

¹⁰¹ Сиротинина О.Б. Устная речь и типы речевых культур // Русистика сегодня. 1995. № 4. С. 6.

¹⁰² См.: Чернявская В.Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ. М., 2011. С. 147.

¹⁰³ Там же. С. 149.

¹⁰⁴ См.: Сиротинина О.Б. Основные критерии хорошей речи // Хорошая речь. Саратов, 2001.

2) в зависимости от уровня речевой культуры и возможности использовать различные языковые средства в различных стилях как «стандартная» в рамках усредненной литературной нормы языка языковая личность, склонная в ряде случаев к отклонениям «вниз» от существующих языковых образцов (по типологии В.П. Нерознака¹⁰⁵);

3) в зависимости от обоснованности содержащихся в законодательных текстах выводов, соблюдения норм, стандартов и конвенциональных языковых установок как квазиэлитарная (элитистская) языковая личность.

¹⁰⁵ См.: Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод : сб. науч. тр. М., 1996.

Заключение

Критический анализ деятельности отдельных парламентариев, их групп и российского парламента в целом позволяет сделать вывод, что соответствующие языковые личности законодателя весьма далеки от идеала. Помимо прочего, такой вывод содержит в себе неявное утверждение о возможности существования идеальной языковой личности законодателя, что само по себе требует разъяснения.

Под *идеальной языковой личностью законодателя* мы понимаем компетентную языковую личность демократического, диалогического и поликультурного типа, которая обладает морально-этической ответственностью за результаты своей речемыслительной деятельности и необходимой общекультурной, общепрофессиональной и специальной подготовкой в области законотворчества.

В связи с этим на первый план выдвигается проблематика формирования у законодателя (парламентариев, их групп и Федерального собрания в целом) готовности к обретению себя в качестве идеальной языковой личности. При этом «готовность по определению является интегральным качеством личности на основе слияния “стремления” и “способности”. Таким образом, ее наличие у субъекта деятельности обеспечивается — и проверяется — сформированностью двух самоустановок: “хочу” — как стремление и “могу” (т. е. “знаю, умею, имею опыт”) — как способность на основе реального багажа личностных накоплений — результатов образования и самообразования»¹. Системооб-

¹ Ворожбитова А.А. Филолог-исследователь как профессиональная языковая личность: лингвориторический подход. Сочи, 2019. С. 11.

разующими компонентами указанной готовности выступают: 1) мотивационно-волевой компонент, базирующийся на стремлении личности стать профессионалом в сфере законотворчества; 2) информационно-содержательный компонент, включающий систему необходимых знаний и представлений; 3) операционально-деятельностный компонент, включающий систему необходимых умений и навыков; 4) эмпирический компонент, предполагающий накопление опыта применения знаний и умений, а также коррекции компетенции, необходимой в процессе профессиональной и повседневной деятельности законодателя.

К числу категориальных признаков идеальной языковой личности законодателя относятся:

- *историческая и этносоциокультурная обусловленность*: личность законодателя формируется в ходе исторического развития конкретного общества и обусловлена его этническим составом, языковой картиной мира, культурными особенностями, морально-этическим кодексом и т. д.;
- *когнитивно-коммуникативная природа*: сферой функционирования личности законодателя является речемыслительная деятельность в режиме межличностного общения на основе освоения объектов действительности через слова и понятия;
- *мировоззренчески-аксиологический статус*: личность законодателя функционирует в высшей сфере жизнедеятельности — духовно-мировоззренческой, является продуктом и одновременно генератором системы ценностей данного общества;
- *нормативно-предписывающий характер*: личность законодателя устанавливает нормы, правила и требования к поведению в обществе в рамках его исторически сложившегося типа;
- *инвариантно-вариативный принцип структурной организации*: базовые компоненты личности законода-

теля должны отражать высшие духовные устремления общества к любви, добру, истине, красоте; конкретные правила, требования, нормы изменяются диахронически или синхронно — в связи с этносоциокультурными особенностями, социальным статусом и пр.;

- *образовательно-воспитательная предназначенность*: формы выражения личности законодателя (нормы, требования, предписания и т. д.) должны служить оптимальной социализации новых поколений;
- *личностно-образующий потенциал*: возможность эффективно формировать лучшие личностные качества человека при условии устремленности личности законодателя к идеалу и самопроектированию в его критериях².

Можно предположить, что достижение языковой личностью законодателя идеального состояния невозможно по определению, так как идеал — это высшая ценность, наилучшее, завершённое состояние того или иного явления. При этом различают: аксиологический идеал — высшую степень нравственного представления о благом и должном; личностный идеал — образец личных качеств и способностей, а также высшую норму нравственной личности; социальный идеал — наиболее совершенное устройство общества; этический идеал — совершенство в отношениях между людьми³.

² Подробнее об идеальной языковой личности см.: Юрьева А.В., Ворожбитова А.А. Лингвориторический идеал как фактор становления профессиональной языковой личности будущего учителя. 2-е изд. М., 2014.

³ См.: Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М., 2002; Дубко Е.Л., Титов В.А. Идеал, справедливость, счастье. М., 1989; Ивин А.А. Современная философия науки. М., 2004; Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. М., 1968; Лившин М.А. Об идеальном и реальном // Вопросы философии. 1984. № 10; Мур Дж. Принципы этики. М., 1984; Соловьев В.С. Оправдание добра // Собр. соч. : в 2 т. М., 1988. Т. 1 и др.

Однако представляется, что в рамках изложенных выше категориальных признаков идеальной языковой личности законодателя мы не требуем от законодателя ничего невозможного. Мы исходим из того, что, как справедливо отмечается, у каждой конкретной культуры имеются основные общепризнанные идеалы, которые формируются не спонтанно, а исторически — в том течении, где старое постепенно пропадает и выплывает, нарождается новое, более отвечающее реалиям времени⁴. Подобный подход к идеалам личности наблюдается в работах таких ученых, как К.А. Абульханова⁵, Л.И. Божович⁶, Ф.Е. Василюк⁷, Л.С. Выготский⁸, Г.В. Иванченко⁹, А.Н. Леонтьев¹⁰, Д.А. Леонтьев¹¹, С.Л. Рубинштейн¹², Е.Б. Старовойтенко¹³ и др.

Иными словами, требования, предъявляемые нами к законодателю, включают только общепризнанные идеалы, обратной стороной которых являются две всемирно известные русские формулы: — «Кто виноват?»¹⁴ и «Что

⁴ См.: Тепикин В. В поисках идеала // Культурная реальность. Иваново, 2020.

⁵ См.: Абульханова К.А. Психология и сознание личности (проблемы методологии, теории и исследования реальной личности) : избр. психол. тр. М. ; Воронеж, 1999.

⁶ См.: Божович Л.И. Проблема формирования личности. 2-е изд. М., 1997.

⁷ См.: Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М., 2003.

⁸ См.: Выготский Л.С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 6. Научное наследие. М., 1984.

⁹ См.: Иванченко Г.В. Идея совершенства в психологии и культуре. М., 2007.

¹⁰ См.: Леонтьев А.Н. Мотивы и эмоции : курс лекций. М., 2008.

¹¹ См.: Леонтьев Д.А. Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд. М., 2003.

¹² См.: Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2000.

¹³ См.: Старовойтенко Е.Б. Психология личности: в парадигме жизненных отношений. М., 2004.

¹⁴ См.: Герцен А.И. Кто виноват? М., 1848.

делать?»¹⁵ Последние являются крылатыми вопросами русского сознания, указывающими на его моральность и особую вовлеченность в решение нравственных проблем, которые русская ментальность традиционно относит к вопросам социального порядка. Повышенный морализм российского национального сознания (в отличие от зарубежных личностных идеалов: см. работы А. Адлера¹⁶, Л. Бинсвангера¹⁷, У.С. Буллита и З. Фрейда¹⁸, М. Кляйн¹⁹, Х. Кохута²⁰, А. Маслоу²¹, Г. Олпорта²², К. Роджерса²³, Р. Тайсона и Ф. Тайсона²⁴, Л. Франкла²⁵, Э. Эриксона²⁶ и др.) проявляется в его озабоченности общими судьбами и прежде всего судьбой всего человечества, а не только своей собственной.

В связи с изложенным хотелось бы напомнить известное высказывание С.Л. Рубинштейна: «Личность в ее реальном бытии, в ее самосознании есть то, что человек, осознавая себя как субъекта, называет своим “я”. “Я” — это личность в целом, в единстве всех сторон бытия, отраженная в самосознании... Личностью, как мы видим, человек не рождается; личностью он становится. Поэтому, чтобы

¹⁵ См.: Чернышевский Н.Г. Что делать? М., 1969.

¹⁶ См.: Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии : лекции по введению в психотерапию для врачей, психологов и учителей. М., 2002.

¹⁷ См.: Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М., 1999.

¹⁸ См.: Буллит У.С., Фрейд З. Представления о мотивах и личности в психоанализе. М., 1999.

¹⁹ См.: Кляйн М. Некоторые теоретические выводы, касающиеся эмоциональной жизни ребенка // Психоанализ в развитии. Екатеринбург, 1998.

²⁰ См.: Кохут Х. Восстановление самости. М., 2002.

²¹ См.: Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 2010.

²² См.: Олпорт Г. Становление личности : избр. тр. М., 2002.

²³ См.: Роджерс К. О становлении личностью. М., 1994.

²⁴ См.: Тайсон Р., Тайсон Ф. Психоаналитические теории развития. Екатеринбург, 1998.

²⁵ См.: Франкл В. Воля к смыслу. М., 2000.

²⁶ См.: Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

понять путь своего развития, человек должен его рассматривать в определенном аспекте: чем я был? — что я сделал? — кем я стал?»²⁷

Пониманию парламентариями пути своего развития к идеальной личности в немалой степени могла способствовать методологическая рефлексия. Необходимость развития рефлексивных способностей как условия успешности в любом виде деятельности, а значит, и в законодательстве достаточно хорошо рассмотрена в литературе и не вызывает споров²⁸. Общее представление о понятии и значении методологической рефлексии можно получить, ознакомившись со следующими выводами:

- В.В. Краевский обоснованно отмечает, что «из всех компонентов методологической культуры ведущим является методологическая рефлексия, дающая... воз-

²⁷ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2015. С. 641.

²⁸ См.: Аникина В.Г., Коваль Н.А., Семенов И.Н. Исследование экзистенциальной рефлексии в проблемно-конфликтных ситуациях. Тамбов, 2002; Анисимов О.С. Научное и социокультурное значение рефлексивного движения в России // Рефлексивные процессы и управление. 2001. Т. 1. № 1; Анисимов О.С. Акмеологические основы рефлексивной самоорганизации педагога: творчество и культура мышления : дис. ... д-ра психол. наук. М., 1994; Бизяева А.А. Рефлексивные процессы в сознании и деятельности учителя : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1993. Вульф В.З. Профессиональная рефлексия: потребность, сущность, управление // Магистр. 1985. № 1; Деркач А.А., Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Психолого-акмеологические основы изучения и развития рефлексивной культуры госслужащих. М., 1998; Краевский В.В. Методологическая рефлексия в научной и учебной работе // Педагогика. 1989. № 2; Михайлова Е.С. Коммуникативный и рефлексивный компоненты и их соотношение в структуре педагогических способностей. Л., 1990; Пономарев Я.А., Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Рефлексия в развитии творческого мышления // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 6; Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Психология рефлексии: проблемы исследования // Вопросы психологии. 1985. № 3; Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Рефлексивная психология и педагогика творческого мышления. Запорожье, 1992; Щедровицкий Г.П. Проблемы методологии системного исследования. М., 1964.

- можность критически осмысливать и совершенствовать свою... работу»²⁹;
- А.В. Карпов и В.В. Пономарева считают рефлексией одной «из важнейших характеристик творческого процесса. Рефлексия в творческом процессе, когда индивид выступает для самого себя в качестве объекта управления, является неким зеркалом, отражающим происходящие в человеке изменения, основным инструментом личностного роста, необходимым для саморазвития материалом»³⁰;
 - Д.А. Леонтьев и А.Ж. Аверина утверждают, что рефлексивное сознание открывает для нас возможность писать собственные «программы» в дополнение к генетическим и программам общества, в котором мы живем, которые закладываются в нас биологией и культурой, это открывает свободу мысли и действия³¹;
 - В.Т. Ополев подчеркивает, что «рефлексивные знания не столько воспроизводят некий объект, существующий до и независимо от них, сколько создают некую смысловую предметность. Последняя в нашем случае это регулятивные основания специализированного мышления»³²;
 - Д.А. Старовойтова под методологической рефлексией как системообразующим компонентом методологи-

²⁹ Краевский В.В. Методология педагогического исследования. Самара, 1994. С. 6.

³⁰ Карпов А.В., Пономарева В.В. Исследование рефлексивных процессов деятельности на примере управленческой деятельности // Психология и практика. Ежегодник Российского психологического общества. Ярославль, 1998. Вып. 1. Т. 4. С. 280–281.

³¹ См.: Леонтьев Д.А., Аверина А.Ж. Феномен рефлексии в контексте проблемы саморегуляции // Психологические исследования. 2011. № 2 (16).

³² Ополев В.Т. Методологическая рефлексия и ее формы // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Социология». 2008. Т. 21 (60). № 1. С. 472.

ческой культуры понимает «постоянный критический анализ и оценку процесса и результата собственной научно-познавательной деятельности и деятельности других исследователей, контекста, в котором она осуществляется, с позиций собственно научных, методологических, логических и гуманитарных критериев качества исследований с целью коррекции имеющейся деятельности и качественного проектирования дальнейшей исследовательской работы»³³;

- С.Ю. Степанов и другие считают, что рефлексия придает осмысленность событийности в человеческой жизни, осуществляя при этом связующую функцию, мобилизует личностные и интеллектуальные ресурсы для разрешения проблемно-конфликтных ситуаций, образует отношение личности как целостного «Я» к своему поведению и социокультурному окружению. Задача рефлексии — стимулирование развития новых способов общения, поведения и перспектив для реализации потенциала человека в творческом процессе. Под влиянием личностной рефлексии создается новая среда, способствующая интеграции культуры рефлексивного мышления в многообразие форм деятельности³⁴.

Таким образом, под методологической рефлексией как необходимым компонентом методологической культуры парламента мы понимаем постоянный критический анализ деятельности парламента, отдельных парламентариев и их групп, оценку достигнутых результатов, их качества

³³ Старовойтова Д.А. Сущность и содержание методологической рефлексии педагога // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 1. Т. II: Психолого-педагогические науки. С. 34.

³⁴ См.: Принципы рефлексивной психологии педагогического творчества / С.Ю. Степанов, Г.Ф. Похмелкина, Т.Ю. Колошина и др. // Вопросы психологии. 1991. № 5.

и контекста, в котором они осуществляются, с целью их коррекции и качественного проектирования дальнейшей законотворческой работы.

Полагаем, что результаты настоящего исследования могут способствовать более глубокому осмыслению проблем несовпадения «законодательной картины мира» и наблюдаемой картины мира, а также более детальному изучению языковой ментальности и национальных особенностей совокупной языковой личности российского законодателя.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на весьма критический взгляд на некоторые аспекты законодательного регулирования, мы не ставили перед собой цель огульно критиковать государственную власть. Мы вполне согласны с тем, что «государство является фактором человеческого прогресса, культуры и выступает исторической ценностью. Государство как политический институт, действительно, обеспечивает реализацию целей и содержания социального прогресса. Именно благодаря государству речь может идти об освобождении людей от всех видов порабощений и зависимости, полноценном и гармоничном развитии личности»³⁵.

Однако мы ни в коем случае не относимся к сторонникам подхода, трактующего государство как абсолютную ценность, так как это «создает основу для формирования идеологии государственности, которая нередко перерастает в культ государства и государственной власти»³⁶. Как верно отмечает Л.Е. Лаптева, «основной лейтмотив этой идеологии — порядок и национальная безопасность,

³⁵ Социокультурные (архетипические и ментальные) основания публично-властной организации общества / А.Ю. Мамычев, В.Я. Любашин, А.Ю. Мордовцев. М., 2017. С. 29.

³⁶ Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. С. 153.

во имя которых можно и нужно жертвовать интересами частных лиц»³⁷.

Интересами частных лиц во имя порядка и национальной безопасности можно жертвовать только в чрезвычайных обстоятельствах, причем соответствующие ограничения должны быть очерчены четко определенными временными и иными рамками. В противном случае законодатель становится последователем А. Шопенгауэра, который говорил, что «всякое ограничение способствует счастью»³⁸. Налагая на частных лиц все новые и новые ограничения, законодатель нередко руководствуется факторами, лежащими «за пределами сознания и самосознания, в области ощущений, которые, как известно, отражают явления природы, не всегда правильно интерпретируемые аппаратом сознания»³⁹.

Правомерно констатировать наличие множества ситуаций, при которых критериями законодательных предписаний нередко являются: не научно обоснованные выводы, а ощущения парламентариев; обывательский европоцентризм, который, может, и имел смысл в Средние века, но в современных условиях окончательно дискредитировал себя тотальной толерантностью, оголтелой русофобией и иными известными обстоятельствами; а также хорошо известное чиновничье стремление, не разобравшись в существе дела, «тащить и не пущать»⁴⁰.

³⁷ Лаптева Л.Е. Традиция «оставления идеи права» в российской истории // Кризис права: история и современность / под общ. ред. В.Н. Денисова, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова. СПб., 2018. С. 45.

³⁸ Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М., 2016. С. 158.

³⁹ Гумилев Л.Н. Полное собрание сочинений. М., 2018. С. 106.

⁴⁰ Фраза — символ полицейского произвола и самоуправства из рассказа, где обязанности будочника Мымрецова «состояли в том, чтобы, во-первых, “тащить” и, во-вторых, “не пущать”; тащил он обыкновенно туда, куда решительно не желали попасть, а не пускал туда, куда этого смертельно желали» (Успенский Г.И. Будка. Ростов н/Д., 1904).

Законодательство, имеющее под собой указанные основания, порождает соответствующий образ мыслей и действий контрольно-надзорных и иных государственных органов, которые, взятые в отдельности, воспринимаются как случайные события, но их совокупность говорит о том, что они представляют собой закономерное явление российской действительности.

В то же время мы категорически против тезисов о том, что «Россия должна смелее делегировать свои суверенные права и отказаться от некоторой своей самостоятельности»⁴¹, или о «подлости и лживости системы», или о «тотальном опричном людоедстве»⁴². Мы также считаем неприемлемой и критику власти, которая основана на стремлении заткнуть своих оппонентов весьма пассионарными высказываниями наподобие «Эй, вы там, потише! Спрячьте лучше ваши наемные рожи в той чернотенной подворотне, куда никогда не достигал и не достигнет луч революции»⁴³.

Очевидно, что подобные заявления излишне эмоциональны, идеологизированы и не являются научно обоснованными. Тем не менее в процессе исследования законодательных дефектов без эмоций обойтись весьма сложно. Как верно подметил В.В. Путин, «любая несправедливость и неправда воспринимаются очень остро. Это вообще особенность нашей культуры. Общество решительно отторгает спесь, хамство, высокомерие и эгоизм, от кого бы все это ни исходило»⁴⁴. Однако на этом пути легко впасть

⁴¹ См.: Фрейберг А. Кудрин призвал Россию отказаться от национального эгоизма // Gaganews.ru. 2017. 2 ноября.

⁴² См.: «Тотальное опричное людоедство». Письмо бывшего директора «Гоголь-центра» А. Малобродского, арестованного по «делу Платформы» // Regnum. 2017. 31 авг.

⁴³ Троцкий Л.Д. Центральная задача // Сочинения. Т. 3. Ч. 1. М.; Л., 1924.

⁴⁴ Парламентская газета. 2016. № 45.

в крайность излишней эмоциональности, которая имеет в своем основании исключительно субъективные представления о должном, в связи с чем оперирует соответствующими терминами и зачастую использует идиоматические выражения, которыми так богат русский язык. По понятным причинам мы не можем себе этого позволить. Кроме того, как верно говорили древние, «негодованием и гневом нельзя улучшить людей; дела их будут все те же, сколько ни сердись»⁴⁵.

В основе нашей критики законодательного регулирования лежит тезис о том, что цель государства должна состоять в повышении благосостояния, самостоятельности и инициативы населения, а не во всеобъемлющем усилении влияния государства на все стороны его жизни.

⁴⁵ Марк Аврелий. Размышления римского императора. М., 2017. С. 31.

Словарь законодательной дефектологии

Г

Групповая языковая личность законодателя — коллектив, объединяющий определенное количество индивидов, результатом полилектной речевой и текстовой деятельности которого являются выносимые на обсуждение Федерального собрания проекты законодательных актов.

З

Законодательный текст — функционально направленное на реализацию задач по регулированию определенных общественных отношений речевое коммуникативное системно-структурное образование, обладающее упорядоченной (иерархической) организацией.

И

Идеальная языковая личность законодателя — компетентная языковая личность демократического, диалогического и поликультурного типа, которая обладает морально-этической ответственностью за продукты своей речемыслительной деятельности и необходимой общекультурной, общепрофессиональной и специальной подготовкой в области законотворчества.

Индивидуальная языковая личность законодателя — наделенный необходимыми полномочиями индивид, охарактеризованный на основе анализа совокупности произведенных им законодательных инициатив (проектов законодательных и сопутствующих текстов), дающих

представление о степени его владения языком как средством отражения воспринимаемой им окружающей действительности (картины мира).

М

Методологическая рефлексия парламента — необходимый компонент его методологической культуры, включающий постоянный критический анализ деятельности парламента, отдельных парламентариев и их групп, оценку достигнутых результатов, их качества и контекста, в котором они осуществляются, с целью их коррекции и качественного проектирования дальнейшей законотворческой работы.

О

Отрицательный языковой материал законодательства — ошибки текстовой деятельности законодателя, которые нарушают логику и ведут к неопределенности законодательных предписаний.

С

Совокупная языковая личность законодателя — включающий всех членов парламента коллектив, результатом речевой и текстовой деятельности которого являются вступившие в силу законодательные акты.

Я

Языковая игра законодателя — его лингвокреативная деятельность по созданию новых языковых единиц, их классов и правил функционирования путем деструкции речевых норм с целью более точной передачи мысли и (или) закрепления однозначного значения чего-либо. Языковая игра законодателя выполняет языкотворческую, оценочную, маскировочную и аксиологическую функции.

Список использованной литературы

1. Абачиев С.К. Эволюционная теория познания. Опыт систематического построения. М., 2004.
2. Абульханова К.А. Психология и сознание личности (проблемы методологии, теории и исследования реальной личности) : избр. психол. тр. М. ; Воронеж, 1999.
3. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1991.
4. Авакьян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8.
5. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии : лекции по введению в психотерапию для врачей, психологов и учителей. М., 2002.
6. Акчурина Е.В. Копинг-поведение при стрессе // Практика управления ДОУ. 2015. № 6 (33).
7. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь, 2002.
8. Аленина И.В. Коллизии в трудовом праве : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2000.
9. Алефиренко Н.Ф. Вербализация концепта и смысловая синергетика языкового знака // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста : материалы Междунар. симпозиума. Волгоград, 2003.
10. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М., 2010.
11. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М., 2002.
12. Алимуратов О.А. Смысл. Концепт. Интенциональность. Пятигорск, 2003.
13. Алифанова О.Г. Вариант коммуникативной ситуации согласия как модель успешного коммуникативного взаимодействия // Педагогическое образование в России. 2015. № 10.

14. Алмазова А.А. Развитие профессиональной языковой личности студентов-логопедов в процессе лингвистической подготовки. М., 2014.
15. Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3.
16. Алпатов В.М. Разграничение «свой — чужой» в языке // Языковая личность: аспекты изучения : сб. науч. ст. памяти Ю.Н. Караулова. М., 2017.
17. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 2000.
18. Аникина В.Г., Коваль Н.А., Семенов И.Н. Исследование экзистенциальной рефлексии в проблемно-конфликтных ситуациях. Тамбов, 2002.
19. Анисимов О.С. Акмеологические основы рефлексивной самоорганизации педагога: творчество и культура мышления : дис. ... д-ра психол. наук. М., 1994.
20. Анисимов О.С. Научное и социокультурное значение рефлексивного движения в России // Рефлексивные процессы и управление. 2001. Т. 1. № 1.
21. Аниськина Н.В. Языковая личность современного старшеклассника : дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2001.
22. Анкин Д.В. Теория познания. Екатеринбург, 2019.
23. Антропология языка : сб. ст. / отв. ред. С.Р. Омельченко. Вып. 1. М., 2010; Вып. 2. М., 2012.
24. Анцыферова Л.И. Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия // Психологический журнал. 1993. № 2.
25. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. II. М., 1995.
26. Арискина О.Л., Дрянгина Е.А. Языковая и коммуникативная личность: различные подходы к исследованию // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. Вып. 58. 2011. № 25 (240).
27. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М., 1986.
28. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. СПб., 2002.
29. Артемьева Е.Ю., Вяткин Ю.Г. Психосемантические методы описания профессии // Вопросы психологии. 1986. № 3.

30. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык // Язык и мир человека. М., 1999.
31. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка: ментальные действия. М., 1993.
32. Арутюнова Н.Д. Видение и виденье (проблема достоверности) // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2008.
33. Арутюнова Н.Д. Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
34. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
35. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : антология / под ред. В.П. Нерознака. М., 1997.
36. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М., 1996.
37. Асташова О.И. Речевой портрет политика как динамический феномен : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013.
38. Ахиезер А. Россия: критика исторического опыта (социокультурный словарь). М., 1991.
39. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 2020.
40. Ачимова С., Проскурин Б.М. Речевой портрет персонажа (на материале романа Ника Хорнби «Мой мальчик») // Мировая литература в контексте культуры : сб. материалов Междунар. науч. конф. «Иностранные языки и литературы: актуальные проблемы методологии исследования» (Пермь, 12 апреля 2007 г.) / под ред. Н.С. Бочкаревой. Пермь, 2007.
41. Ачкасов В.А. Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности. СПб., 2012.
42. Бабаев В.К. Презумпции в российском праве и юридической практике // Проблемы юридической техники / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000.
43. Бабаева Е.В. Лексическое значение слова как способ выражения культурно-языкового концепта // Языковая личность: культурные концепты : сб. науч. тр. Волгоград ; Архангельск, 1996.

44. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика : дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1997.
45. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996.
46. Бадью А. Философия и событие. М., 2013.
47. Байденко В.И. Компетенции в высшем профессиональном образовании (к освоению компетентностного подхода) // Высшее образование в России. 2004. № 11.
48. Балашова Л.В. Образ автора и образ адресата в торжественной оде и любовной лирике XVIII века // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999.
49. Балужева А.О. «Отрицательный» языковой материал в контексте обучения китайцев видам русского глагола // Материалы Междунар. молодежного науч. форума «ЛОМОНОСОВ-2016» / отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. М., 2016.
50. Балыкина Т.М., Нетесина М.С. Коммуникативный портрет современного политика // Вестник науки Сибири. Серия 9. Филология. Педагогика. 2012. № 1 (2).
51. Балышева Ю.В. О модели описания языковой личности на компетентностной основе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (50). Ч. 2.
52. Банникова С.В. Прецедентность как лингвокультурный феномен (на материале английских и русских текстов) : дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004.
53. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.
54. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М., 2007.
55. Барсукова Е.В. Языковая личность как категория исторической культурологии (на материале «Архива князя Воронцова») : автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2007.
56. Барт Р. Нулевая степень письма. М., 2008.
57. Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
58. Батай Ж. Внутренний опыт. СПб., 1997.

59. Батюшкина М.В. Общий взгляд на развитие языка права и законодательных текстов // Юрислингвистика. 2021. № 19.
60. Баучиева З.Б. Речевая агрессия и пути ее преодоления // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-1.
61. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
62. Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5: Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М., 1997.
63. Беглова Е.И. Обогащение русского словаря В.Г. Белинским (материал к спецсеминару) // Формирование личности учителя-словесника для союзной республики в процессе интенсификации обучения русскому языку : межвуз. сб. науч. тр. Куйбышев, 1990.
64. Бейкер М. Атомы языка. Грамматика в темном поле сознания. М., 2008.
65. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М., 2001.
66. Белинская Е.П. Конструирование идентификационных структур личности в ситуации неопределенности // Трансформация идентификационных структур в современной России. М., 2001.
67. Белов С.А., Кропачев Н.М., Ревазов М.А. Судебный контроль за соблюдением норм современного русского литературного языка // Закон. 2017. № 3.
68. Белорусова Е.А. Ситуация неопределенности как источник развития личности // Молодой ученый. 2018. № 50 (236).
69. Белоусова А.С. Хроникальная заметка о XII Виноградовских чтениях // Вопросы языкознания. 1981. № 5.
70. Белошапкина Т.В. Принципы и параметры анализа концептов в современной отечественной лингвистике: лингвокультурологические и когнитивно-дискурсивные типы исследований // Вестник славянских культур. 2016. № 2 (40).
71. Беляева О.М. Оценочные понятия и категории в российском праве // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 1.
72. Беляевская Е.Г. Теория языковой личности и когнитивная лингвистика // Языковая личность: аспекты изучения : сб. науч. ст. памяти Ю.Н. Караулова. М., 2017.
73. Белянин В.П. Введение в психоллингвистику. М., 2000.

74. Белянин В.П. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя. М., 2006.
75. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1970.
76. Бергсон А. Смех. М., 1992.
77. Берестнев Г.И. О «новой реальности» языкознания // Филологические науки. 1997. № 4.
78. Беркнер С.С., Варганова В.В. Тематическая группа «Оценка человека»: стилистически сниженные единицы в разговорно-сленговой сфере английского языка и их перевод на русский язык // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2005. № 2.
79. Берн Э. Трансакционный анализ в психотерапии. М., 2009.
80. Бернштейн П. Против богов. Укрощение риска. М., 2008.
81. Бизяева А.А. Рефлексивные процессы в сознании и деятельности учителя : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1993.
82. Билык А.М., Билык Я.М. К вопросу о проблемной технике софизма (ее связь с современным пониманием научной проблемы) // Философские науки. 1989. № 2.
83. Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М., 1999.
84. Битянова М.Р. Социальная психология: наука, практика и образ мыслей. М., 2001.
85. Богин Г.И. Герменевтические последствия универсализаций в методике преподавания русского языка как иностранного // *Hermeneutics In Russia*. 1998. Vol. 2. Issue 3.
86. Богин Г.И. Модель относительно полного владения языком. Сообщение 1: Модель относительно полного владения родным языком // Материалы Первой республиканской конференции по методике преподавания и педагогике высшей школы. Алма-Ата, 1971.
87. Богин Г.И. Модель относительно полного владения языком. Сообщение 2: Перенос факторов модели владения первым языком на формируемую модель относительно полного владения вторым языком // Речь: исследование и обучение. Алма-Ата, 1971.

88. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984.
89. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984.
90. Богин Г.И. Обретение способности понимать: введение в филологическую герменевтику. М., 2001.
91. Богин Г.И. Относительная полнота владения вторым языком. Калинин, 1978.
92. Богин Г.И. Современная лингводидактика. Калинин, 1980.
93. Богин Г.И. Уровневое развитие языковой личности // Обретение способности понимать: работы разных лет. Т. 1. Тверь, 2009.
94. Богин Г.И. Концепция языковой личности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
95. Бодрийар Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006.
96. Бодрийар Ж. Прозрачность зла. М., 2000.
97. Бодров В.А. Когнитивные процессы и психологический стресс // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 4.
98. Бодров Н.Ф., Бимбинов А.А., Воронин В.Н. Материалы экстремистского характера, распространяемые в сети Интернет: проблемы судебно-экспертного исследования и вопросы квалификации преступлений. М., 2020.
99. Бодуэн де Куртенэ И.А. Введение в языковедение. Пг., 1917.
100. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию : в 2 т. М., 1963. Т. 2.
101. Божович Е.Д. Развитие языковой компетенции школьников: проблемы и подходы // Вопросы психологии. 1997. № 1.
102. Божович Л.И. Проблема формирования личности. 2-е изд. М., 1997.
103. Болдырев Н.Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1.
104. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2002.

105. Болотов В.А., Сериков В.В. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе // Педагогика. 2003. № 10.
106. Большакова З.М., Тулькибаева Н.Н. Компетенции и компетентность // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2009. № 24 (157).
107. Большой психологический словарь / Н.Н. Авдеева и др. ; под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. 4-е изд. М. ; СПб., 2009.
108. Борев Ю.Б. Комическое. М., 1970.
109. Борисов Г.А. Теория государства и права. Белгород, 2007.
110. Борисова С.А. Смысловое восприятие: темпоральная вариативность читательских проекций художественного текста. Ульяновск, 1997.
111. Бороденко М.В. «Языковая» личность // Культурно-историческая психология развития. М., 2001.
112. Борщов А.С. Принцип детерминизма и основные законы диалектики. Саратов, 1990.
113. Боумэн К. Основы стратегического менеджмента. М., 1997.
114. Бриллиантов А. Критерии официального документа // Уголовное право. 2010. № 5.
115. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. М., 2005.
116. Брутян Г. Паралогизм, софизм и парадокс // Вопросы философии. 1959. № 1.
117. Брутян Г.А. Аргументация. Ереван, 1984.
118. Булаков О.Н. Парламентаризм как представительство народа // Административное и муниципальное право. 2011. № 12 (48).
119. Буллит У.С., Фрейд З. Представления о мотивах и личности в психоанализе. М., 1999.
120. Бурвикова И.Д. Текст как объект лингвистического исследования в аспекте описания и преподавания русского языка как иностранного // Лингвистические и методические проблемы преподавания русского языка как неродного. М., 1991.
121. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. М., 2019.

122. Буслаев Ф.И. Учебник русской грамматики, сближенной с церковнославянской. С приложением образцов грамматического разбора. 12-е изд. М., 2010.
123. Бутенко Т.П. Субъективная неопределенность жизненных ситуаций: когнитивно-эмоциональные оценки и стратегии поведения : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2009.
124. Бухаева Р.В. Лингвокогнитивные особенности бурятской языковой личности // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. № 5 (52).
125. Бушев А.Б. Языковые особенности экономического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. Вып. 86. 2013. № 37 (328).
126. В конце 2020 года Госдума вернулась в режим «бешеного принтера». Чтобы максимально усложнить жизнь оппозиции на выборах в 2021-м // Meduza. 2020. 26 дек.
127. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. М., 1993.
128. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. 2-е изд. М., 2004.
129. Валгина Н.С. Теория текста. Тексты нехудожественные и художественные. Текст структуры. М., 2003.
130. Валиулина В.Р., Чеботарева Е.Ю. Проявление типа характера человека в его речевой деятельности // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. «Психология и педагогика». 2006. № 2 (4).
131. Варбот Ж.Ж., Журавлев А.Ф. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. Этимология и история слов русского языка. М., 1998.
132. Василевская Л.Ю. Особенности правовой конструкции залога обязательственных прав // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6.
133. Васильев Л.Г. Лингвоаргументологический анализ рассуждений в письменном тексте // Коммуникативные исследования 2003 : современная антология. Волгоград, 2003.
134. Васильев С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста. Киев, 1988.

135. Васильева Т.А. Современные тенденции организации и функционирования парламента // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 5.
136. Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М., 2003.
137. Веденева Ю.В. Функционирование прецедентных феноменов в англоязычном поэтическом дискурсе (на материале названий стихотворений для детей) // Альманах современной науки и образования : архив науч. ст. 2008. № 8 (15) : в 2 ч. Ч. 1.
138. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001.
139. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / отв. ред. М.А. Кронгауз. М., 1996.
140. Викулин А.Ю. Начала теории законодательных дефектов. М., 2019.
141. Викулин А.Ю. Основы законодательной дефектологии. Часть первая: Введение. М., 2019.
142. Викулин А.Ю. Основы законодательной дефектологии. Часть вторая: Общие положения законодательства и их дефекты. Том 1. М., 2020.
143. Викулин А.Ю. Основы законодательной дефектологии. Часть вторая: Общие положения законодательства и их дефекты. Том 2. М., 2020.
144. Викулин А.Ю. Основы законодательной дефектологии. Часть третья: Язык закона и его дефекты. Том 2: Семантические дефекты законодательства. М., 2021.
145. Викулин А.Ю. Принудительный труд в законодательстве современной России. М., 2021.
146. Виноградов В.В. О языке художественной прозы : избр. тр. М., 1980.
147. Виноградов В.В. О теории художественной речи. 2-е изд. М., 2005.
148. Виноградов В.В. О художественной прозе // О языке художественной прозы : избр. тр. М., 1980.
149. Виноградов В.В. О художественной прозе. М. ; Л., 1930.
150. Виноградов С.И. Язык газеты в аспекте культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.

151. Виноградова Т.В. Исследование науки и технологий (STS) и политика постправды // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 8. Науковедение. 2018.
152. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.
153. Витгенштейн Л.С. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985.
154. Вишнякова М. Пенсионный миф. Кого на самом деле пытаются защитить государство // Forbes Russia. 2018. 4 окт.
155. Вишнякова О.Д. Язык и концептуальное пространство (на материале современного английского языка). М., 2002.
156. Владимирова Т.Е. Русская языковая личность: экзистенциально-онтологическое измерение // Языковая личность: аспекты изучения : сб. науч. ст. памяти Ю.Н. Караулова. М., 2017.
157. Власенко Н.А. Коллизийные нормы в советском праве. Иркутск, 1984.
158. Внебрачных Р.А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского университета. Сер. «Философия. Социология. Психология. Педагогика». 2012. № 1.
159. Волкова Е.Н. Формирование коммуникативной культуры будущих учителей-логопедов в педагогическом вузе : дис. ... канд. пед. наук. Шуя, 2009.
160. Волошина М.В. Функционально-прагматические характеристики категории мелиоративности в современном французском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010.
161. Вольнская О.А. Сущность и причины неопределенности и риска // Сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. «Современные финансовые отношения: проблемы и перспективы развития». Новосибирск, 2015.
162. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
163. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 2002.
164. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентричной парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1.

165. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М., 2007.
166. Воркачев С.Г. Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремииологии // НДВШ ФН. 1995. № 3.
167. Воркачев С.Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Т. 70. 2011. № 5.
168. Воркачев С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов: любовь и счастье (русско-английские параллели). Волгоград, 2003.
169. Воркачев С.Г. Этносемантика паремии: сопоставительный анализ метафоризированных показателей безразличия в русском и испанском языках // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград ; Архангельск, 1996.
170. Воробьев Ю.Л. Основы формирования и реализации государственной политики в области снижения рисков чрезвычайных ситуаций. М., 2000.
171. Воробьева М.Е. Функционирование юридических терминов в обыденном сознании носителей русского языка // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 3 (47).
172. Ворожбитова А.А. Лингвориторическая парадигма как концептуальная основа форума филологов в Сочи // Символ науки. 2016. № 1.
173. Ворожбитова А.А. Теория текста: антропоцентрическое направление. 2-е изд. М., 2005.
174. Ворожбитова А.А. Филолог-исследователь как профессиональная языковая личность: лингвориторический подход. Сочи, 2019.
175. Вульф К. Вместо предисловия: неопределенность как условие человеческой жизни // Неопределенность как вызов. Медиа. Антропология. Эстетика / под ред. К. Вульф, В. Савчук. СПб., 2013.
176. Вульфов Б.З. Профессиональная рефлексия: потребность, сущность, управление // Магистр. 1985. № 1.
177. Выготский Л.С. Педагогическая психология / под ред. В.В. Давыдова. М., 1996.

178. Выготский Л.С. Развитие высших функций. М., 1960.
179. Выготский Л.С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 6: Научное наследство. М., 1984.
180. Выходцева И.С. Концепт «свой — чужой» в советской словесной культуре (20–30-е гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006.
181. Габдулхаков В.Ф., Исламишин Р.Ф. Андрогогика: историко-педагогический процесс и языковая личность XXI века. М., 2005.
182. Гаврилова О.В. Вторичная языковая личность — результат обучения иностранным языкам // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры : материалы Всерос. науч.-метод. конф. Оренбург, 2016. С. 1991.
183. Гадамер Г.Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М., 1988.
184. Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.
185. Галкин А.Л. Состояния неопределенности и вдохновения в творческом поведении человека // Человек в условиях неопределенности : сб. материалов Всерос. конф. Новосибирск, 2006.
186. Гальперин И.Р. Стилистика. М., 1981.
187. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
188. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика. М., 2004.
189. Гарбузняк А.Ю. Феномен постправды: девальвация факта в медийном дискурсе // Государство и гражданское общество: политика, экономика, право. 2019. № 1.
190. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб., 2005.
191. Гартман Н. Эстетика. Киев, 2004.
192. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
193. Гафарова А.С. Речевой портрет: социолингвистические характеристики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006.
194. Гафиятова Э.В. Профессиональная языковая личность: к вопросу о создании типологического паспорта // Филология и культура. 2017. № 3 (49).

195. Геляева А.И., Пугоева А.О. Доминанты когнитивного стиля эгоцентрической языковой личности (на материале статей Александра Проханова в газете «Завтра») // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 3.
196. Генис А. Постправда. Философия информационной войны // Новая газета. 2018. № 11. 2 февр.
197. Герасимова И.А., Новоселов М.М. Аргументация как методология убеждения // Вопросы философии. 2003. № 10.
198. Гергокаева Д.Д. Эгоцентризм лингвистического дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2008.
199. Герцен А.И. Кто виноват? М., 1848.
200. Гинзбург Р.З. Лексикология английского языка. М., 1979.
201. Глаголев Н.В. Ложная информация и способы ее выражения в тексте // Филологические науки. 1987. № 4.
202. Гносеологические проблемы диалектического материализма. М., 1974.
203. Гносеология в системе философского мировоззрения. М., 1983.
204. Гобозов И.А. Глобализация и примитивизация общества // Философия и общество. 2009. № 2 (54).
205. Гоголь Н.В. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1952.
206. Годунова С.Ю. Педагогические условия развития языковой личности студента технического вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2008.
207. Голев Н.Д. Лингвотеоретические основания типологии языковой личности // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. Барнаул ; Кемерово, 2006.
208. Голиков Л.М. Семиотика экстремистского текста // Уголовный процесс. 2014. № 7.
209. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение. М., 2011.
210. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение. 2-е изд. М., 2014.
211. Голованова Е.И. Профессиональная языковая личность: специфика профессиональных процессов в сфере теории и практики // Non multum, sed multa: Немного о многом.

- У когнитивных истоков современной терминологии : сб. науч. тр. в честь В.Ф. Новодрановой. М., 2010.
212. Голубева А., Дергачев В., Козлов П. «Бешеный принтер 2.0». Зачем Дума готовит новые запреты // Би-би-си. 2020. 20 ноября.
213. Голубева Н.А. Прецедент и прецедентность в лингвистике // Вестник Вятского государственного университета. 2008. № 3-2.
214. Голубева Н.А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы // Язык, коммуникация и социальная среда. 2007. № 7.
215. Голубцов В.Г. Реформа обязательственного права: теоретический и практический эффект состоявшихся изменений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 3.
216. Гольдин В.Е. Русский язык и культура речи : учебник для студ.-нефилологов. М., 2002.
217. Гопко В.В. Примитив и обертология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1.
218. Гордеева М.Н. Речевой портрет и способы его описания // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. 2008. № 6.
219. Гордиенко В.А. Формирование общего сленга в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Киев, 2006.
220. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 1997.
221. Готт В.С. Определенность и неопределенность как категории научного познания. М., 1971.
222. Грачев М.Н. Политика: коммуникативное измерение. Тула, 2011.
223. Грачева Е.Ю. Развитие парламентаризма, совершенствование организации выборов и использования эффективных избирательных технологий. М., 2013.
224. Григорьев А.А. Концепт и его лингвокультурологические составляющие // Вопросы философии. 2006. № 3.
225. Гридина Т.А. Языковая игра как лингвокреативная деятельность // Язык. Система. Личность. Языковая игра как вид лингвокреативной деятельности. Формирование языковой личности в онтогенезе : материалы докл. и сообщений Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2002.

226. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.
227. Гринберг Дж. Антропологическая лингвистика. Вводный курс. М., 2004.
228. Гришаева А.И. Арминий, Барбаросса, ведьмы с Брокена и другие: немецкий язык и культура через призму немецких прецедентных текстов. Воронеж, 1998.
229. Гришина Н.В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб., 2008.
230. Громова Н.С. Речевая агрессия: от коммуникативных ошибок до правонарушений // Юрислингвистика. 2016. № 5.
231. Гронская О.Н. Языковая картина мира и языковая личность сказки: пути реконструкции // Языковая картина мира. Кемерово, 1995.
232. Громека В.И., Масленников В.И., Федорович В.А. и др. США: наука и образование. М., 1974.
233. Губогло М. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., 2000.
234. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
235. Гулина М.А. Словарь-справочник по социальной работе. СПб., 2008.
236. Гуляева Е.В. Лингвокультурный типаж «американский адвокат»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009.
237. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
238. Гумилев Л.Н. Полное собрание сочинений. М., 2018.
239. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М., 2002.
240. Гутов Е.В. Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995.
241. Гуц Е.Н. К проблеме типичных речевых жанров языковой личности подростка // Жанры речи. Вып. 1. Саратов, 1997.
242. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 2003. Т. 1.
243. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. М., 1979.
244. Дегтярев А.А. Политическая власть как регулятивный механизм социального общения // Полис. 1996. № 3.

245. Дедушкина Т.А. Языковая игра: современное состояние вопроса // *Studia Linguistica*. 2012. № 6.
246. Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998.
247. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома // *Silentium* : лит.-филос. альманах. Вып. 2. СПб., 1992.
248. Дементьев В.В. Аспекты проблемы «Речевой жанр и языковая личность» // *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации»*. Т. 24 (63). № 2. Ч. 1
249. Демьянков В.З. Политический дискурс: история и современные исследования. М., 2002.
250. Денисенко В.В. Коллизии правовых актов и способы их разрешения (теоретико-правовой аспект). Воронеж, 2005.
251. Денисенко В.Н., Денисенко А.В., Чеботарева Е.Ю. Языковая личность как отражение социальной и этнической идентичности // *Вопросы психолингвистики*. 2016. № 3 (29).
252. Деревянская В.В. Лингвокультурный типаж «британский колониальный служащий» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
253. Деркач А.А., Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Психолого-акмеологические основы изучения и развития рефлексивной культуры госслужащих. М., 1998.
254. Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000.
255. Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000.
256. Дерюгина Т.В. Языковые средства введения в заблуждение, или Мнимые дозволения в конструкциях гражданско-правовых договоров // *Гражданское право*. 2020. № 6.
257. Дённингхаус С. Между ложью и иллюзией: способы дезориентации со стороны лингвистической семантики // *Логический анализ языка. Между ложью и фантазией*. М., 2008.
258. Дземидок Б. О комическом. М., 1974.
259. Дмитриев А.В., Сычев А.А. Смех: социофилософский анализ. М., 2005.
260. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажии России и Франции XIX века. Волгоград, 2007.
261. Долбунова Л.А. Тезаурус языковой личности переводчика в аспекте межкультурной коммуникации // *Традиции и*

- новаторство в гуманитарных исследованиях : сб. науч. тр. Саранск, 2002.
262. Дорожкин А.М. Неопределенность как форма фиксации противоречия в процессе познания // Противоречия в процессе познания. Горький, 1985.
263. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984.
264. Дридзе Т.М. Интерпретационные характеристики и классификация текстов (с учетом специфики интерпретационных сдвигов) // Смысловое восприятие речевого общения (в условиях массовой коммуникации). М., 1976.
265. Дубко Е.Л., Титов В.А. Идеал, справедливость, счастье. М., 1989.
266. Дубовицкая М.А. Кросс-культурная концептуализация иноязычной ментальности (на материале арабо-американской литературы) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2018.
267. Дубровская О.Г. Социокультурная специфика дискурса: субъектный принцип формирования. Тамбов, 2014.
268. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.). СПб., 1999.
269. Егорова-Гантман Е., Плешаков К. Политическая реклама. М., 1999.
270. Эйгер Г.В. Механизмы контроля языковой правильности высказывания. Харьков, 1990.
271. Елгина С.В. Проявления интеллектуальных особенностей личности в когнитивном компоненте речевых действий : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.
272. Елисеенко А.С. Динамика субъективной неопределенности в решении комплексных проблем // Экспериментальная психология. Т. 6. 2013. № 3.
273. Елохова Г.В., Романенко Л.А. Профессиональная языковая личность будущего инженера: теоретический аспект // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4.
274. Елсуков А.Н. История античной гносеологии. Минск, 1992.
275. Еремеева О.А. О понятии «языковая личность» // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. Харьков, 1991. Вып. 1. Ч. 2.

276. Ермакова О.Н., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
277. Ерофеева Е.В. Речевые акты угрозы и предупреждения и их косвенная реализация во французском дискурсе // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50).
278. Ерошенко А.Р. Концепт «Человек» в антропологической лингвистике: особенности интерпретации // Антропоцентрическая парадигма в филологии. Ставрополь, 2003. Ч. 2.
279. Ефимова Н.Н. Концепт в мифологической системе *lapsus auris* // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. Вып. 10 (721). С. 19.
280. Ефимова Н.Н. Отрицательный языковой материал: векторы исследования // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2014. № 10 (2).
281. Жанры речи. Вып. 6: Жанр и язык. Саратов, 2009.
282. Жаркынбекова К.Ш. Языковая концептуализация цветов в казахском и русском языках : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алматы, 2004.
283. Жданова Л.А., Ревзина О.Г. Власть: языковое значение и концепт // Семантика языковых единиц : материалы Третьей межвуз. науч. конф. М., 1992.
284. Живов В. Московско-тартуская семиотика: ее достижения и ее ограничения // НЛО. 2009. № 98.
285. Жирмунский В.М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.
286. Жмуров В.А. Психиатрия. М., 2018.
287. Жолудь Р.В. «Эра постправды» в западной журналистике: причины и последствия // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика». 2018. № 3.
288. Жукатинская Е.Н. Формирование профессиональной компетентности будущего учителя-логопеда : дис. ... канд. пед. наук. Липецк, 2008.

289. Забродин Ю.М. Психология личности и управления человеческими ресурсами. М., 2002.
290. Зайнуллова Р.Ф. Проблемы презумпции невиновности в налоговых правоотношениях // Современное право. 2018. № 2.
291. Законодательное обеспечение деятельности Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. Семинар с руководящим составом МЧС России : докл. и выступления. М., 2000.
292. Залевская А.А. Индивидуальное знание. Специфика и принципы функционирования. Калинин, 1992.
293. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 2007.
294. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.
295. Звеков В.П. Коллизии законов в международном частном праве. М., 2007.
296. Зеер Э.Ф. Личностно-ориентированное профессиональное образование. Екатеринбург, 1998.
297. Зеер Э.Ф., Павлова А.М., Сыманюк Э.Э. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход. М., 2005.
298. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.И. Языковая игра // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1994.
299. Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. М. ; Воронеж, 2001.
300. Зимняя И.А. Психологическая схема смыслового восприятия // Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976.
301. Зимняя И.А. Смысловое восприятие речевого сообщения // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / отв. ред. Т.М. Дридзе, А.А. Леонтьев. М., 1976.
302. Зинченко В.П. Психологическая педагогика : материалы к курсу лекций. Ч. 1. Самара, 1998.
303. Зинченко В.П. Толерантность к неопределенности // Вопросы психологии. 2007. № 6.

304. Знаков В.В. Психология понимания. М., 2005.
305. Знаков В.В. Теоретические основания понимания западной постправды и русского вранья // Вопросы психологии. 2019. № 1.
306. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
307. Золотова Е.С. Особенности реализации профессиональной языковой личности в естественной письменной речи предпринимателей : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2013.
308. Зоткин Н.В. Смыслополагание в ситуации неопределенности : дис. ... канд. психол. наук. М., 2000.
309. Зыкова И.В. О личности: лингвокультурологические заметки // Язык, сознание, коммуникация : сб. науч. ст., посвящ. памяти В.Н. Телия / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов, М.Л. Ковшова, И.В. Зыкова. Вып. 46. М., 2013.
310. Иванов Д.И. Антропоцентричная парадигма и лингвоориентированная гуманитарная теория // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11 (65) : в 3 ч. Ч. 2.
311. Иванова К.А. Лексические средства интенсификации оценочного значения в информационно-аналитических интернет-текстах // Коммуникативные исследования. 2015. № 1 (3).
312. Иванцова Е.В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 4 (12).
313. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск, 2002.
314. Иванченко Г.В. Идея совершенства в психологии и культуре. М., 2007.
315. Иванчук И.А. Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры. СПб., 2005.
316. Иванюк О.А. Качество закона и проблемы юридической техники // Журнал российского права. 2008. № 2 (134).
317. Ивин А.А. Логика. М., 2002.
318. Ивин А.А. Современная философия науки. М., 2004.
319. Иеринг Р., фон. Юридическая техника. М., 2008.

320. Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. М., 1968.
321. Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. 2-е изд. М., 2010. Т. 1.
322. Ильин В.В. Теория познания. Эпистемология. М., 1994. Т. 2.
323. Ильина А.Н. Условия преодоления смысловой неопределенности в юношеском возрасте // Молодежь и наука : сб. материалов VIII Всерос. науч.-техн. конф., посвящ. 155-летию со дня рождения К.Э. Циолковского. Красноярск, 2012.
324. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. 5-е изд. М., 2015.
325. Каган М.С. Мир общения: проблема межсубъективных отношений. М., 1988.
326. Как же вы бесите! Можно ли на самом деле считать нынешнюю Госдуму «взбесившимся принтером»: анализ «Ленты.ру» // Лента.ру. 2013. 22 марта.
327. Калашникова С.В. Лингвистические аспекты стилей мышления в аргументативном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2007.
328. Калинин М.И. О социалистической законности. М., 1959.
329. Калугина Т.В. Формирование сильной языковой личности экскурсовода (на материале Республики Крым) // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 115. 2019. № 1 (423). Филологические науки.
330. Кант И. Критика чистого разума : в 8 т. Т. 3. М., 1994.
331. Карасик В.И. Коммуникативный типаж: аспекты изучения // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы. Волгоград, 2004.
332. Карасик В.И. Модельная личность как лингвокультурный концепт // Филология и культура : материалы III Междунар. науч. конф. Ч. 2. Тамбов, 2001.
333. Карасик В.И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность // Филология. 1994. № 3.
334. Карасик В.И. Тенденции развития общения в современной массовой культуре // VI Междунар. конф. Российской коммуникативной ассоциации «Коммуникация в изменяющемся мире» : сб. материалов. Красноярск, 2011.
335. Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 1992.

336. Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 2002.
337. Карасик В.И. Языковая личность как предмет изучения антропологической лингвистики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 8 (62).
338. Карасик В.И. Языковая личность: аспекты изучения // II Междунар. науч. конф. «Язык и культура», Москва, 17–21 сентября 2003 г. : тез. докл. М., 2003.
339. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
340. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
341. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи : сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика. Волгоград, 2005.
342. Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В. Иная ментальность. М., 2005.
343. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сб. науч. тр. Воронеж, 2001.
344. Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы : докл. сов. делегации на VI конгр. МАПРЯЛ. М., 1986.
345. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
346. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 6-е изд. М., 2007.
347. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М., 2010.
348. Караулов Ю.Н., Красильникова Е.В. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989.
349. Карпов А.В., Пономарева В.В. Исследование рефлексивных процессов деятельности на примере деятельности управленческой // Психология и практика. Ежегодник Российского психологического общества. Ярославль, 1998. Вып. 1. Т. 4.

350. Карташов В.Н. Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. Ярославль, 2006.
351. Карташов В.Н. Понятие и структура юридической деятельности // Юридическая деятельность: сущность, структура, виды. Ярославль, 1989.
352. Касьян Л.А. Термин «концепт» в современной лингвистике: различные его толкования // Вестник Югорского государственного университета. 2010. Вып. 2 (17).
353. Качалов Р.М. Управление хозяйственным риском. М., 2002.
354. Кезин А.В. Эволюционная эпистемология: современная междисциплинарная парадигма // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1994. № 5.
355. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости // Исток. 1998. Вып. 3.
356. Керимов Д.А. Законодательная техника. М., 2000.
357. Керимов Д.А. Культура и техника законотворчества. М., 1991.
358. Кибак И.А. Психолого-правовые ошибки в законотворческой деятельности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. № 3 (5).
359. Кибиров Т. Кара-барас. М., 2006.
360. Ким Ю.В. О целеполагающих началах, паллиативах и фикциях в конституционном регулировании // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 6.
361. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет : фонохрестоматия. М., 1995.
362. Клейн Л.С. Становление гуманитарной традиции от первобытности до Возрождения // Развитие личности. 2004. № 2.
363. Клементьев Е.И. В поисках правовой защиты культурно-языковых интересов карел, вепсов, финнов Республики Карелия // Права человека и законодательство о языках в субъектах Российской Федерации. М., 2003.
364. Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях. М., 1995.
365. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. Ростов н/Д., 1996.

366. Клобукова Л.П. Структура языковой личности на разных этапах ее формирования // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. Вып. 2. М., 1997.
367. Клюканов И.Э. Языковая личность и интегральные смысловые образования // Язык, дискурс и личность. Тверь, 1990.
368. Кляйн М. Некоторые теоретические выводы, касающиеся эмоциональной жизни ребенка // Психоанализ в развитии. Екатеринбург, 1998.
369. Князева Е.Н. Холизм синергетики и недUALность восточного мышления // Противоречие и дискурс. М., 2005.
370. Ковалев Г.Ф. Прецедентное имя собственное в тексте рекламы // Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред. Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой, В.Т. Титова. Воронеж, 2004.
371. Коваленко Е.В. Языковая актуализация пейоративной оценки: на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006.
372. Кожевникова К. Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста. М., 1979.
373. Кожина М.Н. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст — Дискурс — Стиль. СПб., 2004.
374. Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2006.
375. Кожухарь Д.В. Конкуренция правовых норм, регулирующих правоотношения по поводу жилища : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
376. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М., 1979.
377. Колесов В.В. Концептология: конспект лекций, читанных в сентябре — декабре 2010 года. СПб., 2012.
378. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб., 2002.
379. Колесов В.В., Пименова М.В. Введение в концептологию. М., 2016.
380. Колосов Д.И. Философско-методологические аспекты презумпции вины налогоплательщика // Финансовое право. 2019. № 9.
381. Колшанский Г.В. Соотношение объективных и субъективных факторов в языке. М., 1975.

382. Комалова Л.Р. Вербальная реализация агрессии как продукт социально-когнитивной депривации // Вопросы психолингвистики. 2016. № 4 (30).
383. Комментарий к Федеральному закону от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» / И.О. Антроповцева, О.А. Тарасенко, Е.Г. Хоменко и др. М., 2012.
384. Кон И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М., 1984.
385. Коноваленко В.А., Коноваленко М.Ю., Соломатин А.А. Психология менеджмента. Теория и практика. М., 2016.
386. Коноваленко В.А., Коноваленко М.Ю., Соломатин А.А. Психология управления персоналом. М., 2014.
387. Коновалов А.В. К вопросу о понятии принципов права // Lex russica. 2018. № 8.
388. Коновалова Н.И. Эмоциональная и рациональная оценка в народной фитонимии // Рациональное и эмоциональное в русском языке : межвуз. сб. науч. тр. М., 2012.
389. Коновалова Ю.О. Языковая игра в современной русской разговорной речи. Владивосток, 2008.
390. Кононова И.В. Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосферы (в синхронии и диахронии) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010.
391. Конституционное право Российской Федерации / под ред. С.И. Носова. М., 2014.
392. Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. М., 1974.
393. Копнина Г.А. Речевое манипулирование. 5-е изд. М., 2014.
394. Копнина Г.А. Этическая норма и проблема речевого манипулирования // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. М., 2003.
395. Кордуэлл М. Психология. А-Я : словарь-справочник. М., 1999.
396. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003.
397. Корнев К.И. Специфика копинга в условиях неопределенности // Человек в условиях неопределенности : сб. материалов Всерос. конф. (18–19 мая 2006 г.). Новосибирск, 2006.
398. Корнилова Т.В. Методологические проблемы психологии принятия решений // Психологический журнал. 2005. № 1.

399. Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40.
400. Корнилова Т.В. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3.
401. Коробова Н.В. Мелиоративные коммуникативные стратегии современной английской речи: на материале британского ареала : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2007.
402. Коровина А.Ю. Лингвокультурный типаж «английский сноб» : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
403. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Homo Postmodernus. Психологические и психические нарушения в постмодернистском мире. Новосибирск, 2009.
404. Коротаева Д.С., Месропян Л.М. Угроза в политическом дискурсе социальной сети как средство речевого воздействия // Юрислингвистика. 2021. № 16 (27).
405. Котюрова М.П. Языковая личность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. М., 2003.
406. Кохут Х. Восстановление самости. М., 2002.
407. Кочеткова Т.В. Проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры (обзор) // Вопросы стилистики: язык и человек. Саратов, 1996. Вып. 26.
408. Кравченко А.В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. М., 2013.
409. Краевский В.В. Методологическая рефлексия в научной и учебной работе // Педагогика. 1989. № 2.
410. Краевский В.В. Методология педагогического исследования. Самара, 1994.
411. Крайник О.М. Сформированность текстовых умений старшеклассников как отражение их речевой культуры // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. Вып. 98.
412. Крапивкина О.А. Особое мнение судьи в жанровом пространстве судебного дискурса // Юрислингвистика-11: Пра-

- во как дискурс, текст и слово : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева и К.И. Бринева. Кемерово, 2011.
413. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
414. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М., 1998.
415. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.
416. Краус Г. Новые социально-психологические концепции больных маниакально-депрессивным психозом // Вопросы психиатрии. 1996. № 6.
417. Кригер Е.Э. Ситуации неопределенности и проблемные ситуации: общее и особенное // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2.
418. Кризис права: история и современность / под общ. ред. В.В. Денисова, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова. СПб., 2018.
419. Кринчик Е.П. Психологические проблемы трудовой деятельности в условиях неопределенности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1979. № 3.
420. Кристиансен К., Билунд П. Транзактный анализ в бизнесе. 2-е изд. СПб., 2016.
421. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004.
422. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1.
423. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
424. Крюкова Г.А. Концепт. Определение объема содержания понятия // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 59.
425. Кубиц Г.В. Профессионализация языковой личности (на примере юридического дискурса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005.
426. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века : сб. ст. М., 1995.

427. Кувакин В.А., Ковалева В.П. Неизвестность. М., 2006.
428. Кузнец М.Д., Скребнев Ю.М. Стилистика английского языка. Л., 1960.
429. Кузьмина Н.В., Реан А.А. Профессионализм педагогической деятельности. СПб., 1993.
430. Кулешова М.Л. Пейоративные названия лиц как компонент лексико-семантической категории персональности в словенском и сербском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.
431. Культура русской речи : энцикл. словарь-справочник. М., 2011.
432. Куницын А.П. Русская философия права: философия веры и нравственности : антология. СПб., 1997.
433. Купина Н.А. Идеологические основы комического эффекта в поэзии разных лет // Речевое общение: специализированный вестник / под ред. А.П. Сковородникова. Вып. 13 (21): Категория комического в аспекте теории и практики речевого воздействия. Красноярск, 2011.
434. Курьянович А.В. Динамика жанрово-стилистических особенностей русского эпистолярного дискурса носителей элитарного типа речевой культуры (XX–XXI вв.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2013.
435. Кусько Е.Я. Лексико-синтаксические средства языковой характеристики персонажей в романах А. Шаррера : дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1969.
436. Кухаренко В.А. Семинарий по стилистике английского языка. М., 1971.
437. Кученев А.В. К вопросам взаимосвязи конституционного и антикоррупционного правосознания и их роль в правовой действительности // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 4.
438. Кушнина Л.В., Силантьева М.С. Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 6 (12).
439. Кушнир О.Н., Мартюшев И.А. Документная коммуникация в контексте лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. 2016. № 5.

440. Лабов У. О механизме языковых изменений // Новое в лингвистике. Социолингвистика. Вып. 7. М., 1975.
441. Лавринова Н.Н. Культурологический аспект изучения теорий языковой личности // Аналитика культурологии. 2005. Вып. 1 (3).
442. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. 2-е изд. М., 1996.
443. Лазуренко Е.Ю., Саломатина М.С., Стернин И.А. Профессиональная коммуникативная личность. Воронеж, 2007.
444. Лаптева Л.Е. Традиция «оставления идеи права» в российской истории // Кризис права: история и современность / под общ. ред. В.Н. Денисова, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова. СПб., 2018.
445. Ларичев О.И. Многокритериальные задачи с конструируемыми вариантами решений при ограниченных ресурсах // Проблемы и методы принятия уникальных и повторяющихся решений : сб. тр. М., 1990.
446. Лассвелл Г. Язык власти // Политическая лингвистика. Вып. 20. 2006. № 2.
447. Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX века). М., 2004.
448. Лебедевская Т.В. Место концептуальной картины мира в формировании вторичной языковой личности // Этнокультурный и социолингвистический аспекты теории и практики преподавания языков. Минск, 2015.
449. Левин С.Р. Прагматическое отклонение высказывания // Теория метафоры. М., 1990.
450. Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб., 1998.
451. Левинас Э. Избранные сочинения : в 2 т. М. ; СПб., 2000.
452. Левичева О.С. Компонентная структура системы современной коммуникации: дифференциация понятий // Коммуникативные исследования. 2014. № 1.
453. Лейбниц Г.В. О словах. М., 2010.
454. Лемяскина Н.А. Коммуникативное поведение младшего школьника (психолингвистическое исследование) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1999.

455. Ленин В.И. Марксизм и ревизионизм // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1967–1981. Т. 17.
456. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1997.
457. Леонтьев А.А. Психология общения. М., 2005.
458. Леонтьев А.А. Речевая деятельность // Хрестоматия по психологии. М., 1977.
459. Леонтьев А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977.
460. Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. М., 1965.
461. Леонтьев А.Н. Мотивы и эмоции : курс лекций. М., 2008.
462. Леонтьев В.В. «Похвала», «лесть» и «комплимент» в структуре английской языковой личности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
463. Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40.
464. Леонтьев Д.А. Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд. М., 2003.
465. Леонтьев Д.А., Аверина А.Ж. Феномен рефлексии в контексте проблемы саморегуляции // Психологические исследования. 2011. № 2 (16).
466. Леорда С.В. Речевой портрет современного студента : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006.
467. Лесин Е. Русские вопли : стихи. М., 2005.
468. Лескина С.В. Категория пейоративности в русском и английском языках в аспекте лингвокультурологического сопоставления (на материале фразеологических единиц) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2010.
469. Лескина С.В. Фразеологические эмотивы положительной и негативной коннотаций как средство трансляции эмотивных ситуаций эмпатии и конфликта (на примере русских и английских единиц) // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 4.
470. Лешкевич Т.Г. Феномен неопределенности. Философско-методологический и культурологический анализ: дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 1994.
471. Ли Е.В. Диалектическое взаимодействие универсальных и этнокультурных стратегий аргументации в политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2011.

472. Лившин М.А. Об идеальном и реальном // Вопросы философии. 1984. № 10.
473. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение / под ред. Н.Д. Голева, Н.В. Сайковой, Э.П. Хомич. Барнаул ; Кемерово, 2006.
474. Лисанюк Е.Н. Софистика — это не аргументация // ΣΧΟΛΗ. 2014. Т. 8. № 2.
475. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М., 2001.
476. Литературная энциклопедия : в 11 т. Т. 1 / отв. ред. В.М. Фриче. М., 1930.
477. Лифтон Р. Технология «промывки мозгов»: психология тоталитаризма. СПб., 2005.
478. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : антология. М., 1997.
479. Лоренц К. Восемь смертных грехов человечества. М., 1998.
480. Лосева Л.М. Как строится текст. М., 1980.
481. Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусы II: тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М., 2013.
482. Луковицкая Е.Г. Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1998.
483. Луковицкая Е.Г. Феномен неопределенности в психологии // Психология: итоги и перспективы : тез. науч.-практ. конф. (28–31 октября 1996 г.) / под общ. ред. А.А. Крылова. СПб., 1996.
484. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск, 1986.
485. Лунева В.В. Прагматическое содержание речевого этикета // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 2.
486. Лурия А.Р. Язык и сознание / под ред. Е.Д. Хомской. Ростов н/Д., 1998.
487. Лустина Е.А. Преодоление ситуации неопределенности в процессах мышления и воображения // Вопросы психологии. 1981. № 5.

488. Лутовинова О.В. Лингвокультурный типаж «хакер» // Политическая лингвистика. 2006. Вып. 20.
489. Львов Л.В. Технология формирования учебно-профессиональной компетентности. Челябинск, 2007.
490. Лыдова Г.М. Негативные психические состояния студентов в ситуациях с неопределенным исходом. Елабуга, 2006.
491. Люлюкин В.В. Подходы понимания социального эффекта правовых институтов // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11.
492. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты : науч. тр. Центрконцепта. Архангельск, 1997. Вып. 1.
493. Ма Т.Ю. Американская языковая личность в культурно-историческом пространстве США XX века (опыт прототипического подхода) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012.
494. Мадди С. Смыслообразование в процессах принятия решения // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 6.
495. Мазурин К.М. Тертуллиан и его творения. М., 1892.
496. Майданова Л.М. Агрессивность и речевая агрессия. Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997.
497. Макурова Д.А. Языковая личность дезинформатора // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 1 (103). Ч. 3.
498. Малетина О.А. Лингвостилистические средства создания портрета // Актуальные вопросы лингвистики в работах молодых ученых : материалы науч. сессии фак-та лингвистики и межкультурной коммуникации ВолГУ (апрель 2003 г.) : сб. науч. ст. Вып. 2. Волгоград, 2004.
499. Малёв А.В. Профессиональная языковая личность преподавателя как цель и результат непрерывной методической подготовки в системе высшего педагогического иноязычного образования // Фундаментальные исследования. 2014. № 12.
500. Малинина Н.С. Феномен неопределенности в представлениях современной молодежи // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. Т. 3. № 4.

501. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999.
502. Мамаева С.В. Речевой портрет коллективной языковой личности школьников 5–7 классов : дис. ... канд. филол. наук. Лесосибирск, 2007.
503. Мамаева С.В. Своеобразие речевой субкультуры школьника-подростка (на материале молодежного сленга) // Вестник Красноярского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 6.
504. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1992.
505. Маринич Е.Е. Формирование профессионально-педагогической компетентности будущего учителя логопеда в вузе : дис. ... канд. пед. наук. Шуя, 2012.
506. Марк Аврелий. Размышления римского императора. М., 2017.
507. Маркова А.К. Психология профессионализма. М., 1996.
508. Маркс К. Население, преступность и пауперизм // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М., 1959.
509. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М., 1955.
510. Мартынова Е.М. Типология явлений коммуникативного дискомфорта в ситуациях диалога : дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2000.
511. Марченко М.Н., Прокофьев С.Г. Коллизионное право: комплексный анализ и концепция // Журнал российского права. 2000. № 10.
512. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М., 2007.
513. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.
514. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 2010.
515. Масыч Т.Л. Профессиональная языковая картина мира сотрудников правоохранительных органов (на материале русского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010.
516. Матвеева Г.Г. Речевая деятельность и речевое поведение как составляющие речи. Пятигорск, 1998.
517. Матвеева Г.Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего. СПб., 1993.

518. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д., 2010.
519. Мерзлякова И.С. Понятие лингвокультурного концепта и его методологическое значение для изучения национальной культуры // Гуманитарный вектор. 2008. № 2.
520. Мехов Д.В. Лингвистические и социокультурные аспекты мелиорации // Омский научный вестник. 2014. № 4 (131).
521. Микешина Л.А. Гипостазирование как проблема лингвистической эпистемологии // Эпистемология и философские науки. Т. XXXII. 2012. № 2.
522. Минский М. Структура для представления знания // Психология машинного зрения. М., 1978.
523. Миронова С.П. Профессиональная сфера в концептуальной картине мира // Педагогический журнал Башкортостана. 2012. № 3.
524. Митрошенков О.А. История и философия науки. М., 2020.
525. Михайлова Е.С. Коммуникативный и рефлексивный компоненты и их соотношение в структуре педагогических способностей. Л., 1990.
526. Мкртычян С.В. Речевые тактики аргументирования в устном деловом межличностном дискурсе // Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал. 2007. № 9.
527. Моисеев Н.Н. Логика универсального эволюционизма и кооперативность // Вопросы философии. 1989. № 8.
528. Момотова И.Г. Понятие и структура языковой и вторичной языковой личности // Вестник Вятского государственного университета. 2011. № 2–3.
529. Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. Правовая ментальность в национально-культурном пространстве: особенности эпохи преобразований (церковный раскол XVII в.) // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 4.
530. Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. Правовой менталитет как основание исследования национального права и публично-властной организации в XXI веке // Политические науки. АНИ: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 4 (17).

531. Морозова Е.В. Дегуманизация как средство формирования образа другого/чужого в политике // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 6.
532. Мур Дж. Принципы этики. М., 1984.
533. Мурзин Д.Н. Антропологическая ниша в языковой науке // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. Екатеринбург, 1995.
534. Мурзинова И.А. Лингвокультурный типаж «британская королева» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009.
535. Мурса И.Н. Речевой портрет личности как инструмент судебного автороведения // Юрислингвистика. 2021. № 18 (29).
536. Мухортов Д.С. Об общем и частном в понятиях «языковая личность», «речевой портрет», «идиостиль» и «идиолект» (на примере вербального поведения современных политических деятелей) // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления : материалы Международ. науч. конф. (Екатеринбург, 26–28 августа 2014 г.) / гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2014.
537. Мыскин С.В. Языковая профессиональная личность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (30). Ч. 1.
538. Нагайцев В.Г. Производство по делам, возникающим из публичных правоотношений, — уйти, чтобы остаться // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 9.
539. Надеев Р.К. Законотворческие ошибки // Российская юстиция. 2001. № 5.
540. Назарова Р.З., Золотарев М.В. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов // Известия Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. 2015. Т. 15. № 2.
541. Нанси Ж.Л. Бытие единичное множественное. Минск, 2004.
542. Напреенко Г.В. Идентификационная лингвистика как аспект лингвоперсонологии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т. 4.

543. Напреенко Г.В. Идентификация текста по его авторской принадлежности на лексическом уровне (формально-количественная модель) // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379.
544. Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм П. Абеяра. М., 1994.
545. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод : сб. науч. тр. М., 1996.
546. Нечаева О.А. Очерки по синтаксической семантике и стилистике функционально-смысловых типов речи. Улан-Удэ, 1999.
547. Никитин Е.П. Исторические судьбы гносеологии // Философские исследования. 1993. № 1.
548. Никитина С.Е. Языковое осознание личности в народной культуре // Язык и личность. М., 1989.
549. Николаева Т.М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность: проблемы и перспективы развития русистики : докл. Всесоюз. науч. конф. М., 1991. Ч. 2.
550. Николаева Т.М. Текст // Русский язык : энцикл. М., 1997.
551. Никулина И.А. Влияние цифровизации на общественно-речевую практику адвоката в сети Интернет // Адвокатская практика. 2020. № 4.
552. Ничипорович Е.А. Кооперативная языковая личность в открытом коммуникативном эпизоде: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999.
553. Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2010.
554. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983.
555. Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1.
556. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М., 2006.
557. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М., 2010.
558. Нурышев Г.Н., Бразевич Д.С. Социология. СПб., 2010.
559. Нухов С.Ж. Языковая игра в словообразовании : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997.

560. Общее языкознание. Методы лингвистических исследований / под ред. Б.А. Серебренникова. М., 1973.
561. Огнева Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. 2-е изд. М., 2013.
562. Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера. М., 2002.
563. Олзоева Я.В. Предвыборные дискредитирующие тексты как объект юрислингвистики: нравственно-правовой аспект // Юрислингвистика-10: лингвоконфликтология и юриспруденция : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева и Т.В. Чернышовой. Кемерово ; Барнаул, 2010.
564. Олпорт Г. Становление личности : избр. тр. М., 2002.
565. Омельченко С.Р. В поисках антропологии языка // Научный диалог. 2012. № 12: Филология.
566. Опарина Е.О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. М., 1988.
567. Ополев В.Т. Методологическая рефлексия и ее формы // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Социология». 2008. Т. 21 (60). № 1.
568. Орлова Н.В. Коммуникативная ситуация — речевой жанр — языковая личность (на материале «Книги отзывов и предложений») // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999.
569. Ортега-и-Гассет Х. Нищета и блеск перевода // Что такое философия? М., 1991.
570. Основин Ю.А. Генезис и сущность понимания. Куйбышев, 1990.
571. Основы антрополингвистики: к лексическим основаниям эволюции мышления человека / С.В. Гринев-Гриневич, Э.А. Сорокина, Т.Г. Скопюк. М., 2005.
572. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. 17.
573. Откупщикова М.И. Синтаксис связного текста. М., 1982.
574. Павлов И.П. Полное собрание сочинений. 2-е изд. Т. 3. Кн. 2. М., 1951.
575. Павлюкевич В.В. Логико-методологический статус софизмов // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке. СПб., 2002.

576. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
577. Палмер Дж., Палмер Л. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens. СПб., 2003.
578. Панков Ф.И. Отрицательный языковой материал в рабочей тетради по функциональной морфологии для студентов-филологов // Профессионально-педагогические традиции в преподавании русского языка как иностранного. Язык — речь — специальность : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Мотинские чтения». Ч. 2. М., 2005.
579. Панкратов В.Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация : практ. руководство. М., 2001.
580. Панова М.Н. Языковая личность государственного служащего: дискурсивная практика, типология, механизмы формирования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004.
581. Парсамова В.Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах: на материале писем Ю.М. Лотмана : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004.
582. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М., 1989.
583. Первушина О.Н. Человек и неопределенность: на подступах к постановке проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. 2007. Т. 1. Вып. 1.
584. Перехвальская Е.В. Этнолингвистика. М., 2016.
585. Першин А.Н. Официальные документы и их криминалистическая классификация // Информационное право. 2016. № 2.
586. Петражицкий Л.И. Общая теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000.
587. Петров Д.А. Государственное регулирование и саморегулирование на финансовом рынке: проблемы соотношения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 8.
588. Петрова Н.В. Эволюция понятия «прецедентный текст» // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Филологические науки. 2010. № 2 (10).
589. Пиаже Ж. Генетическая эпистемология // Вопросы философии. 1993. № 5.

590. Пивоварчик Т.А. Распределение коммуникативных приоритетов в речевых ситуациях // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63).
591. Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово, 2004.
592. Пименова М.В. Концептуальные исследования и национальная ментальность // Гуманитарный вектор. 2011. № 4 (28).
593. Пинкер С. Язык как инстинкт / общ. ред. В.Д. Мазо. М., 2004.
594. Пищальникова В.А. Проблемы лингвоэстетического анализа художественного текста. Барнаул, 1984.
595. Платон. Законы // Собр. соч. : в 4 т. М., 1990. Т. 1.
596. Платонов К.К. Вопросы психологии труда. М., 1970.
597. Плехов А.Н. Психологические условия развития вторичной языковой личности преподавателя-лингвиста : дис. ... канд. психол. наук. Н. Новгород, 2007.
598. Плешанов А.Г. Развитие принципов цивилистического процесса в свете намечающейся реформы процессуального законодательства России // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 3.
599. Плотникова С.Н. Онтологический статус комического в коммуникации // Речевое общение: специализированный вестник / под ред. А.П. Сковородникова. Вып. 13 (21): Категория комического в аспекте теории и практики речевого воздействия. Красноярск, 2011.
600. Поварнин С.И. Спор: о теории и практике спора. Минск, 1992.
601. Пономарев Я.А., Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Рефлексия в развитии творческого мышления // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 6.
602. Попов К. Тертуллиан, его теория христианского знания и основные начала его богословия. Киев, 1880.
603. Попов М.Е. Антропология советскости: философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2004.
604. Попова А.А. Речевая агрессия в СМИ как способ манипулирования сознанием человека // Молодой ученый. 2015. № 14.

605. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2007.
606. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный подход как направление когнитивной лингвистики // *Vita in lingua: к юбилею профессора С.Г. Воркачева* : сб. ст. / под ред. В.И. Карасика. Краснодар, 2007.
607. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальное сознание. Воронеж, 2007.
608. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык как национальная картина мира. Воронеж, 2000.
609. Попова С.В. Лингвокультурный типаж «школьная учительница»: субъектное позиционирование : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012.
610. Попова Т.Г. Испанский научно-технический текст: традиции и современные подходы к изучению. М., 2003.
611. Потёмкина Е.В. К вопросу о методах формирования вторичной языковой личности // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2013. Т. 1. № 2.
612. Почепцов Г.Г. (Дез)информация. Киев, 2019.
613. Преображенский П.Ф. Тертуллиан и Рим. М., 2004.
614. Прибрам К. Языки мозга. Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии. М., 1975.
615. Принципы рефлексивной психологии педагогического творчества / С.Ю. Степанов, Г.Ф. Похмелкина, Т.Ю. Колошина и др. // *Вопросы психологии*. 1991. № 5.
616. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1999.
617. Пропп В.Я. Морфология сказки. Л., 1928.
618. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. М., 2011.
619. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. М., 2008.
620. Прохоров Ю.Е. Коммуникативное пространство языковой личности в национально-культурном аспекте // *Материалы IX Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы* : докл. и сообщения российских ученых. М., 1999.
621. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.

622. Прохорова И.О. Русский язык как иностранный. Языковая личность российского политика. М., 2002.
623. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека / Т.В. Корнилова, М.А. Чумакова, С.А. Корнилов и др. М., 2010.
624. Пушкин А.А. Прагмалингвистические характеристики авторитарной языковой личности : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1991.
625. Пушкин А.А. Способ организации дискурса и типология языковых личностей // Язык, дискурс и личность. Тверь, 1990.
626. Пшенкина Т.Г. Вербальная посредническая деятельность переводчика в межкультурной коммуникации: психологический аспект : дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2005.
627. Пятигорский А.М. Избранные труды. М., 1996.
628. Радищева В.О. К методологии исследования лингвоконцепта (на примере анализа немецкого лингвоконцепта "Lüge" (ложь)) // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1.
629. Раздьяконов Е.С., Тарасов И.Н., Халатов С.А. Актуальные вопросы возмещения судебных издержек: комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 4.
630. Разинкина Н.М. Функциональная стилистика английского языка. М., 1989.
631. Райл Г. Систематически дезориентирующие выражения // Эпистемология и философия науки. Т. XXV. 2010. № 3.
632. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб., 2000.
633. Рапопорт Н.В. Языковая национальная личность в контексте формирования культурологической компетенции // Лингвокультурологические проблемы подготовки педагогических кадров для башкирских школ : материалы республиканской науч.-практ. конф. Уфа, 1998.
634. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций / под ред. О.В. Овчинникова. М., 1979.
635. Реформатский А.А. Язык и личность. М., 1989.
636. Речевая коммуникация в политике / под общ. ред. Л.В. Минойевой. М., 2007.

637. Рогов Е.А. Психология познания. М., 1998.
638. Роджерс К. О становлении личностью. М., 1994.
639. Ромашов Р.А. Законодательная дефиниция в условиях интеграции правовых систем: проблемы унификации // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы : материалы Междунар. круглого стола (Черновцы 21–23 сентября 2006 г.) / под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. Н. Новгород, 2007.
640. Рорти Р. Витгенштейн, Хайдеггер и гипостазирование языка // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991.
641. Ростова Н.Н. Философская аналитика идеи постправды // Христианское чтение. 2018. № 6.
642. Росянова Т.С. Когнитивные аспекты развития и функционирования английской терминологии маркетинга : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2019.
643. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2000.
644. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2015.
645. Ружицкий И.В. Концепция языковой личности: лингводидактический аспект : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Словесник. Учитель. Личность» (Чебоксары, 20 ноября 2009 г.) Чебоксары, 2009.
646. Рузавин Г.И. Неопределенность, вероятность и прогноз // Философский журнал. 2009. № 2 (3).
647. Русский язык : энциклопедия. 2-е изд. М., 1997.
648. Рыбин В. Государственный язык как орудие власти. СПб., 2018.
649. Савельев А.В. Темная сторона силы или субъективность в эпистемологии на портале «Философия в России» // Философия науки. 2010. № 3 (46).
650. Савенков А. Индоктринация, или Как контролируют наше сознание // Развитие личности. 2006. № 1.
651. Савчук Л.О. Системные соотношения словаря общества и словаря индивида (с точки зрения активного и пассивного запаса) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.

652. Самигуллина А.Д. Особенности становления лексико-семантического поля «военное обмундирование» в английском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
653. Самкова М.А. Дезинформация как средство информационно-психологической войны против России (на материале медиатекстов о хакерских атаках) // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 3.
654. Самойлов Е.А. Компетентностно ориентированное образование: социально-экономические, философские и психологические основания. Самара, 2006.
655. Самситова Л.Х., Ташбулатова Р.М. Концепт в современной лингвистической литературе: основные подходы и направления его изучения // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 1.
656. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд. М., 2002.
657. Сахарова О.В. Реализация языковой личности в жанрах семейного общения // Жанры речи. Вып. 6. Жанр и язык. Саратов, 2009.
658. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. М., 2008.
659. Светоносова Т.А. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: черты и различия // Филологические науки в МГИМО : сб. науч. тр. 2007. № 27 (42).
660. Седов К.Ф. Жанровое мышление языковой личности (о риторике бытового общения) // Речевое общение. 2000. Вып. 2.
661. Седов К.Ф. К основаниям лингвистики индивидуальных различий (о принципах речевого портретирования) // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 7. Саратов, 2007.
662. Седов К.Ф. Модель коммуникативной компетенции (онтологический, аксиологический, гносеологический аспекты) // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 10. Саратов, 2010.
663. Седов К.Ф. Портреты языковых личностей в аспекте их становления (принципы классификации и условия формирования) // Вопросы стилистики : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 28: Антропоцентрические исследования. Саратов, 1999.

664. Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингвистический аспекты. Саратов, 1999.
665. Седов К.Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности : дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1999.
666. Седов К.Ф. Структура устного дискурса и становление языковой личности: грамматический и прагмалингвистический аспекты. Саратов, 1998.
667. Седов К.Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) // Вопросы стилистики. Язык и человек. Саратов, 1996. Вып. 26.
668. Седов К.Ф. Типы языковых личностей по способности к кооперации в речевом поведении // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2000.
669. Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007.
670. Селина Е.В. Презумпция невиновности: структура и культурный код // Адвокатская практика. 2017. № 2.
671. Семенко Л.П. Аспекты лингвистической теории монолога. М., 1996.
672. Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка. Русский язык от А до Я. М., 2003.
673. Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Психология рефлексии: проблемы исследования // Вопросы психологии. 1985. № 3.
674. Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Рефлексивная психология и педагогика творческого мышления. Запорожье, 1992.
675. Сентенберг И.И. Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте // Языковая личность: проблемы значения и смысла. Волгоград, 1994.
676. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии : сб. тр. / под ред. А.Е. Кибрика. М., 1993.
677. Серебрякова А.Ю. О компонентах коммуникативной ситуации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2009. № 25.
678. Сериков В.В. Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем. М., 1999.

679. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. 17.
680. Серопегина Т.В. Зооморфизмы как единицы зооморфного кода англоязычной культуры // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1.
681. Силантьева М.С. О типах языковых личностей в отношении к элитарной речевой культуре // Сибирский педагогический журнал (научно-практическое издание). Новосибирск, 2009.
682. Силантьева М.С. Элитарная языковая личность в профессиональном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2012.
683. Симонов П.В. Эмоциональный мозг. М., 1981.
684. Синельникова Л.Н. Дискурс власти: от легитимизации до манипуляции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2015. Т. 1 (67). № 4.
685. Сеница И.В. Коллизии в российском праве: на примере норм гражданского и налогового права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
686. Сиротинина О.Б. Устная речь и типы речевых культур // Русистика сегодня. 1995. № 4.
687. Сиротинина О.Б. Основные критерии хорошей речи // Хорошая речь. Саратов, 2001.
688. Скворцова Н. Об использовании «отрицательного языкового материала» в обучении культуре устной и письменной русской речи (на примере нарушения синтаксической нормы) // Журналістыка-2015: стан, праблемы і перспектывы : матэрыялы 17-й Міжнар. навук.-практ. канф. (Мінск, 12–13 ліст. 2015 г.). Мінск, 2015. Вып. 17.
689. Складенко Р.В. Лингвостилистические особенности синтаксического параллелизма (на материале англо-американской художественной прозы XX в.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.
690. Сковородников А.П. Конкатенация // Культура русской речи : энцикл. словарь-справочник. М., 2003.

691. Сковородников А.П. Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. 1997. Вып. 2.
692. Скоробогатов А.В. Правовые заимствования как средство совершенствования национальной правовой системы // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. № 1 (45).
693. Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. Хомский и психология. 5-е изд. М., 2009.
694. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост.: Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М., 1974.
695. Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004. № 1.
696. Снычев И. Русская симфония. М., 2003.
697. Соколов А.В. О персоналистической гносеологии // Вопросы философии. 1998. № 4.
698. Совет Европы: симпозиум по теме «Ключевые компетенции для Европы» : докл. DECS / SC / Sec. (96) 43. Берн, 1996.
699. Современная западная философия : энцикл. словарь. М., 2009.
700. Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. М., 1998.
701. Соколова Е.Т. Клиническая психология утраты Я. М., 2015.
702. Соколова М.Г. Риторика. Тольятти, 2017.
703. Сокольская Л.В. Рецепция как историческая форма правовой аккультурации // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8.
704. Солнышкина М.И. Асимметрия структуры языковой личности в русском и английском вариантах морского профессионального языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2005.
705. Соловьев В.С. Оправдание добра // Собр. соч. : в 2 т. М., 1988. Т. 1.
706. Соломоник А. Семиотика и лингвистика. М., 1975.
707. Солсо Р.Л. Когнитивная психология. М., 1996.

708. Сопова Т.Г. Языковая игра в контексте демократизации художественной речи в последние десятилетия XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007.
709. Сорокин Ю.А. Текст, цельность, связность, эмотивность // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982.
710. Состояние, проблемы и развитие правовой системы Российской Федерации в период 2013 — 2014 годов в отдельных отраслях законодательства / под общ. ред. В.Н. Плигина. М., 2015.
711. Социокультурные (архетипические и ментальные) основания публично-властной организации общества / А.Ю. Мамычев, В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев. М., 2017.
712. Социология. Основы общей теории / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. 2-е изд. М., 2020.
713. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002.
714. Старовойтенко Е.Б. Психология личности: в парадигме жизненных отношений. М., 2004.
715. Старовойтова Д.А. Сущность и содержание методологической рефлексии педагога // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 1. Т. II (Психолого-педагогические науки).
716. Стародубцева И.А. Коллизионные отношения как разновидность конституционно-правовых отношений. Воронеж, 2016.
717. Старцева Т.В. Когнитивное моделирование лингвокультурного типажа EMIGRANT: на материале ирландской литературы XX–XXI вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012.
718. Стаценко А.С. Эмоционально-оценочная лексика как средство реализации речевой интенции. М., 2011.
719. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
720. Степанов Ю.С. Константы : словарь русской культуры. М., 2001.
721. Степанов Ю.С. Константы : словарь русской культуры. 3-е изд. М., 2004.

722. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М., 2007.
723. Стернин И.А. Практическая риторика. М., 2005.
724. Стернин И.А. Практическая риторика. 5-е изд. М., 2008.
725. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003.
726. Стюарт И., Джоинс В. Современный транзактный анализ. 2-е изд. СПб., 2017.
727. Сухих С.А. Личность в коммуникативном процессе. Краснодар, 2004.
728. Сухих С.А., Зеленская В.В. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. Краснодар, 1998.
729. США: наука и образование / В.И. Громека, В.И. Масленников, В.А. Федорович и др. М., 1974.
730. Тайсон Р., Тайсон Ф. Психоаналитические теории развития. Екатеринбург, 1998.
731. Тарасенко О.А. Центральный контрагент: новеллы правового статуса // Право и экономика. 2016. № 3.
732. Тарасенко Т.П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007.
733. Тарасов А.А. Основания процессуального принуждения и презумпция невиновности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5.
734. Тарасов Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики. М., 1987.
735. Татур Ю.Г. Компетентность в структуре модели качества подготовки специалиста // Высшее образование сегодня. 2004. № 3.
736. Таубе М.Ф. Познаниеведение (гносеология) по Славянофильству. Пг., 1912.
737. Текст и его понимание: теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода / Н.П. Пешкова, А.А. Авакян, И.В. Кирсанова, И.Н. Рыбка ; под ред. Н.П. Пешковой. Уфа, 2010.

738. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в языковой картине мира // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. М., 1988.
739. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М., 1996.
740. Тепикин В. В поисках идеала // Культурная реальность. Иваново, 2020.
741. Тертуллиан Квинт Септимий Флорент. Избранные сочинения / сост. и общ. ред. А.А. Столярова. М., 1994.
742. Тихомиров Ю.А. Как готовить законы. М., 1992.
743. Тихомиров Ю.А. Коллизионное право. М., 2000.
744. Тихомиров Ю.А. Юридическое проектирование: критерии и ошибки // Журнал российского права. 2008. № 2.
745. Токарев Г.В. Дискурсивные лики концепта. Тула, 2003.
746. Торопцев И.С. Язык и речь. Воронеж, 1985.
747. Тосунян Г.А., Викулин А.Ю. Государственное регулирование и мораль. Том 1: Сила в правде. Некоторые признаки государственного имморализма на примере законодательства о кредитных историях. М., 2018.
748. Тосунян Г.А., Викулин А.Ю. Эволюция принципов законодательства о кредитных историях. Общий комментарий к новому законодательству о кредитных историях. М., 2014.
749. «Тотальное опричное людоедство». Письмо бывшего директора «Гоголь-центра» А. Малобродского, арестованного по «делу Платформы» // Regnum. 2017. 31 авг.
750. Трофимова Г.С. Структура педагогической коммуникативной компетентности (методологический аспект). 2-е изд. Ижевск, 2000.
751. Троцкий Л.Д. Кто изменники? // Новый Мир. 1917. № 943.
752. Троцкий Л.Д. Центральная задача // Сочинения. Т. 3. Ч. 1. М.; Л., 1924.
753. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917.
754. Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания // Вавилонская башня-2. Слово. Текст. Культура. Чтения 2002–2003. М., 2003.
755. Тулдава Ю.А. Проблемы и методы квантитативно-системного исследования лексики. Тарту, 1987.

756. Тупицына И.Н. Речевая коммуникация: личностно-когнитивное измерение : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005.
757. Уваров А.А. О типологии правопонимания в решениях Конституционного суда РФ // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 5.
758. Уемов А.И. Логические ошибки. М., 1957.
759. Уланович О.И. Текст и его понимание // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 2: Психология, педагогика, методика преподавания иностранных языков. 2001. № 3.
760. Унковский М.А. О неясности законодательства как общественном бедствии и о ближайших путях к его устранению. СПб., 1913.
761. Урсул А.Д. Проблема информации. Философские очерки. М., 1975.
762. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике. М., 2003.
763. Успенский Г.И. Будка. Ростов н/Д., 1904.
764. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М. ; Калуга, 2011.
765. Ушакова Т.Н. Речь человека в общении. М., 1989.
766. Фабер В.О. Проблема неопределенности в структуре философского знания: онтологический, гносеологический, антропологический аспекты : дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2004.
767. Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред. Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой, В.Т. Титова. Воронеж, 2004.
768. Фельзенбаум В.Г. Экономическая эффективность взаимозаменяемых средств производства: методология измерения. М., 1974.
769. Феоктистова И.Е. К вопросу о пейоративах // Вопросы ономастики. Свердловск, 1979. № 13.
770. Философия : энцикл. словарь / под ред. А.А. Ивина. М., 2004.
771. Флеров О.В., Алямкина Е.А. Вторичная языковая личность и ее развитие в учебном процессе // Психология и психотехника. 2018. № 3.

772. Фомина И.А. Свойства личности и особенности речевой деятельности. Рязань, 2002.
773. Формановская А.В. Культура общения и речевой этикет. М., 2002.
774. Формановская Н.И. Стилистика сложного предложения. М., 2007.
775. Франкл В. Воля к смыслу. М., 2000.
776. Фрейберг А. Кудрин призвал Россию отказаться от национального эгоизма // Gaganews.ru. 2017. 2 ноября.
777. Фрейд З. Введение в психоанализ : лекции. М., 1991.
778. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Научно-техническая информация. 1992. Сер. 2. № 3.
779. Фурманов Ю.Р. Критика метафизического разума в эволюционной теории познания // Философские науки. 1991. № 8.
780. Фурсов Д.А. Современное понимание принципов гражданского и арбитражного процесса. М., 2009.
781. Хабриева Т.Я. Парламентское право России. М., 2013.
782. Халеева И.И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. М., 1995.
783. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. М., 1989.
784. Харченко Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. Челябинск, 2003.
785. Хассен С. Освобождение от психологического насилия. Деструктивные культы. Контроль сознания. Методы помощи. СПб., 2003.
786. Хей Дж. Транзактный анализ для тренеров. СПб., 2020.
787. Хитрик К.Н. Теоретические основы обучения культуре иноязычного речевого общения в специальном языковом вузе (на материале иранской ветви индоевропейских языков) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2001.
788. Хуан Тяньлэ. Национально-культурная специфика оппозиции «свой — чужой» в языковом сознании русских и китайцев (на материале китайского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017.

789. Хуторской А.В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты : докл. на отделении философии образования и теории педагогики РАО 23 апреля 2002 г. М., 2002.
790. Цейтлин С.И. Речевые ошибки и их предупреждение. М., 1982.
791. Цуциева М.Г. Актуализация языковой личности политика в современном немецком политическом дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2019.
792. Цуциева М.Г. К вопросу о синкретизме языковой личности политика // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2015. Вып. 1.
793. Цховребова М.К. Законодательная техника как фактор внутреннего развития правовых актов // Вестник Владикавказского научного центра. 2009. Т. 9. № 3.
794. Чарыкова О.Н. Художественный текст как объект дискурсивно-когнитивного анализа // Проблемы русского и общего языкознания : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 5 / отв. ред. В.И. Казарина. Елец, 2007.
795. Чеботарева Е.Ю., Денисенко В.Н., Крупнов А.И. Психолингвистический анализ речевых действий. М., 1998.
796. Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М., 1991.
797. Черватюк И.С. Дискурсивные маркеры власти // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс : сб. науч. тр. Волгоград, 2006.
798. Черепанова И.Ю. Заговор народа. Как создать сильный политический текст. М., 2002.
799. Чернец Л.В., Семёнов В.Б., Скиба В.А. Школьный словарь литературоведческих терминов. М., 2007.
800. Чернов С.Н. Проблемы конституционно-правового статуса национальных районов в Республике Карелии // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 4.
801. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. Т. 2.
802. Чернышевский Н.Г. Что делать? М., 1969.
803. Чернышова Л.А. Отраслевая терминология в свете антропоцентрической парадигмы. М., 2010.
804. Чернявская В.Е. Дискурс // Стилистический энциклопедический словарь. М., 2003.

805. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. М., 2006.
806. Чернявская В.Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ. М., 2011.
807. Чернявская В.Е. От анализа текста к анализу дискурса // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования : сб. науч. ст. Рязань, 2002.
808. Чивилева И.В. Личностные характеристики активности и их проявления в речи : дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2005.
809. Чистович Л.А. Психоакустика и вопросы теории восприятия речи // Распознавание слуховых образов / под ред. Н.Г. Загоруйко и Г.Я. Волошина. Новосибирск, 1970.
810. Чистякова Г.Д. Понимание и усвоение знаний // Развитие творческой активности школьников / под ред. А.М. Матюшкина. М., 1991.
811. Чичерин Б.Н. Вступительная лекция по Государственному праву, читанная в Московском университете 28 октября 1861 года // Московские ведомости. 1861. № 238.
812. Чичерин Б.Н. Общее государственное право. М., 2006.
813. Чухвичев Д.В. Логика, стиль и язык закона // Право и политика. 2005. № 2.
814. Шамне Н.Л., Карякин А.В. Речевая агрессия как нарушение экологичности политического дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2011. № 1 (13).
815. Шапочкин Д.В. Дискурс власти: лингвокультурологический аспект // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 10.
816. Шапочкин Д.В. Концептуальное противостояние «власть» vs «справедливость» в тексте гимна «Интернационал» // Политическая лингвистика. 2013. № 2.
817. Шатин Ю.В. Постправда как риторический феномен в медиапространстве // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 6.
818. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М., 2008.

819. Шаховский В.И. Человек лгущий в реальной и художественной коммуникации // Человек в коммуникации: аспекты исследования. Волгоград, 2005.
820. Шведова Н.Ю. Русский язык : избр. работы. М., 2005.
821. Шевченко А.А. «Постправда» как новый «режим истины» // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 4.
822. Шевченко О.Н. Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б.В. Заходера) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.
823. Щеглов Н.Н. Апологетик Тертуллиана. Библиографическое исследование. Киев, 1888.
824. Щедровицкий Г.П. Проблемы методологии системного исследования. М., 1964.
825. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.
826. Шейн Э.Х. Организационная культура и лидерство. СПб., 2002.
827. Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
828. Шильникова И.С. Когнитивное моделирование лингвокультурного типажа The Man of Property (на материале цикла Д. Голсуорси) : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2010.
829. Ширина Е.В. К характеристике понятий «личность», «языковая личность» и «языковой портрет» // Речевая деятельность. Текст. Таганрог, 2002.
830. Ширяев Е.Н. Современная теоретическая концепция культуры речи // Культура русской речи. М., 2000.
831. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. СПб., 2002.
832. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М., 2016.
833. Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989.
834. Штернов Н.В. Тертуллиан, пресвитер Карфагенский. Очерк учено-литературной деятельности его. Курск, 1889.
835. Шувалов В.И. Мелиоративы в лексике современного немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.
836. Шувалов В.И. Стилистические аспекты мелиорации // Прагматика слова : межвуз. сб. науч. тр. М., 1985.

837. Шулятиков И.С. Термин «концепт» в современной лингвистике // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 12.
838. Шунейко А.А., Авдеенко И.А. Информационная безопасность человека. М., 2018.
839. Шушпанова И.С. «Постправда» в социальной реальности: риски и угрозы // Социологические исследования. 2018. № 12.
840. Щеглова И.В. Лингвокультурный типаж «чиновник» (на материале русского языка) : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010.
841. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. «Правда» и «Постправда» в революционно-ценностном конфликте на Украине // Русин. 2017. № 4 (50).
842. Щербинина Ю.В. Методы диагностики речевой агрессии // Прикладная психология и психоанализ. 2001. № 3.
843. Щитова Н.Г. Лексико-семантические особенности речи английских подростков (на материале романа Джулии Дарлинг "The Taxi Driver's Daughter") // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2012. № 2.
844. Шукин А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. М., 2007.
845. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. М., 2000.
846. Эйсман А.А. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1974.
847. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
848. Юрьева А.В. Лингвориторический идеал как фактор становления профессиональной языковой личности будущего учителя : дис. ... канд. пед. наук. Сочи, 2002.
849. Юрьева А.В., Ворожбитова А.А. Лингвориторический идеал как фактор становления профессиональной языковой личности будущего учителя. 2-е изд. М., 2014.
850. Юрьева А.В., Ворожбитова А.А. Лингвориторический идеал как фактор становления профессиональной языковой личности будущего учителя. 3-е изд. М., 2019.
851. Язык закона / под ред. А.С. Пиголкина. М., 1990.

852. Язык и власть : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной. Саратов, 2003.
853. Язык и личность. М., 1989.
854. Языковая личность: жанровая речевая деятельность. Волгоград, 1998.
855. Языковая личность: культурные концепты. Волгоград, 1996.
856. Яковлева Е.А. Жанроведение, или генристическая лингвистика, как один из методов исследования конфликтных текстов // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева и Т.В. Чернышовой. Кемерово ; Барнаул, 2010.
857. Яковук Т.И. Фактор неопределенности в социокультурной регуляции духовной жизни молодежи : дис. ... д-ра социол. наук. М., 2006.
858. Янчук В.А. Интегративно-эклетический подход к анализу психологической феноменологии : словарь-справочник. Минск, 2001.
859. Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чуждак» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003.
860. Alvermann D., Moon J., Hagood M. Popular Culture in the Classroom: Teaching and Researching Critical Media Literacy. Newark, 1999.
861. Apte M.L. Ethnic humor versus “sense of humor” // American Behavioral Scientist. 1987. № 30.
862. Attardo S. Linguistic Theories of Humor. B. ; N. Y., 1994.
863. Barnes T. Tertullian: A literary and historical study. Oxford, 1971.
864. Berlyne D.E. Structure and direction in thinking. N. Y. ; L. ; Sydney, 1966.
865. Bezroкова М.В. Specific Character of Linguistic Personality Development in Mono- and Poly-ethnic Environment (the Kabardino-Balkarian Republic Case Study) // European Researcher. 2013. Vol. 46. № 4-2.
866. Bordia P., Hobman E., Jones E. Uncertainty during organizational change: types, consequences, and management strategies // Journal of business and psychology. 2004. Vol. 18. № 4.

867. Brandenberger D. Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indoctrination, and Terror Under Stalin, 1927–1941. New Haven, 2011.
868. Browne T. Religio Medici and Urne-Buriall. N. Y., 2012.
869. Brzozowska D. British and Polish celebrity jokes // *Stylistica*. 2001. № 10.
870. Budner S. Intolerance of Ambiguity as a Personality Variable // *Journal of Personality*. 1962. Vol. 30. № 1.
871. Cantor N., Rihistrom Y.F. Personality and Social Intelligence. Englewood Cliffs ; N. Y., 1987.
872. Chlopicki W. Humorous and non-humorous stories — Are there differences in frame-based reception? // *Stylistica*. 2001. № 10.
873. Chomsky N. Propaganda, American-style // *Propaganda Review*. 1987. № 1.
874. Clampitt P.G., Williams M.L. Managing, organizational uncertainty: Conceptualization and measurement. Paper presented at the international, communication, association conference. San Diego, CA, 2000.
875. Darwall S. Consequentialism. Oxford, 2002.
876. Davies Ch. Jokes and their Relation to Society. B. ; N. Y., 1998.
877. Dictionnaire historique et critique. Rotterdam, 1697.
878. Draister E.A. Techiques of Satire. B., 1994.
879. Eible-Eibesfeldt I. Us and the others: The familial roots of ethnonationalism // Eible-Eibesfeldt I., Salter F.K. Indoctrinability, ideology, and warfare: Evolutionary perspectives. N. Y., 1998.
880. Farb P. Word play: What happens when people talk. N. Y., 1976.
881. Festinger L., Rieken H., Schacher S. When Prophecy Fails: A Social and Psychological Study of Modern Group that Predicted the Destruction of the World. N. Y., 1956.
882. Frenkel-Brunswick E. Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable // *Journal of Personality*. 1949. Vol. 11. № 1.
883. Fuller S. Post-truth. Knowledge as power game. L., 2018.
884. Gaines E. Media Literacy and Semiotics. N. Y., 2010.
885. Gil-Aluja J. Management problems in uncertainty // *Handbook of management under uncertainty*. Dordrecht, 2001.

886. Goodman C. *Consequences of Compassion: An interpretation and Defense of Buddhist Ethics*. Oxford, 2009.
887. Grelling K., Nelson L. *Bemerkungen zu den Paradoxien von Russell und Burali-Forti // Abhandlungen der Fries'schen Schule II*. Göttingen, 1908.
888. Grenier S., Barrette A.M., Ladouceur R. *Intolerance of uncertainty and intolerance of ambiguity: similarities and differences // Personality and Individual Differences*. 2005. Vol. 39. № 3.
889. Herman E.S., Chomsky N. *Manufacturing consent. The political economy of the mass media*. N. Y., 2002.
890. Hofstede G. *Culture's Consequences, Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations*. 2nd ed. Thousand Oaks, Calif., 2001.
891. Holly S., Hallet A.H. *Optimal control, expectations and uncertainty*. Cambridge, 1989.
892. Honderich T. *Consequentialism, Moralities of Concern and Selfishness*. Cambridge, 2009.
893. Jakobson R. *Linguistics in its Relation to Other Sciences // Main Trends of Research in the Social and Human Sciences*. Part 1. Hague ; P., 1970.
894. Jakobson R. *The Role of Phonic Elements in Speech Perception : preprint // XVIIIth Intern. Congr. of Psychology. Symposium 23: Models of Speech Perception*. M., 1966.
895. Kahneman D., Slovic P., Tversky A. *Judgment under uncertainty: Heuristics and biases*. Cambridge, 1982.
896. Klapp O.E. *Symbolic Leaders. Public Dramas and Public Men*. Chicago, 1964.
897. Kramer M.W. *Managing uncertainty in organizational communication*. Mahwah, NJ, 2004.
898. Labov W. *The Social Motivation of a Sound Change // Sociolinguistic Patterns*. Philadelphia, 1972.
899. Leech G.N. *Principles of pragmatics*. L., 1983.
900. Lifton R.J. *Thought Reform and the Psychology of Totalism*. N. Y., 1961.
901. Lucas R.E. (Jr.) *Studies in Business Cycle Theory*. Cambridge, 1981.

902. Lynch M. STS, symmetry and post-truth // *Social studies of science*. 2017. Vol. 47. № 4.
903. Mace C.A. Psychology and Aesthetics // *British Journal of Aesthetics*. 1962. Vol. 2.
904. Malinowski B. Phatic Communion // *Communication in face-to-face interaction*. Harmondsworth, 1972.
905. March J.G., Olsen J.P. Organizational choice under ambiguity // *Ambiguity and choice in organizations*. Bergen, 1976.
906. Mitchell E.D., Mason B.S. *The theory of play*. N. Y., 1935.
907. Moscovici S. The myth of the lonely paradigm // *Social research*. N. Y., 1984. Vol. 51. № 4.
908. Muecke O.C. *Irony and the Ironic*. L. ; N. Y., 1982.
909. Nelson L. *Gesammelte Schriften III. Die kritische Methode in ihrer Bedeutung für die Wissenschaften*. Hamburg, 1974.
910. Norton R.W. Measure of ambiguity tolerance // *Journal of Personality Assessment*. 1975. Vol. 39.
911. Pedro J. The propaganda model in the early 21st century // *International Journal of Communication*. 2011. № 5.
912. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteka L. *The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation*. L., 1971.
913. Portmore D.W. *Commonsense Consequentialism: Wherein Morality Meets Rationality*. N. Y., 2011.
914. Rankin D. *Tertullian and the Church*. Cambridge, 1995.
915. Raskin V. The sense of humor and truth // *The Sense of Humor: Explorations of a Personality Characteristic* / W. Ruch (ed.). B. ; N. Y., 1998.
916. Ruch W., Hehl F.-J. A two-mode model of humor appreciation: its relation to aesthetic appreciation and simplicity-complexity of personality // *The Sense of Humor: Explorations of a Personality Characteristic* / W. Ruch (ed.). B. ; N. Y., 1998.
917. Ryle G. *Systematically Misleading Expressions* // *The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method*. Chicago, 1992.
918. Salter F.K. Indoctrination as institutionalized persuasion: Its limited variability and cross-cultural evolution // Eible-Eibesfeldt I., Salter F.K. *Indoctrinability, ideology, and warfare: Evolutionary perspectives*. N. Y., 1998.
919. Scheffler S. *The Rejection of Consequentialism: A Philosophical Investigation of the Considerations Underlying Rival Moral Conceptions*. Oxford, 1994.

-
920. Shotter J. *The Ephemeral Identity: Transitory Personalities in an Era of Postmodernism*. L., 1987.
 921. Singer M., Latich J. *Cults in Our Midst*. Jossey-Bass, 1997.
 922. Stoycheva K. *Ambiguity Tolerance in Adolescents: Its Relations to Creativity Relevant Traits* // 7th Biennial Conference of the European Association for Research on Adolescence. Jena, 2000.
 923. Thompson J.D. *Organizations in action; Social science bases on administrative theory*. N. Y., 1967.
 924. Tiersma P.M. *Parchment, Paper, Pixels: Law and the Technologies of Communication*. Chicago, 2010.
 925. Tiersma P.M. *Textualizing the Law* // *International Journal Of Speech, Language and the Law*. 2001. Vol. 8. № 2.
 926. Von Neumann J., Morgenstern O. *Theory of games and economic behavior*. Princeton, 1953.

Викулин Александр Юрьевич

Основы законодательной дефектологии

Часть третья: Язык закона и его дефекты

Том 3

Языковая личность законодателя

Редактор *Е. Завадская*
Корректор *Ю. Болдырева*
Художник *А. Смирнов*
Верстка *С. Родионова*

Подписано в печать 15.09.2021.
Формат 60×90/16. Объем 19,5 п.л.
Бумага офсетная. Печать цифровая
Тираж 100 экз. Заказ № 92

Отпечатано в ООО «НОВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
117525, г. Москва, ул. Днепропетровская,
д. 3, корп. 5, пом. III